

ТАН МАЛАККА

91
д-19
11185.
Ред. Сирота

М.ДОГИНОВ

ИНДОНЕЗИЯ
И ЕЕ МЕСТО НА ПРОБУ-
ЖДАЮЩЕМСЯ ВОСТОКЕ.
ИЗД. "КРАСНАЯ НОВЬ" Г.П.П. МОСКВА 1924.

ТАН МАЛАККА

ИНДОНЕЗИЯ
И ЕЕ МЕСТО НА ПРОБУЖДАЮЩЕМСЯ
ВОСТОКЕ

ПЕРЕВОД С ГОЛЛАНДСКОЙ РУКОПИСИ

С. Г. Займовского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ □ 1925 □ □ ЛЕНИНГРАД

Предисловие.

„Индонезия далеко, и европейский пролетариат едва знает ее“. Эта мысль возникает у меня, когда я собираюсь писать эту брошюру. Поэтому я считаю необходимым дать, хотя бы в самой сжатой форме, понятие о географии, природе и климате страны. Нелишним будет также краткий очерк, характеризующий разнообразные группы населения в Индонезии, их культуру и историю. Кроме того, полезно вкратце познакомиться с историей страны до и во время господства голландского империализма. Недостаток данных о темпе пролетаризации и численности нынешнего пролетариата Индонезии является причиной того, что я не могу составить специального очерка, освещдающего сущность и развитие индонезского пролетариата. Покуда еще не имеется статистики, которая показала бы число рабочих, занятых в различных отраслях промышленности. Но мы можем констатировать, что это число уже сейчас должно быть огромным, и в ближайшем будущем, соответственно быстрой индустриализации, будет расти еще более ускоренным темпом. Я считаю также необходимым указать на своеобразную экономическую и национальную структуру Индонезии: в ней классовое господство, благодаря полному отсутствию туземного капитала, совпадает с национальным: „Голландский и иной иностранный капитал над индонезским пролетариатом“. Это упрощает здесь коммунистическую пропаганду, по сравнению с другими колониальными странами Азии.

В заключение я обращаю внимание европейского пролетариата на плоды восьмилетней работы коммунистической партии Индонезии, в руках которой фактически все национальное и рабочее движение страны. Этот факт нам приходится освещать в связи с особым географическим и стратег-

Типография
„КОМИТЕРН“
Государственного Издательства
ЛЕНИНГРАД
Екатерингофский просп., 87.

гическим положением Индонезского архипелага. Расположенный между двумя океанами—Индийским и Тихим—и между Азией и Австралией, архипелаг этот составляет важнейший узловый пункт торговых сообщений и стратегический центр Востока. Поэтому западный пролетариат не может оставаться равнодушным к событиям в Индонезии, как это было до сих пор.

Пусть же эта книга всколыхнет равнодушных, поскольку это равнодушие обусловливается незнанием со страной и народом. И пусть она поможет укреплению международной пролетарской солидарности.

Поверхность, климат, растительность Индонезии.

Островное царство Индонезского архипелага, находящееся под владычеством голландского империализма, простиряется с запада на восток свыше чем на 5000 км., а с севера на юг—почти на 2000 км. Линия, проведенная через море от Сабанга (Северная Суматра) до Мерауке (Новая Гвинея), равняется приблизительно 3000 морских миль; стало быть, превышает расстояние, отделяющее Англию от Америки.

Из бесчисленных островов главнейшими являются: Ява, Суматра, Борнео, Целебес и Новая Гвинея, которая принадлежит Нидерландам только отчасти. Ниже мы приведем величину поверхности этих стран.

	Величина приблизительно с:
Ява и Мадура	131.508 кв. км.
Суматра и прилежащие острова	420.384 , ,
Борнео, весь	736.500 , ,
Голландский Борнео . .	553.341 , ,
Целебес	185.914 , ,
Нидерландская Новая Гвинея	397.204 , ,
	Японию
	Калифорнию
	Капскую колонию
	Францию
	Нов. Зеландию и Цейлон

Общая поверхность архипелага, включая и мелкие острова, составляет 2000 кв. км., т.-е. равна приблизительно половине Европы без России.

Разница между самым длинным и самым коротким днем равняется всего 48-ми минутам. Большое влияние на климат оказывает море, которое умеряет дневной жар и ночную прохладу. Температура воздуха весьма равномерна. Средняя температура равняется 30—32° Ц. На побережье средняя температура приблизительно 34—37° Ц. (Интересно сравнить

температуру с Нидерландами, где в летние месяцы иногда наблюдается температура 34—35°). Абсолютный температурный минимум побережья лежит между 16° и 23° и между 21° и 24°. Чем выше, тем температура ниже, понижаясь на 1/2° на каждые сто метров, так что в горах бывает очень прохладно.

Постоянны сильные ветры наблюдаются очень редко, но иногда на ограниченных участках при сильных ливнях бывают смерчи, достигающие подчас большой силы.

Регулярно сменяющиеся ветры называются „муссонами“ и „пассатами“. К югу от Суматры западный муссон приносит дожди, тогда как восточный муссон приносит сухую погоду. С мая по август обычно выпадает очень мало дождей, а с ноября по январь—очень много.

Обилие дождей является весьма важным фактором в орошении плоскогорья.

Индонезия со своим тропическим климатом, регулярной температурой и спокойной атмосферой, большой влажностью и обилием дождей, препятствующим образованию степей и саванн, в высокой степени пригодна для возделывания культурных растений. Там, куда не проникла культура, мы повсюду находим пышную растительность, как вдоль побережья, так и внутри страны, до самых высоких гор.

Первобытный тропический лес как на иностранцев, так и на индонезцев производит колоссальное впечатление. От ученических европейских естествоиспытателей до самых первобытных обитателей Индонезии, вроде даяков с острова Борнео, об этом лесе существует одно лишь мнение: он подавляет. Натуралисты говорят об этом в своих исследованиях, а первобытный даяк в своих песнях. Для него девственный лес—это обиталище злых и добрых духов. Выражение „непроходимый“ как нельзя больше подходит к тропическому девственному лесу. Колossalные деревья, высотой от 40 до 60 метров, теснят друг друга своими огромными стволами и кронами. Под террасой этих высочайших деревьев находятся еще две или три террасы средней высоты, так что тропический девственный лес состоит из трех или четырех слоев или террас. Нижний слой по большей части состоит из колючих растений, затрудняющих движение че-

ловека. Огромные деревья покрыты роскошными видами мхов и орхидей. Бесчисленные лианы обвиваются вокруг древесных стволов и рвутся вверх, к солнечному свету. Эта борьба лиан между собой за право прорваться к солнечному свету придает местным деревьям своеобразную внешность. Впечатление от обилия всевозможных видов растений, с их лианами и орхидеями еще больше усиливается роскошными красками и формами папоротниковых цветов. Некоторые папоротники имеют столь изумительную форму и окраску, что индонезцы называют их: „высокие чертоги лесных богинь“. Большинство гор также покрыты до самых вершин бесчисленными видами прекрасных растений и цветов. И если горы издали представляются импозантными голубыми возышенностями, то вблизи они поражают путешественников разнообразием форм и красок и пышностью растений.

О населении Индонезии.

Главными народами Индонезии являются малайцы и папуасы. К первым причисляются такие группы народностей Суматры, как яванцы, атьехцы, менангкабауэры и батаки на Борнео—даяки, Целебесе—тораджи и бухинезцы. Настоящие папуасы живут в Новой Гвинее. Папуасы, обитающие в восточной части Архипелага, называются альфурами.

Между упомянутыми группами населения существуют большие различия в культуре и языке. В то время как яванцы и малайцы, атьехцы и бухинезцы могут быть причислены к искуснейшим земледельцам, тораджи Целебеса и даяки Борнео обрабатывают свои рисовые поля самыми примитивными способами. Разница в культуре сильно сказывается в архитектурном искусстве и литературе. Еще в 800-м году яванцы умели строить такие здания, как храмы Боро-Будур и Мендут, получившие мировую известность. Они отличались в кораблестроении, в изготовлении предметов из золота, железа и серебра, в постройке жилищ; не менее того они были искусны в музыке (гамеланг) и драматическом искусстве (пьесы ваянг), наконец, в литературе. Почти ничего этого нет у даяков и тораджей. Жилища этих последних племен построены весьма примитивно, и дают

приют целым родам, от 100 до 800 человек. Обработка металла у них не так далеко подвинулась вперед, как у яванцев, музыка и литература существуют лишь в самой зачарочной форме. Сверх того, они еще очень грубы, даяки Борнео совсем недавно пользовались репутацией усекателей голов и людоедов. Столы же малокультурны папуасы, главным занятием которых еще до сих пор являются охота и рыболовство. Они едят не рис, а саго, т.-е. пальмовую муку, приготовление которой не требует почти никакого труда.

Весьма бросается в глаза различие в культуре между индонезиями и менангкабуэрами Средней Суматры. Ученые считают, что менангкабуэры меньше смешаны с индонезиями, чем яванцы, и что среди индонезийских этнографических групп они лучше других сохранили свою собственную культуру и наиболее развили ее. Другие культурные племена Индонезии, как атьехцы, палембангцы, бандьярезы (с Борнео), бухинезцы (Целебес), заимствовали свою культуру на протяжении ряда столетий от менангкабуэров и яванцев.

Вообще мы можем сказать, что яванцы оказали больше влияния на искусство, чем менангкабуэры, тогда как эти последние больше влияли на государственные понятия прочих индонезийских народов.

В области же искусства и литературы — мы говорим о периоде до появления европейцев — яванцы стояли гораздо выше менангкабуэров. Правда, эти последние не лишены примитивного художественного чувства, о чём свидетельствуют их кузнецкие изделия, нарядные дома и рисовые амбары. Но все это не может ити в сравнение с искусством яванцев, созданным, главным образом, в средние века и заслуживающим особого места в мировой истории. Но по части государственных идей и сознания понятия свободы менангкабуэры значительно опередили яванцев. У них еще до прихода европейцев существовали государственные понятия, юстиция и правосознание; они имели ясное представление о личной свободе и чувстве общественной солидарности.

Менангкабуэрам были совершенно неизвестны такие вещи, как вовлечение народных масс в войну произволом деспота и убийство этих масс по воле одного человека; при

их высоко развитом правосознании это было и невозможно. Одним словом, Ява была аристократией и нередко деспотией, а Менангкабау — страной демократов и нередко коммунистов (в смысле первобытного коммунизма). Язык населения отчетливо выражает на Яве рабскую психологию. Яванец высшего сословия говорит с обычным яванцем особым языком („нгоко“), а яванец низших слоев обращается к высшим на языке „кромо“, и между ними иногда ведутся сношения еще и на третьем языке — „медио“.

Разумеется, различия в понимании государства и в характере между обоими народами (яванец был рабом своих вождей, а менангкабауэр не знал такого рабства) не обусловливаются каким-либо особым психологическим или духовным превосходством жителей Менангкабау. Живя на Яве, они работяги садились на корточки перед „султаном“, как и яванцы; те же яванцы, которые жили в Менангкабау, были так же свободны и горды, как эти последние малайцы. Различие в национальном характере и в государственных идеях коренится, главным образом, в географическом положении страны. Ява, которая слыла уже у древних индусов и египтян богатым и красивым островом, еще 1700 лет назад привлекала к себе внимание индусских эмигрантов. В сотрудничестве с индусским правительством или под его властью яванцы создали феодально-монархическое и империалистическое государство, влияние которого простипалось далеко за пределы Явы. Завоевательные походы вызвали необходимость в строго централизованной власти, благодаря которой и была уничтожена свобода яванского крестьянства. Менангкабауэры же жили на почти неприступном, но очень плодородном плоскогорье. Они могли свободно развивать свое сельское хозяйство и не боялись вторжения иноземного врага. Благодаря этому, централизованная власть была излишнею, и бесчисленные деревни Менангкабау, управляемые по одной и той же организационной системе (кампонг), могли жить друг возле друга на федеративных началах. Благодаря высокому благосостоянию страны, ее безопасности и здоровому климату, могла развиваться своеобразная культура, во многих отношениях высокая, особенно в области государственной и правовой.

Изоляция Менангкабау имела результатом своеобразные общественные отношения. В противоположность патриархальным странам, менангкабауэрская женщина является собственницей всего имущества — дома, скотины и рисовых полей. Этого имущества мужчина не может ни продавать, ни закладывать. Этот род владения называется „харта-пусака“ (право владения). Муж фактически ничем не владеет и выступает только представителем своей сестры или членов семейства жены, имущество которой он должен охранять. Всю свою жизнь мужчина менангкабауэр обязан работать, кроме как на своих собственных детях, также и на свою сестру. Когда он умирает, половина того, что он приобрел за время своего брачного сожительства, переходит к его жене и детям, а другая половина к сестре. Таким образом, каждому менангкабауэру приходится работать, как на свою собственную, так и на вверенную ему семью. Когда умирает женщина, все ее имущество переходит к ее дочерям, а если у нее нет дочерей, то к дочерям сестры; если же и у сестры нет дочерей, то к другой женщине из ее семьи.

Следствием этой своеобразной системы, которая называется, в противоположность патриархату (власть отца), матриархатом (власть матери), является гордое и независимое положение женщины, по крайней мере по сравнению с женщинами других азиатских стран. Выходя замуж, женщина материально не попадает в затруднительное положение, потому что у нее есть все, даже если мужчина возьмет еще трех жен (жители Менангкабау, как и другие народы Архипелага, исповедуют мусульманскую религию, разрешающую многоженство). Разумеется, положение менангкабауэрской женщины в течение столетий было сущком в глазу правоверных мусульман. Они хотели ввести патриархальную систему арабов, но это им не удалось, несмотря на то, что менангкабауэры принадлежали к лучшим мусульманам Архипелага. Обеспеченное положение женщины усиливается ее правом принимать активное участие в распоряжении своим имуществом. Законы Менангкабау позволяют ей в случае, если глава семейства или его представитель оказался бы неспособным отстаивать ее права, самостоятельно выступать на их защиту. Прежде, до появления европейцев, судебный

процесс и был для женщин любимейшим развлечением, и адвокатское искусство не составляло тогда монополии мужчин. Адат (закон) говорит о собраниях, касаясь женщин, что „они не должны смущать собраний бурными выступлениями“. И даже теперь, когда капитализм все глубже проникает в общественное право и аграрные отношения менангкабауэров, и когда старое судопроизводство насилино вытесняется, благодаря быстрой капитализации, казенным судопроизводством, мы нередко видим женщину, выступающей в современных судах для защиты своих прав. Само собою разумеется, что старые женщины, на которых современная цивилизация меньше всего могла оказать влияние, являются и лучшими знатоками старых неписаных законов, которые раньше знал каждый житель Менангкабау.

Экономическое господство женщины в связи с тем, что для мужчины почти не остается места в экономической жизни страны, несомненно является причиной того, что житель Менангкабау охотно покидает свою страну, чтобы поискать счастья на чужбине, набраться опыта и с ним вернуться на родину. Менангкабауэры — бродяги Индонезии, и это весьма способствовало тому, что их демократические идеи нашли доступ к более первобытным народам Архипелага. Присущие свободолюбивым и воинственным атьехцами бандъярезцам государственные и правовые понятия в значительной степени заимствованы у менангкабауэров. Если повсюду в Индонезии малайский язык употребляется как дорожный язык, тогда как число жителей Менангкабау доходит только до миллиона и составляет, таким образом, от 2% до 3% всего индонезского населения, то этому он обязан, главным образом, авантюристской натуре менангкабауэров. (Разумеется, от системы матриархата в настоящее время осталось немного). Капитализм развивается на Менангкабау столь же быстрыми шагами, как и на Яве, с той, однако, разницей, что в Менангкабау существует возможность развития туземного капитала. Менангкабауэры все еще принадлежат к зажиточным земледельцам, и в их руках находится почти вся мелкая торговля и часть средней. Что же касается старых государственных форм, то они, конечно, почти исчезли, и никогда гордые и демократические вожди Менанг-

кабау превратились в самый деспотический (по отношению к населению) и рабский (в отношении европейского начальства) класс чиновников.

О Яве мы несколько обстоятельнее расскажем в следующей главе.

Ява до появления европейцев.

Многое произошло на Яве до того, как Индонезию, приблизительно около 1500 года, посетили португальцы. Этот народ открыл новую эпоху в яванской истории, — именно, эпоху „колониальной тирании“. О Яве до прихода европейцев много писали китайцы, индусы, египетские и арабские путешественники. Все они восхваляли красоту и благоденствие этой страны. В яванских легендах и драме отражается немало черт истории яванских героев — военачальников, государственных деятелей и князей, а также завоевательные походы и войны, которые вели яванские владыки. В них говорится и о камнях, памятниках и могилах, дающих материал для серьезных исторических исследований. Но до сих пор никому еще не удалось написать верной и связной истории древней Явы, ибо все эти данные при всем своем интересе дают мало точек опоры для воссоздания долгой и многострадальной истории Явы. Разумеется, в путанице мистически написанных поэм и легенд встречается и несомненная истина. Разумеется, верно, что индусы явились на Яву и принесли яванцам индуизм (браманизм и буддизм) и государственную организацию, и что в конце концов на Яве восторжествовал ислам (это слово занесено на Яву также индуистами). Но причины победы ислама над индуизмом — хотя бы только внешней, потому что внутренне яванцы еще меньше являются буддистами, чем исламитами — никто не может обяснить. Для этого у нас нет необходимых экономических и других данных. Мы не знаем, какой класс поддерживал, например, Дипати-Унуса из Демака, вассального князя гибнувшего Модьюпантского царства в его борьбе против Прабу-Удары, последнего князя Модьюпата. Мы знаем, конечно, что все эти кровавые войны на Яве были, как и в остальных феодальных странах мира, войнами недовольных или често-

любивых вассалов, которые собирали вокруг себя группы недовольных против продажного деспотизма — войнами, приводившими в большинстве случаев к гибели этого последнего. Но мы не можем сказать с уверенностью, что победа одного князя над другим всегда приводила к прогрессу какого-нибудь определенного сословия — например, буржуазии. У нас нет никаких данных, касающихся классовых отношений в несомненно колossalном в то время государстве Модьюпант (под властью индо-яванцев), и позднейшем большом государстве Матарама (находившемся под влиянием ислама). Мы ничего об этом не знаем, ничего не знаем и о состоянии крестьян, рабов, торговцев, чиновников и, несомненно, уже существовавших тогда мелких капиталистов, вроде судовладельцев, судостроителей и промышленников-батаки. Несомненно, что тот или иной повстанец, был ли он недовольный царедворец или вассал, обычно старался окружить себя ореолом святости и принимал новую веру, чтобы собрать вокруг себя народ и повести его на борьбу против старого монарха. Если эта борьба оканчивалась победой нового князя над старым, она одновременно знаменовала и победу новой религии над прежней, ибо народ — как это часто бывает в других восточных странах — следовал религии своего монарха.

Все же, несмотря на историческую неполноту и недостоверность данных, мы попытаемся осветить некоторые темные пункты в истории Явы.

Об истории яванцев до прибытия индусов, приблизительно две тысячи лет тому назад, трудно сказать что-нибудь положительное. Некоторые ученые филологи утверждают, что до прихода индусов на Яву яванцы были уже знакомы с обработкой железа, с посадкой риса на савахах (мокрые рисовые поля), с ваянгом (яванская драма) и гамелангом (музыка).

Подобно нынешним дикарям Центрального Борнео и Целебеса, они, всего вероятней, вели бродячую жизнь. В больших домах жили целые роды, которые посемейно делились на многочисленные отряды. Строительный материал таких жилищ состоял из аланг-аланга, бамбука, ротана и других растений, которые встречались повсюду. Один род по-

стоянно находился в войне с другим и нередко изгонял другие роды из их жилищ.

Одежда, в виду жаркого климата, была не нужна. Как мужчины, так и женщины закрывались листьями банана или мягкой древесной корой. Подобно другим диким народам они татуировались и были весьма неразборчивы в пище. Последняя состояла из продуктов охоты и рыболовства, из зерен дикорастущего проса, а также, вероятно, из риса, разводимого на сухих участках, и муки, выколачиваемой из ствола саговой пальмы.

Главнейшим их оружием, с которым они умели обращаться очень ловко и при помощи которого поражали диких зверей и своих врагов отравленными стрелами, был „сумпитан“ (бамбуковая духовая трубка). Убив врага, они съедали некоторые части его тела, а голову, в знак одержанной победы, подвешивали над костром и коптили для хранения.

Они верили в существование злых и добрых духов. По их понятиям все было одушевленным: предметы, звери и люди (анимизм). Со злыми духами надо жить в дружбе и умилостивлять их жертвами. Эти злые духи обитают в пещерах, на больших дорогах и в вулканах, в водопадах, — и вообще, в местах, производящих на человека сильное впечатление, а также на солнце, луне и звездах. По их понятиям, между людьми и духами существует договор, который обе стороны должны уважать. Человек, нарушая этот договор, карается смертью или болезнью. В случае болезни яванцы обращались к помощи „дукунов“, которые выступали посредниками между больным и соответствующим духом. Принесением жертвы больной мог исцелиться. Весь мир наполнен духами, а из этого следует, что нет необходимости строить храмы. Каждое место, произведвшее впечатление, было местом поклонения духу. Туда они приносили еду, благовония, плоды и цветы, чтобы засвидетельствовать дружественные отношения с духами и умилостивить их.

Индусы переселились сюда прямо из Передней Индии, пройдя через Суматру. Они внесли очень много изменений в общественный строй яванцев. Благодаря им, роды обединились в государство, междуусобные войны прекратились. Они научили яванцев строить храмы и вытесывать статуи

из мягких горных пород для украшения этих храмов. Кроме того, яванцы научились от них обжигать кирпичи для постройки жилищ и каменных дворцов. Многие из этих храмов сохранились до нашего времени. Это, конечно, доказывает, что техника у них была на высокой степени развития.

Индусы принесли яванцам деление на касты. У индусов были четыре касты: 1) каста браминов (жрецов), 2) каста сатриев (воинов), 3) каста васиев (торговцев) и 4) каста судров (пролетариев). Эти касты были резко обособлены одна от другой. Представители различных каст не могли вступать между собой в брак. Незаконные дети составляли касту париев (отверженных). Кастовая система была связана с различием языков, которое яванцы практиковали в отношении друг друга. По всей вероятности, индусы составляли высшую касту. Кроме того, они считали себя собственниками земли.

Индусские поработители заставляли побежденных отбывать для них барщину. Первоначально туземцы не имели даже права участвовать в богослужении.

Князья - завоеватели вначале захватывали только часть завоеванной земли. Остальное они делили между своими соплеменниками, которые управляли своими участками на ленном праве. Их подчиненность князю выражалась в том, что они уплачивали налоги и поставляли солдат в военное время. В противоположность Британской Индии, буддизм пустил на Яве глубокие корни. В Британской Индии буддизм вначале имел успех, но британская реакция почти окончательно вытеснила буддизм. На Яве этого не случилось. Обе религии уживались рядом. Богов, которым поклонялись индусы (шиваисты), не редкость было встретить в буддийских храмах. Индусы все больше становились яванцами в своей религии и обычаях, а эти последние — все больше индусами. Мы не знаем, какие социальные факторы способствовали этому. Чтобы установить это, надо располагать большими, чем у нас есть, историческими данными. Буддизм произвел в этом отношении переворот. Он демократизировал старую строгую кастовую систему, индусские владыки все больше роднились с яванскими фамилиями — несомненно благодаря влиянию буддизма. Таким образом, резкая рознь, созданная кастовой системой, постепенно смягчилась.

Несомненно, и экономическое благосостояние страны возросло под управлением индусов. Повсюду на савахах сеялся рис, десятая часть урожая отдавалась в виде налогов, дома строились по индусскому образцу, развивались рыболовство, торговля и кораблестроение. Началось правильное судоходство не только по всему индонезийскому архипелагу, но даже далеко за пределами его (в Сиам, Британскую Индию и Китай). На остальных островах возникли индусско-яванские колонии (Бандьярез, Бали, Суматра и т. д.).

На Яве существовало много индусских царств, — между прочим царство Матарама со столицей Мендангкумулан в нынешней Дьюкъякарте, и царство Даха в Кедири. Известно также царство Модьюпант. На одном камне название „Модьюпант“ встречается уже в 1340 г. по Р. Х. Новейшие исследования навели на мысль, что оно было, вероятно, основано в 1278 г. Столица Модьюпант, по всей вероятности, находилась вблизи Модьюкерто в Сурабайском резидентстве. Там находились и сейчас еще находятся обширные развалины. В последнее время оттуда были увезены миллионы кирпичей для постройки мусульманских могил и сахарных заводов.

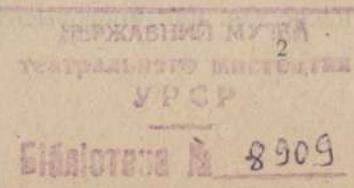
Во многих других местах также встречаются еще развалины храмов, жилых домов и дворцов. Нельзя с уверенностью сказать, являются ли эти развалины остатками жилых домов самостоятельных князей или же столиц вассальных царств. Вероятнее всего — последнее.

Кое-что о Модьюпанте рассказывается в одной найденной учеными рукописи. Там упоминается о войне между китайцами и яванцами приблизительно во второй половине XIII века. Поводом к этой войне явилось оскорблечение китайского посольства. Китай отправил на Яву огромную армию, которая вначале одержала крупную победу. Но, в конце концов, яванцы нанесли китайцам такое поражение, что китайцы вынуждены были покинуть Яву. Воспетый многими яванскими поэтами известный модьюпантский князь Хаям-Бурук раздвинул пределы своего царства до Сингапура, Борнео, Молуккских и других мелких островов. Тубан и Гресе считались важными торговыми пунктами.

Подобно тому, как это было в Европе, индонезийские вассальные князья стремились расширить свои владения за счет Модьюпанта. Самыми могущественными ленниками были вассальные князья Кедири и Демака. Они отказались повиноваться своему сузерену, и в результате их постоянных нападений Модьюпант распался.

Гибель Модьюпанта была ускорена приходом ислама. В различных местах Явы, как-то в Херибоне, Грессе, с 1419 г. осели магометане из Британской Индии (столицы, не из Аравии). В 1518 году магометанский вассальный князь Демак, при поддержке и по наущению исламитского духовенства, разбил армию Прабу-Удары, последнего князя Модьюпанта. Столица Модьюпанта была взята штурмом и сровнена с землей. Часть княжеского семейства бежала на остров Бали и на Восточную Яву и образовала новые индусско-яванские мелкие государства. Гражданская война долго свирепствовала как на Западной, так и на Восточной Яве, особенно на Восточной. Борьба, должно быть, была крайне ожесточенной. При распространении ислама после падения Модьюпанта царила величайшая сумятица и анархия, длившаяся приблизительно столетие. Возник целый ряд мелких исламистских царств, которые все, в конце концов, были поглощены Матарамским царством (в нынешней Дьюкъякарте). В 1575 г. во главе Матарамского царства стал Суто-Видьюо, стремившийся расширить пределы своего владычества на всю Яву, что ему почти и удалось в год его смерти, в 1600 году.

Полноты ради, мы сообщим еще кое-что об искусстве яванцев, как об отражении общества тех времен. В общем можно сказать, что в индусскую эпоху искусство достигло высокого расцвета. Ислам не принес ничего нового, и, в сущности, у него не было даже времени создать что-нибудь новое. Ибо в то время, как в 1600 г., по смерти матарамского султана Суто-Видьюо, он должен был укрепить расшатанное гражданской войной царство, уже появились западные империалисты, сделавшие невозможными жизнь и процветание самостоятельного национального исламитского яванского искусства. Из отраслей древнего искусства больше всего известны:

Архитектура.

В области архитектуры и скульптуры индо-яванцы не отстают ни от каких культурных народов древности. Об этом свидетельствует храм Боро-Будур на Средней Яве, построенный в начале IX века, затем Тьянди-Мендут, построенный в X веке брахинами. На Восточной Яве также еще уцелело несколько храмов. Боро-Будур был реставрирован в новейшее время. Специалисты единогласно утверждают, что храм Боро-Будур по части нарядности и прочности постройки заслуживает большого внимания современных художников. Боро-Будур — типичный пример гармонии между общественным строем и художественным складом яванцев того времени, т.-е. гармонии между яванской природой, общественностью, религией и искусством.

Живопись.

Этот род искусства проявляется, главным образом, в „ваянге“ (сцена). Живопись ваянга процветала уже в X веке. Зная воззрения древних яванцев, мы должны признать, что они были великими мастерами изображения, стилизации и символизации определенных форм и духовных свойств. Однако, человеку Запада, воспитаннику совершенно иной культуры, требуется немало труда и воображения, чтобы постичь эту древнюю яванскую живопись.

Искусство батики.

Это род чисто-яванского национального искусства. Это искусство (роспись тканей для одежд) весьма сродни живописи. Руффар говорит об искусстве батики:

„Не будет преувеличением назвать высоким состояние столь декоративного, богатого и красочного искусства, сочетающегося в дивной первобытной линейной орнаментике, преобразующего животных, растения и геометрические линии с исключительно яванцам свойственным даром преображения!“

Музыка.

Гамеланг (музыка) опять-таки род самобытного яванского искусства. Как инструмент, так и гамма крайне оригинальны.

Их трудно понять европейцу, который привык к другим инструментам и к иным музыкальным ладам. Но в последнее время европейские художники и любители все более восхищаются этой музыкой, ибо, благодаря яванской интелигенции, она становится все более понятной людям Запада. К гамелангу относятся также танцевальное и сценическое искусства; все эти виды искусства носят символический характер и весьма способствуют познанию древней яванской истории, преданий и языка. Все это опять-таки указывает на развитие и расцвет древнего искусства в рамках индо-яванского общества.

Литература.

Литература дает нам полное представление о древнем яванском обществе. Это было типичное феодальное общество с рабски-угодливыми министрами и подданными и с сильным восточным налетом. Одновременно она дает нам представление об уровне, на котором находилась тогдашняя письменность. Но здесь мы должны быть осторожны, ибо язык древних яванцев совсем не таков, как нынешний. Сколь ни серьезным ученым был профессор Керн, он никогда не мог бы нам дать того литературного наслаждения, какое древне-яванские поэты умели давать своим современникам. Яванский ритм, составляющий главную прелест всякой поэзии, при переводе в значительной степени утрачивается, особенно же в отношении мертвого яванского языка. Мы приведем здесь несколько переводов профессора Керна с древне-яванского на голландский язык *).

Поэт Пренанша описывает в „Нагарактагамме“ мощь князя Хаям-Бурука, проявленную во время его походов в Восточную Яву в 1359 г.: „Там, на западном берегу моря, находится густой лес веерных пальм, широко раскинувшийся и лежащий к северу от лагеря, где временно находился князь“.

Прием князем его мантиров (министров), дьяксосов (судей), богословов и других государственных чиновников описывается следующим образом: „Для украшения рыли

*) Наш перевод уже с голландского.

канавы, расходившиеся от выбегавшей в море косы. Разнообразные дома на их берегах, расположенные друг за другом, издали походили на острова, и подступы к ним на дремлющем горизонте, казалось, трепетали на волнах. Это была ценная работа Арис-Сурадихара—конечно, как украшение по случаю прибытия князя».

Как все другие восточные монархи, он проводил время после завоевательных походов среди своих многочисленных жен и в различных играх: „Там король отдыхал от жестокости жгучего солнца, как некий бог и богиня, проводя время в тесном общении со своей возлюбленной супругой. Женщины из внутренних покоев походили на небесных нимф, слетавших из воздушных пространств. Многообразны были игры, которые устраивал монарх. Делалось все, что могло доставить развлечение местным жителям. Устраивались всевозможные маскарады и мимические сражения, приводившие зрителей в немое изумление“.

Другой поэт, Прапантья, описывает кратким и выразительным стилем в отрывистых фразах, отличавшихся большой кино-динамической силой, обратное шествие того же князя: „Упомянем о людях на большой дороге, сплотившихся по ее краям, как некая плотина. Тесно скучившись, терпеливо дожидаются они монарха. Женщины торопливо выбегают из своих домов, громко ссорясь из-за mestечка; у них на бегу спадают даже принадлежности одеяния. Чьи дома стоят слишком далеко от дороги, те спешат занять места на высоких деревьях, на сучьях которых, как гроздья, повисли девушки, молодые и постарше. Некоторые карабкаются на кокосовые и банановые деревья; равнодушные к тому, что их видят чужие глаза, они заняты только одним: смотрят вперед. При появлении царя согласно загремели трубы и цимбалы; все люди, находившиеся на дороге, пали в безмолвном поклонении. Когда он проследовал мимо, началась процессия его свиты. Слоны, кони, ослы, верблюды безостановочно бежали одни за другими. Пешком шли пехотинцы, сомкнув ряды. За ними шли рассыпным строем носильщики легких грузов; с трудом, обремененные ношней, вели они на шнурках молодых собак справа, а пороссят слева, кур и уток в корзинах; медленно, с трудом выступают они под своими

тяжелыми ношами“ (и т. д. Песнь 59 и 60). Идеального правителя государства Прапантья видел в Гадьях-Маде, „который был храбр, мудр, правдив, прямодушен и предан королю, искусен в торжественных речах, справедлив, хладнокровен, постоянен, мужествен, предприимчив“.

А самого монарха Прапантья описывает следующим образом: „Такова доблесть монарха, который управляет Модьюпайтом, как самодержец. Как луна осенью, прославляется он, наполнивший весь мир радостью. Красным лотосам подобны злодеи, белым лотосам праведные, которые одни только любили его искренно. Его слуги, богатства, колесницы, слоны, лошади и пр. неисчислимы, как капли в море“. Состояние страны и ее отношение к прочим странам Азии описывается следующим образом: „Страна Ява на всем своем протяжении походила на сплошной город, состоящий под управлением князя. Тысяча и тысячи населения походят на боевой лагерь, движущийся вокруг столицы; все прочие города похожи на низменности, где людям обеспечено спокойное и благополучное существование. На парки для прогулок похожи леса и горы, по всем направлениям перезывающиеся гуляющими, не боящимися никаких опасностей“. „Каждый месяц Дхальгуна князя чествуют и ублажают. В эту пору стекаются высшие государственные чины всей Явы, начальники округов и чины правосудия с Упа-Паттисами. С ними вместе являются жители Бали и других островов. Все приходят с почетными подарками, безмерно богатыми. Промышленники и купцы густыми толпами запружают базары, разложив свои товары.

„Таким образом, благоденствие яванской страны, чем дальше, тем все больше становилось известным всему миру. Только Передняя Индия и Ява являются выдающимися странами, благодаря множеству жителей, искущенных в науках, с дьяксосами и семью Упа-Паттисами во главе Пандисов, Валисов и Тангарасов, отличающихся в своей работе и весьма умелых.

„Непрерывно стекаются во множестве новые люди из других стран: из Передней Индии, Камбоджи, Китая, Аннама, Тьямпы, Карнатаки (Южная Передняя Индия) и Восточного Индостана, Гауды и Сиама; они приплывают на судах со

многими купцами, с монахами и знатными браминами. Прибывшие встречают теплый прием и охотно остаются на жительство".

Только одни эти описания могут дать нам смутное представление о яванском обществе XIV века. Правда, эти описания необходимо еще освободить от поэтических преувеличений и прикрас; мы должны, однако, заключить, что предметом их является общество, весьма непохожее на дикие, дерущиеся между собой, орды. Это было цветущее феодальное общество, которое поддерживало оживленные торговые и культурные сношения с другими цветущими странами Азии.

Общие замечания по истории Индонезии в эпоху европейского империализма.

Господство индусов привело к слиянию индусов и яванцев. Это было не просто кровное слияние в новую и сильную расу, индо-яванскую: оно повело к образованию новой и сильной культуры. Триста лет тому назад укрепились в Индонезии европейские империалисты. О кровном слиянии пришельцев с туземцами, как это было во время индусского господства, теперь не было и речи. Если же такие случаи и были, они являлись исключением. Новая раса "индо-европейцев" не принадлежит ни к европейцам, ни к индонезиям. Они составляют новый класс в индонезийском обществе. Относительно культуры покуда также говорить не приходится. С исчезновением яванской федеральной производственной системы исчезает и древняя идеология. Администрация, судопроизводство, школы и т. д. теперь служат чисто-капиталистической эксплоатации яванцев в пользу европейских акционеров. В этом и заключается различие между европейским и индусским господством. Большая часть индусов, хотя бы благодаря климату, оставалась в Индонезии и не могла длительно отгораживаться от индонезийского народа. Европеец же возвращается на свою родину и смотрит на Яву, как на страну, которая может обеспечить ему приятную жизнь на родине под старость.

Но не подлежит сомнению, что индонезийский народ рано или поздно сбросит с себя империалистическое иго и создаст новую культуру. Срока этого процесса мы пока не можем указать. Это зависит от многочисленных факторов как в Индонезии, так и за ее пределами.

А пока мы расскажем, как чисто-торговое учреждение "Ост-Индская Компания" превратилась в политico-торговое учреждение, в "правителя".

В 1498 году Васко де-Гама высадился на Малабарском берегу Британской Индии у Каликута. Так был открыт морской путь в Индию. Учредив конторы и построив форты, особенно в 1509—1515 г.г., когда Альфонс д'Альбукар был вице-королем Азии, португальцы укрепили здесь свои торговые связи и свое влияние. В 1511 г. в их руки попал укрепленный торговый город Малакка, главное складочное место пряностей, ради которых португальцы предприняли свой смелый поход в Индию. В Малакке они застали значительную яванскую колонию, сюда же явились торговать купцы из Тубана, Непары, Иактары и Палембанга.

Из Малакки они предприняли далекие поездки на Молуккские острова (восточная часть Индонезии), откуда получались пряности.

В эпоху прибытия португальцев торговля различных островов находилась в руках яванцев, располагавших для своей защиты порядочным флотом. С завоеванием Малакки и искоренением яванской колонии, в результате постоянных морских сражений, в которых португальцы одержали верх, морская мощь яванцев была целиком уничтожена. В 1522 г. португальцы построили форт на Тернате (восточная Индонезия) и получили у дружественных султанов монополию на пряности Молуккских островов. Позднее они встретили сооперников в лице испанцев, которые, однако, должны были отступить перед португальцами. Спустя сто лет, голландцам удалось прогнать португальцев. Нанеся поражение англичанам и бантамскому князю и основав в 1619 г. Батавию, голландцы фактически укрепили свою власть в Индонезии. Голландцы переняли систему португальцев, которые явились их учителями. Система эта сводилась к следующему: заключать договоры с султанами, строить форты и приобретать

монополии, восстанавливать одного султана против другого, нарушать договоры,—словом, практиковать успешную римскую политику „разделяй и властвуй“.

Вначале голландские купцы, ездившие в Индонезию, оказывали друг другу поддержку в борьбе против португальцев, испанцев и индонезских султанов. Впоследствии же между ними началась рознь и конкуренция. Необходимо было со средоточить разделившиеся силы, чтобы мощно выступить против общего врага и прекратить конкуренцию, которая вела только ко взаимному истреблению. По примеру Англии и Британской Индии голландцы в 1602 г. учредили „Ост-Индскую Компанию“.

Голландское правительство даровало ей привилегии, в силу которых она только одна могла вести торговлю в странах, открытых Нидерландами. Генеральные Штаты (голландский парламент) установили за этим военный надзор. Далее, оно оказывало политическую и военную поддержку Компании против ее могущественных конкурентов—португальцев и голландцев. Нидерландское правительство помогало также „Ост-Индской Компании“ при заключении договоров с султантами Индонезии, владения которых представляли интерес для купцов. Заправили прежних отдельных компаний обединились в коллегию из семнадцати членов, известную под названием „Палаты XVII“. В Индонезии правительенная власть находилась в руках генерал-губернатора в единении с советами, каковая система фактически и до сего дня остается неприкосновенной.

Таким образом, „Ост-Индская Компания“ была голландской фирмой, а генерал-губернатор—управляющий этой фирмой.

Что принесло появление „Ост-Индской Компании“ индонезскому обществу? Оно принесло новую производственную систему молодого капитализма, систему производства не для собственных потребностей, но на мировой рынок. Индонезский способ производства был в первую голову рассчитан на собственные потребности Индонезии. Средства производства, интенсификация труда были рассчитаны применительно к плодородию почвы и превосходному климату. Администрация, судопроизводство, образование, темп работы и привычки

народа были приурочены к производственной системе индонезского хозяйства.

Производственные средства и производственная система индонезцев оказались недостаточными, чтобы приносить Компании желаемые богатства. Администрация, судопроизводство, туземное образование и народный характер стали на пути корыстолюбивой Компании.

Что же было делать? Сохранить индонезцам их производственные средства и управление, лишь бы они поставляли требуемые продукты?

По своему торговому характеру Компания могла остановиться только на этом пути. Но благодаря военным победам, Компания изменила тон. Умасливающий тон торговца превратился в командующий голос солдата. Индонезец должен производить новыми способами и с интенсивностью, какая нужна Компании. Управление страной должно действовать так, как этого требует голландская биржа.

Чтобы обеспечить себе прибыль, Компания, в конце концов, присвоила себе землю и рабочие силы яванца. Она требовала не только продуктов для европейского рынка, как например, кофе, но также и материалов для постройки и укрепления своих поселений, продовольствия для своих судов и для армии. Так возникли пресловутые „поставки“ и „контингенты“. Поставки производились по приказу и по (твёрдым) низким ценам, контингенты же были просто категорическими требованиями. Практика показала, что оба эти красивых словечка сводились к грабежу труда и продукта.

И мы не должны удивляться, что этот позорный грабеж приносил колоссальную прибыль. С капиталом в $6\frac{1}{2}$ миллионов Компания приобрела бесчисленные сокровища. Выдачи акционерам из года в год составляли в среднем от 40% до 50%, и в течение целого века дивиденд в общем равнялся 21%. Акция же номиналом в 3000 гульденов большей частью котировалась в пять-шесть раз дороже.

В 1826 году фан-Альфен произнес в голландском парламенте речь, в которой оценивал прибыль, принесенную Компанией Нидерландам, в 2.000 миллионов гульденов, не считая незаконных доходов чиновников Компании. Ценность этой суммы была для Европы тех дней чрезвычайно высока,

для индонезцев же, которые эту ценность произвели, еще выше.

Этот позорный грабеж создал мощь и влияние голландской буржуазии. В Индонезии Компания была в состоянии содержать армию и флот, чтобы покорять под свое иго неповинные народы. Притекавшее в Голландию золото являлось источником ее богатства, науки и искусства. На крови индонезцев выросло сословие голландских патрициев.

Разумеется, власть Компании не могла покоиться исключительно на штыках. Она очень скоро стала опираться на политику и в этом не отставала от древних римлян. Она умела находить себе друзей среди местных князьков, умела натравливать их друг против друга. И когда разыгрывалась борьба, большей частью по ее наущению, Компания всегда хорошо знала, к какой партии ей примкнуть. Мы здесь не можем обстоятельно рассказывать историю расширения мощи и владений Компании. Мы упомянем только о нескольких фактах из яванской истории после основания Батавии „Ост-Индской Компанией“. Эти факты суть: „восстание Таруно-Дьйо“ и „война Дьипо-Негоро“.

В 1646 году скончался в яванском царстве Матарам султан Агенг, которому наследовал его сын Амангкоэ-Ратяванский Нерон. Начало своего правления он ознаменовал вероломством по отношению к одному из самых верных своих чиновников и полным истреблением всей его семьи. Кончину одной из своих любимых жен он ознаменовал тем, что уморил голодной смертью сто других своих жен. Он не щадил ни аристократов, ни простонародья. При жизни этого князя право на престол оспаривали между собой его сыновья, которые были не лучше его. В народе царили недовольство и анархия. Время для восстания, таким образом, назрело. Человеком, который нашел в себе необходимое мужество, который умел руководить и собрал вокруг себя огромные массы недовольного народа, был Таруно-Дьйо. Таруно-Дьйо, успешно выступивший вначале на Восточной Яве, умело и успешно руководил восстанием. Впоследствии сама столица Матарам попала в его руки.

В эту самую эпоху Компания нашла удобный случай половить рыбку в мутной воде. Разумеется, она не стала

поддерживать Таруно-Дьйо, хотя этот человек сумел бы вернуть Яве ее благосостояние и мир. Она оказала поддержку яванскому Нерону и его сыновьям, но не прежде, чем обеспечила себе щедрую награду за оказанную услугу. Компания, султан и другие ее туземные помощники, как, например, бонийский князь Ару-Палака, после упорной борьбы с Таруно-Дьйо сумели, наконец, заставить его отказаться от дальнейшей борьбы. Компания, которой Таруно-Дьйо сдался на милость и таким образом доверил защиту своей жизни, позволила новому султану — сыну скончавшегося тем временем Нерона — посетить безоружного Таруно-Дьйо и неожиданно вонзить ему в грудь кинжал.

Индонезская история, написанная голландскими империалистами и преподаваемая в индонезских школах, негодует на этот подлый акт султана. Она не упоминает о том, что для благородной Компании это был единственный способ освободиться от столь даровитого и энергичного врага, как Таруно-Дьйо. По адресу же народа, в преданиях которого Таруно-Дьйо продолжает жить героем, Компания может только сказать: „Я умываю руки“.

„Невинная“ Компания получила после этого от султана желаемый участок земли, торговый договор и контрибуцию за понесенные военные издергки.

После яванской войны, известной под названием „восстание Дьипо-Негоро“ (1825—1830 г.г.), Компания не хуже умела ограждать свои выгоды штыками и лукавой политикой.

Во владениях князьков (Дьокьякарте и Суракарте) князь, по старому феодальному взгляду, был собственником своей земли. Только по его воле и только на выработанных им условиях подданные могли селиться на его земле и обрабатывать ее. Туземными аристократами и правителями были вассалы, получавшие от князя часть земли и связанный с этим авторитет. Население должно было значительную часть своего урожая уступать вассалам и отбывать различные виды барщины.

Но вот на сцену явился частный европейский капитал, нежелательный индонезскому правительству, потому что он означал [для него конкурента. Частный капитал сумел укрепиться во владениях князьков. Он сумел привязать к

себе князей и ленников подкупами и авансами, получал обширные участки земли, на которых и завел более современную обработку почвы. Благодаря этому, урожайность его земли была выше, чем в феодальном яванском обществе. А это давало частному капиталу возможность отпускать местным князьям огромные суммы на содержание их пышных дворов. Таким образом, у князей был интерес поддерживать этот частный капитал. Земли часто сдавались в аренду европейцам или китайцам на более или менее продолжительный срок. Но при феодальных отношениях сдача земли одновременно означала также сдачу и населения, и европейский или китайский арендатор получали в отношении народа такие же права, как князья и вассалы. Не трудно понять, что яванский крестьянин сгибался в три погибели под этим тяжелым ярмом. Новые приемы и новые цели труда (особенно на европейский рынок) сильно истощили силы населения. На ряду с тяжелой пятой феодализма население давила не менее тяжелая пятая капитализма,—короче говоря, население ленных княжеств должно было теперь работать на паразитирующее княжеское сословие и на паразитирующий капитал.

Теперь государственный капитал (правительство) прекратил сдачу земель частным лицам. Правительство вначале пыталось получить в свои руки распоряжение княжескими землями, но тщетно, потому что князья больше боялись правительства, чем частного капитала. Тогда правительство прибегло к силе и провело свою меру.

Но европейские землевладельцы потребовали от паразитирующих князей и дворянства компенсаций и возвращения авансов, чего те, разумеется, не могли сделать. Они обеднели, среди них развилось недовольство. Это положение знати, в связи с еще более отчаянным положением народа, повело к величайшему и покуда последнему яванскому восстанию против голландского империализма, поддерживавшего султана; этим восстанием руководил Дьипо-Негоро.

После пятилетней борьбы с переменным успехом, во время которой Дьипо-Негоро проявил чудеса храбрости, искусства и энергии, он попал в очень тяжелое положение, и решил вступить в переговоры с генералом де-Коком, но вопреки

договору—Компания никогда не считалась с договорами, когда они были ей невыгодны—был сослан в Амбон. Эта война стоила огромных денег и тридцати тысяч человеческих жизней. Цель Компании была достигнута, ибо фактически она ограничила власть и территорию султана его двором и гаремами.

Яванская война (1825—1830) и война Падрио на Суматре (1830—1834) опустошили индонезскую казну. Наполеоновские войны, в которых Голландия вынуждена была принимать участие, как провинция Франции, а позднее голландско-бельгийская война потребовали столь солидной финансовой помощи от Голландии, что и ее государственная казна пришла в беспорядок. Как восстановить финансы? На кого должно пасть бремя всех этих войн?

Решение вопроса нашли в Индонезии. Яванец должен был нести все тяготы. Словно мало было позорного грабительства и убийств, организованных торговой Компанией на протяжении 200 лет слишком! Яванец все больше и больше должен был работать на индийских чиновников, солдат и палачей и для индийской и голландской казны. Система, которая фактически была утонченным грабежом и воровством, родилась в эпоху либерализма, которым революционная буржуазия Нидерландов хотела наградить колонии, и называлась „культур-систем“—„системой культур“.

Эта система в главных чертах сводилась к следующему: яванцы должны были отвести пятую часть своих полей под культуру кофе, сахара, хлопка, индиго и некоторых других продуктов, сбывавшихся на мировом рынке с большой выгодой. На население была возложена обязанность на пятой части своей земли разводить упомянутые растения за низкую плату и часть урожая доставлять в склады за определенное низкое вознаграждение, устанавливаемое правительством. Эти продукты затем вывозились в Нидерланды торговыми компаниями.

Роль погонщика рабов играли европейские чиновники и регенты (бывшие яванские вассалы). Они получали кроме жалованья известный процент, называвшийся процентом с культур—„культур-процентом“.

„Культур-система“, введенная в 1830 году, начала приносить барыши уже в 1832 г. Особенно огромны были барыши с кофе. За один пиколь (62,5 кгр.) правительство платило при доставке в склады 10 гld., а позднее 15 гld. Продажная же цена кофе в Нидерландах колебалась между 30 и 75 гld.

„Культур-система“ быстро покрыла необходимую часть дефицита. Голландские финансы вскоре были восстановлены. По статье фан-Девентера — в журнале „Хидс—о „долге чести“, „родине“ от одного только хозяйственника фан-ден-Боса, с 1831 по 1877 г., перепала сумма в 823 миллиона. Учитывая тогдашнюю стоимость денег, это была немалая сумма. Сюда не входят миллионы, поступившие в карманы чиновников разными темными путями. Как и эпоха „Ост-Индской Компании“, „культур-система“ составляет темную страницу в истории Индонезии при европейском империализме. Мы заимствуем из этой темной страницы некоторые известные факты. Вожди, которые в виду получаемого ими процента с культур, были заинтересованы в увеличении поставок, во многих местах заставляли население отдавать под разведение европейских растений не пятую, а третью часть своих земель. Во многих местах на ряду с принудительной культурой вымогалась еще земельная рента, восходящая ко временам Раффльза (это английский администратор времен Наполеона). Раффльз порвал с системой Компании, введя всеобщую земельную подать в зависимости от плодородия почвы и урожая. Земельная подать складывалась частью из урожая (в деньгах или продуктах), частью же из рабочей силы. Таким образом, яванцу за вычетом того, что он вынужден был поставлять, в силу принудительной культуры и земельной ренты, которую фан-ден-Бос, творец „культур-системы“, обещал уничтожить, фактически ничего не осталось.

Участки, на которых принудительно разводился кофе, часто находились так далеко от десы (деревни), что на поездку к ним и обратно требовалось очень много времени, и о работе для собственных надобностей крестьянам не приходилось и думать. Они обязаны были не только работать на плантациях, но и выполнять разнообразные барщинные повинности — бесплатно прокладывать дороги через девственные

ные леса, болота и непроходимые горы, главным образом для правительственных войск. Бесчисленные голландские сочинения описывают это позорное рабство во времена „культур-системы“. В 1866 г. были участки, где яванские крестьяне, разводившие кофе, зарабатывали в день от 4 до 5 центов — меньше пятака. На индиговых плантациях обычным был заработка в 8 гульденов в год, при чем из этого заработка еще приходилось уплачивать земельную ренту. Имей крестьяне свои рисовые поля в своем полном распоряжении, они легко могли заработать 80 гld. Голландские описания того времени часто говорят о таких заработках на кофейных плантациях, как 4,5 гульденов в год на семейство.

При поставке продуктов туземные плантаторы становились жертвой бесстыднейших злоупотреблений и обманов. Даже Виталис, инспектор культур, который был настроен вовсе не враждебно к „культур-системе“, констатировал, что культура ценных растений за 1837—1840 годы до того истощила самые плодородные земли, что урожай сократился вдвое. Тем не менее, говорит он, земельная рента была еще повышена. Рабочие руки населения просто конфисковывались. Бывало, что два контрактовых сахарных завода в течение шести месяцев подряд заставляли бесплатно работать по 310 кули в сутки каждый. Яванских крестьян заставляли сажать кофейные деревья на известковой, совершенно бесплодной земле. Пять лет подряд работали на известковой земле 2000 яванских плантаторов, иные в 28 милях от своего дома. Виталис рассказывает дальше, что урожай за эти пять лет составил 3 пиколя кофе ценностью в 36 гульденов. Часто случалось, что работа, требовавшая шести семейств, возлагалась на три семейства. В Преангере Виталис видел голодающих людей, ковылявших по дорогам, как больные. Некоторые были так истощены, что не могли даже принять выданной им авансом еды: они умирали. Тем не менее, фан-ден-Бос утверждал, что, за исключением Преангера, на Яве не было другого места, где жители были бы довольны своей участью.

Барщина тяжко давила плечи истощенных яванцев. Население обязано было заботиться при отправлении приезжих

внутрь страны о доставке лошадей и транспортных средств для служебных поездок и об устройстве служебных помещений для чиновников. Все это поставлялось в форме барщины. При этом яванцы становились жертвами таких „тропических бичей“, как резиденты и другие сильные мира. Один резидент, например, приказал по всей своей дороге настроить бамбуковых заборов и украсить их гирляндами из зелени. Затем явился другой резидент, приказал сломать бамбуковые заборы и заменить их каменными стенами. Третий же приказал сломать каменные стены и камень использовать для починки дорог. Эти резиденты просто уже не знали, что делать со своим праздным временем и огромной властью. Еще тяжелее была работа над портовыми и крепостными сооружениями. Ежегодно эти работы отнимали свыше 3 миллионов рабочих дней и губили десятки тысяч людей. Беззащитный яванец питал такой страх к этим работам, что из Пасуруана и Бесуки на Мадуру бежало 18 тысяч человек. Такое бегство от „культуры“ было повседневным явлением. Куда деться, в первобытный ли лес, или на неприступные горы — этот вопрос не смущал влавших в отчаяние несчастных туземцев — только бы вырваться из ада, который назывался „культурой“.

Земельная рента не исчислялась уже в продуктах, но взималась особо, и при том не только с истощенных рисовых полей, но и с урожая принудительных культур. Это время земельных повинностей становилось еще более тяжелым вследствие невыносимых поборов. Китайские откупщики базарных, портовых и таможенных пошлин должны были платить очень крупные суммы за откуп. Разумеется, китайцы перелагали все это на плечи терпеливого яванца. Бывало так, что туземец, явившийся на базар, отдавал половину приносимых продуктов взимающим пошлины китайцам. Волни яванских туземцев тонули в звоне голландских гульденов на амстердамском кофейном рынке. Для акционера существовали только одно право и одна совесть — право и совесть барыша. Безразлично, как он получался. Яванец существовал исключительно для принесения барыша. Чиновники, солдаты, тюрьма — все это в Индонезии должно было служить выколачиванию барыша. Нажим, оказываемый Европой

на рабовладельцев Индонезии, давил гидравлическим прессом истощенных яванских крестьян. Линчевания и пытки, которым подвергали своих жертв разве что индейцы, были у голландских христиан обычным делом. „Седых деревенских старшин привязали за большие пальцы к дереву так, что носки ног не доставали до земли. Они будто бы поставили недостаточно рабочей силы, что, по расследованию, оказалось совершенно неверным“. „Деревенских старшин клади на землю совершенно нагими на солнечном припеке. Эти деревенские старшины должны были терпеть не только физическую муку — а в большинстве случаев старшины были избираемы и нередко любими народом, — но и выносить всевозможные оскорблении со стороны своих белых „христианских“ господ. На индиговых плантациях рядом с кустами индиго разводились и лозы для сечения. Несчастных туземцев целыми десятками публично наказывали ударами ротана по обнаженному телу“.

Мы не будем уже останавливаться на страшных голодовках на Средней Яве (1819—1850), — главным образом, как последствие неумеренного захвата рисовых полей для нужд „культурных“ плантаций. Что могло дать возмущение отчаявшихся, изголодавшихся и безоружных рабов против своих угнетателей? Но они восставали, и кровь лилась потоками. При этом ее величество королева нидерландская получала превосходный случай раздать медали „колониальным героям“ в воздаяние их мужества, преданности и доблести.

Когда колоссальные барьи кончились, и „культур-система“ изжила себя, частный капитал в Индонезии начал развиваться и ставить иные требования, чем просто грубая эксплуатация и гнет, практиковавшиеся „Компанией“ или „культур-системой“. В Голландии начали раздаваться голоса против позорной эксплуатации яванцев. Мультатули написал свое превосходное сочинение — превосходное прежде всего своими литературными красотами: „Макс Гавелар“; это описание и протест против позорной эксплуатации яванцев в угоду королям кофейного рынка. Господа „этики“, взволнованные страданиями яванских крестьян, заговорили о „долге чести“, который „кающаяся метрополия“ должна вернуть колониям.

Фан-Девентер — несомненно один из самых честных и видных поборников справедливости среди господ „этиков“ — подразумевал под „долгом чести“ миллионы, на которые „культур-система“ ограбила Индонезию для обогащения Нидерландов. В 1884 г. фан-ден-Берх исчислял этот долг в 528 миллионов глд., а с наросшими 5% не менее чем в 1.585 миллионов глд. Фан-Девентер для определения „долга чести“ обратился лишь к прибылям от „культур-системы“. От ее начала и до конца (1830—1877 гг.) было высосано 823 миллиона. Фан-Девентер указал также на огромные средства голландских капиталистов, имеющих возможность заплатить этот долг. Кроме этого призыва к карманам и денежным мешкам голландских капиталистов, он обращался еще к совести своих соотечественников: „Пора положить конец эксплоатации яванцев. Просветить их средствами западной цивилизации, дабы Запад побратался с Востоком“ и т. д.

До сих пор Индонезия не увидела еще ни одного цента из 1.585 миллионов фан-ден-Берха или 823 миллионов фан-Девентера. С такими наивными борцами современный капиталист считается так же мало, как рабовладельцы в роде Дандельса или фан-ден-Боса. Правда, они сочувствуют „просвещению яванцев средствами западной цивилизации“, потому что это входит в систему современного капитализма. Современный капитал требует от своих рабочих больше знаний, чем те, каких требовала Компания или „культур-система“ от рабов плантаций. Современный капитал нуждается для быстро развивающейся индустрии в „чернильных кулиях“, необходимых для техники и администрации. „Просвещение яванцев средствами западной культуры“ означает для капиталиста, таким образом, поднятие с уровня раба плантации до уровня „чернильного кулия“. Стало быть, поборники „просвещения яванцев“, господа „этики“, являются поборниками новейшей системы эксплоатации, — системы современного капитализма.

Культура сахара на Яве.

С той поры, как Мультатули возвысил свой голос против позорной эксплоатации туземцев Явы, многое изменилось в экономической и общественной жизни этого острова. Ява

за это время успела преобразиться из земледельческого в современное промышленное государство. Способ обработки земли и сырья, способ доставки продуктов на мировые рынки — словом, вся система экономической жизни целиком приспособилась к требованиям современной техники. Место принудительного труда занял так называемый „свободный“ труд. Рабочие руки Явы стали теперь товаром, который, как и всякий другой товар на рынке, подчинен закону „спроса и предложения“. Бывший владелец саваха (рисового поля), дома и скота превратился в наемного рабочего, который должен тяжко трудиться день и ночь, чтобы заработать на пропитание себе и семье.

Современная Индонезия — это современная Ява, а современная Ява — это сельскохозяйственная индустрия сахара, кофе, чаю, копры, хины, индиго и табака. На первом плане стоит, однако, сахарная промышленность. Сахарная промышленность — это ось, вокруг которой вращаются торговля, промышленность, транспорт, кредит и банковое дело голландского империализма. Ни одна другая индустрия не внедрилась так глубоко в хозяйственную и общественную жизнь яванского народа, как сахарная. Поэтому мы ее рассмотрим прежде и обстоятельнее всего.

Нижеприводимые цифры дают представление о размерах сахарных культур.

Резидентства	Население.	Число действующих сахарных заводов в 1922 г.	Рисовые харом к жатве 1923 г. площ.	Засеяно сахаром плош.
1. Бесуки . . .	1.484.555	9	172.491	9.150
2. Пасуруан . . .	2.221.235	28	177.489	33.673
3. Сурабайя . . .	2.396.319	36	302.545	38.900
4. Кедири . . .	1.990.538	21	286.752	32.309
5. Мадиун . . .	1.586.008	6	209.246	9.815
6. Семаранг . . .	2.680.208	12	336.139	13.824
7. Соло . . .	2.029.843	15	219.674	20.322
8. Дьюкья . . .	1.270.794	17	77.154	22.104
9. Кедуэн . . .				
10. Баньюмас . . .	4.189.206	8	478.722	11.855
11. Пекалонган . . .	2.280.706	18	261.399	23.885
12. Херибон . . .	1.680.109	13	223.183	14.104
	23.809.521	183	2.744.794	229.941

Приведенные цифры показывают, что приблизительно две трети яванского населения — по переписи 1920 года составлявшего 34.462.751 душу — прямо или косвенно участвуют в разведении сахара. И если принять во внимание, что 183 сахарных завода и разнообразные сахарные предприятия рассеяны по плодороднейшим рисовым полям, то можно понять, какое колоссальное влияние на примитивную хозяйственную и общественную жизнь Явы должна была оказать эта современейшая сельскохозяйственная индустрия.

Сахар производится не для хозяйства Индонезии, но почти исключительно на мировой рынок. Нет ничего удивительного, что сахаропромышленный капитал не жалеет ни издержек, ни стараний и не считается с интересами населения, лишь бы поднять сахарную индустрию до такой высоты, чтобы с наибольшими шансами на прибыль выступать на мировом рынке. Сахаропромышленный капитал располагает новейшими машинами и наилучше обученными техническими силами из Европы и Индонезии. Концентрированные плантации — в противоположность экстенсивным сахарным насаждениям Британской Индии — орошаются самыми современными ирригационными способами и обрабатываются весьма интенсивно на научной основе. При насаждении сахарного тростника наивыгоднейшим образом используются плодородие почвы, дождь, ветер и солнечный свет. На заводах тростник подвергается самоновейшей механической и химической обработке, повышающей качество и выход сахара. Культура сахара на Яве поистине служит показателем того, чего могут достигнуть разум и знание, приложенные к богатой тропической природе.

По указанным причинам сахарная продукция Явы значительно выше, чем на Формозе (японские плантации), в Британской Индии и на Филиппинах. Около 950.000 гектаров, засаженных сахарным тростником в Британской Индии, доставляют около 2.500.000 тонн сахара, тогда как 160.000 гектаров Явы — приблизительно шестая часть возделанной площади Британской Индии — дают около 1.800.000 тонн (пропорция 2 к 9). Формоза дает приблизительно треть добычи Явы. Средняя продукция Явы составляет 125.000 катти, а Формоза — 46.000 катти на единицу поверхности.

Нижеприводимая таблица, заимствованная из „Сурабайской Торговой Газеты“ показывает значение яванского сахара для мирового рынка.

Мировые запасы и мировой спрос (на сахар в 1922 г. *).

Страна.	Население.	Запас урожая в тоннах.	Общее потребление.	Душевое потребление.	Необходимый ввоз.	Готово к вывозу.
1. Куба **)	3.100.000	5.160.000	160.000	115		5.000.000
2. Британская Индия . .	320.000.000	2.592.000	3.146.700	22	554.700	
3. Северная Америка без Филиппин .	109.000.000	1.888.000	4.770.000	98	2.735.000	
4. Ява **) (Индонезия)	36.000.000	1.637.000	460.000	28		1.177.000
5. Германия .	61.000.000	1.300.000	1.500.000	55	200.000	
6. Франция .	38.000.000	425.000	610.000	36	151.700	
7. Япония .	78.250.000	350.000	525.000	15	175.000	
8. Великобритания . .	48.500.000	10.000	1.600.000	71	1.590.000	

Предельный урожай был достигнут в 1917 году, именно 1.822.000 тонн сахара. Высшая средняя продажная цена в 1920 году равнялась 33,65 флорина (гульдена) за пиколь (пиколь равняется 62,5 килограмма). Средняя себестоимость пиколя составляла в 1917 году 5,94 фл., в 1918 году — 7,50 фл., а в 1920 г. — 15,67 фл.

Правильных сведений о доходности сахарной промышленности пока еще никем не приведено. В меморандуме сахарного синдиката, адресованном в 1919 году директору финансов, говорится об общем капитале, вложенном в сахарную промышленность, от 800 до 1000 миллионов гульденов (флоринов). Тогдашний финансовый директор определял прибыль урожая 1919 года в 170 миллионов ***). В том, что

*) Я даю цифры только по главнейшим странам.

**) Необходимо заметить, что Куба и Ява работают почти исключительно на вывоз, тогда как Северная Америка, Великобритания, Индия и Япония являются главными странами по ввозу. Отсюда ясно огромное значение этих стран для сахарной промышленности Явы.

***) Разумеется, сахарные магнаты, учитывая налоги, хранят в тайне свои прибыли.

большая часть этой прибыли упывает за границу, нет ни малейшего сомнения. Что же остается Индонезии, то служит дальнейшему накоплению капитала или поступает в резерв. Прибыльная сахарная промышленность оказывается, далее, в состоянии хорошо вознаграждать служащих, особенно европейцев. Они не только получают большие оклады, но им еще, кроме того, гарантируется, в виде исключения, постоянное участие в чистой прибыли. Так, например, в последние годы войны управляющий получал, кроме постоянного оклада в 1000 гульденов и всевозможных прибавок до 600 гульденов, еще 2% чистой прибыли. Если, например, компания получила 1 миллион чистой прибыли, управляющий получает 20.000 в виде тантьемы. Такие же шансы имеет в большей или меньшей степени остальной европейский персонал. Просто хочется крикнуть „браво“ сахарной индустрии, когда обращаешь внимание на чудеса, достигнутые ею в технической и хозяйственной области, и когда думаешь исключительно об интересах „стригущих купоны сахарных заводчиков“ Европы и о получающих тантьемы служащих Индонезии, которым так хорошо там служить. Мы чуть не готовы забыть бедность, лишения и нищету, которые породил среди яванских крестьян сахаропромышленный капитал за последние десятилетия.

К сожалению, у меня нет статистики, показывающей в точности число непосредственно занятых на сахарных заводах рабочих, обученных и необученных. Не удалось мне также добьть скалы заработной платы всех категорий рабочих и крестьян, занятых в сахарной промышленности. Правда, правительственные ежегодники приводят точные цифры доходов, приносимых правительству ежегодно различными монополиями, и всякого рода налогов, но они нам бесполезны, поскольку мы хотим выяснить экономические условия жизни рабочих, занятых в различных предприятиях. В профсоюзных кругах Индонезии считают, что средний доход сахарного рабочего до учреждения Союза фабричного персонала, т.е. 1919 года, составлял в сутки 0,30 гульденов. После бесчисленных местных движений С. Ф. П. удалось добиться в 1920—21 г. средней ставки в 0,70 гульдена. По данным этого союза, в то время было зарегистрировано 60 тысяч

человек фабричного персонала. Что касается среднего размера заработной платы, то он, я думаю, в действительности мало отклонился от приведенной цифры. Но число — 60.000 рабочих, — если только оно не относится лишь к обученным рабочим, занятым на 183 заводах, представляется мне слишком низким. На одном только сахарном заводе „Дъятирото“ в Восточной Яве работает 8.000 постоянных рабочих, а в горячий сезон, кроме того, 14.000 временных рабочих. Вместе, стало быть, 22.000 рабочих. „Дъятирото“ — крупнейший сахарный завод на Яве. Если предположить, что малые заводы работают с 2000 рабочими, то и в этом случае для всех сахаропромышленных предприятий мы все же получим колоссальную цифру.

Возвратимся же к заработной плате и сравним ее с доходами голландской администрации, не говоря уже о главном правлении и акционерах в Европе. Мы находим соотношение 200 к 38.000 гульденов (годового дохода). Годовой доход в 200 гульденов не преувеличен. В „Обзоре экономического положения туземного населения Явы и Мадуры“, опубликованном в 1904 году, фан-Девентер говорил о среднем годовом доходе в 80 гульденов; г-н Юкес писал недавно в журнале „Опбай“ (Возрождение), что средний доход индонезийца в год составляет 196 гульденов.

Соотношение между доходом европейской фабричной администрации и средним годовым доходом сахарного рабочего дает лишь очень слабое представление об условиях труда и о социальных условиях жизни в сахаропроизводящих районах. Бесчисленные жалобы со стороны крестьян и рабочих, занятых в сахарной промышленности, независимо от их местного и пропагандистского характера, невозможно было бы здесь привести. Но мы можем указать на жалобы, официально известные. Если мы предоставим самому правительству отвечать на эти жалобы, то я думаю, что в обоснованности и объективности этих жалоб не придется уже сомневаться. В связи с жалобами и недовольством против европейского крупного капитала вообще, и в сахарной промышленности в особенности, правительство назначило „сахарную анкетную комиссию“, которой поручено было рассмотреть эти жалобы. Эта комиссия представила в 1921 году

свой доклад. Ниже мы приводим резюме главнейших из этих жалоб и мнения комиссии, заимствуя их из упомянутого доклада.

Жалоба на условия аренды земли и связанные с этим обстоятельства.

Жалуются на зловредную роль старосты „дэзы“ (деревенского старосты) и на управление дэзы (деревенское правление) при сдаче земли. Староста дэзы является послушным орудием в руках администрации, интересам которой он должен ити навстречу (стр. 75).

Мнение комиссии.

Взяточничество при сдаче земли является постоянным злом дэзы. Оно вредит сахарной промышленности. Ее, однако, покуда нельзя еще оградить от продажных элементов.

Сдача земли в коммунальных районах с непостоянными участками несвободна, так как находится в зависимости от коммунальных связей, воплощенных в деревенском правлении. Этим объясняются случаи коррупции, имевшие место при сдаче участков в аренду.

Сахарная промышленность еще бессильна положить конец этим злоупотреблениям. Она к ним приспособляется и во многих случаях пользуется обстоятельствами, поскольку этого требуют ее интересы. (Стр. 178 доклада).

Жалоба.

Осуждается система премий и высказывается пожелание отмены ее.

Мнение комиссии.

Общеизвестно и, кроме того, установлено обследованием сахарной анкетной комиссии, что для осуществления соглашений о найме земли для нужд сахаропромышленных предприятий, а также других насаждений, староста дэзы, большей частью с помощью некоторых членов управления

дэзы, в большей или меньшей степени оказывает этому содействие, за что арендатор, как сторона заинтересованная, назначает ему компенсацию или премию. (Стр. 87).

Нужно пояснить, как показало обследование, что администрация дэзы, ради вознаграждения, использует свое влияние и находит участки для сдачи. Хотя это влияние сельской администрации в большинстве случаев оказывается неуловимым, все же ясно, что в некоторых случаях добровольность сделок по найму земли может потерпеть ущерб. (Стр. 90).

Таким образом, директор не пожелает провести запрещение премий, правильно учитывая, что этим будет учтена известная несправедливость в отношении администрации дэзы, и ее нельзя будет заставить оказывать свое содействие без вознаграждения. (Стр. 91).

В общем сахарная анкетная комиссия не находит целесообразным, покуда существует совет дэзы, и покуда власти дэзы не получают жалованья, вмешиваться путем законодательных мероприятий в принятую ныне в европейской сахарной промышленности систему выдачи премий начальствующим лицам дэзы и членам ее правления по сделкам при найме земли. (Стр. 93).

И хотя это само по себе верно, но непринятие участия в сдаче земли под намечаемую тростниковую плантацию ставит землевладельца (яванского крестьянина) в менее благоприятное положение, потому что разведение „пади“ на небольших участках земли, вкрапленных между насаждениями высокого тростника, невыгодно по агрономическим соображениям, между тем как орошение и дренирование тростникового насаждения ставит иные требования, чем расположенные в других местах плантации „саваха“. (Стр. 94).

Нужно еще упомянуть, что местами встречаются дэзы, вообще не желающие сдавать земель под культуру сахарного тростника. Это, повидимому, приходится объяснить или характером населения, которое желает остаться свободным от влияния промышленности, хотя оно и незажиточно; или же высокими ценами, которые можно получить за „пади“, снимаемый три раза в год. (Стр. 94).

Жалоба.

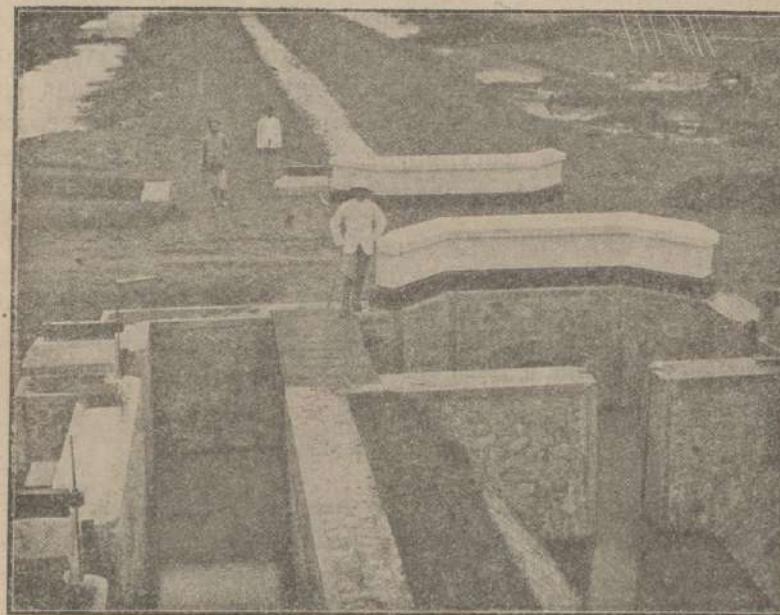
Жалобы туземцев на способ доставки и распределения оросительной воды для нужд сельского хозяйства нужно рассматривать, главным образом, как следствие применения так называемого "суготного регулирования". Оно благоприятствует культуре сахара предпочтительно перед насаждениями туземцев, общее желание которых—чтобы суготное регулирование было упразднено и заменено подачей воды из круговых виадуков, от какой меры можно ожидать лучшей подачи и регулирования оросительной воды.

Как известно, по этой системе во вторую половину восточного муссона оросительная вода целиком, или в большей части, направляется на плантации сахарного тростника, а ночью на плантации туземцев. Разумеется, это регулирование практикуется повсеместно в сахаропроизводящих районах, и, разумеется, прежде всего там, где в период восточного муссона бывает мало воды. Весьма вероятно, что эта система ведет свое происхождение из более ранней эпохи, и во время правительенной культуры сахара вода днем, в первую очередь, будет подаваться на плантации сахарного тростника. (Стр. 183 и 184).

Мнение комиссии.

Разумеется, вследствие хронического недостатка в органах надзора, многое приходится отдавать в руки низшего туземного чиновничества, и потому понятно, что сахарозаводчики, плантации которых находятся в районах, где во время восточного муссона не всегда бывает достаточно воды, стараются обеспечить себе содействие низших туземных чиновников для правильного и достаточного орошения своих плантаций. Это достигается путем выплаты месячной премии на время муссона, возмещением дорожных и суготных расходов, связанных с более внимательным надзором за орошением плантаций завода, подарками и денежными выдачами по случаю так-называемого "яванского нового года" и разных домашних торжеств. (Стр. 95).

Выполнение оросительного регламента и надзор за распределением воды оставляют многое желать, благодаря постоянному недостатку обученного ирригационного персонала. Благодаря недобросовестности низшего туземного персонала распределение воды не всегда бывает справедливым. (Стр. 214).

Оросительная система в Индонезии

Оказалось, что для многих заводов количество инъекционной воды еще не установлено, тогда как другие заводы потребляют слишком много инъекционной воды сравнительно со своей емкостью. Кроме того, не выполнены еще многие работы, которые должны предотвратить расточение воды заводами в ущерб интересам сельского хозяйства. (Стр. 216).

Жалоба.

Жалуются на принятые меры борьбы с пожарами и кражей тростника. Обязанность населения принимать участие в тушении пожаров тростника считается тяжкой повинностью. Стр. (219).

Мнение комиссии.

К противопожарным мерам, которые не по душе заинтересованным туземцам, относится, между прочим, удержание снятой земли до последнего момента договорного срока, если на плантации имел место пожар, и отказ в течение известного времени в выдаче разрешений на устройство празднеств в дезах, в которых имели место пожары сахарного тростника. При расследовании оказалось, что последняя из указанных мер применяется чаще, тогда как удержание земли при пожарах хотя и фигурирует, как условие в арендных договорах, применяется в редких случаях (230 стр.).

Жалоба.

Указывается на неблагоприятные условия жизни в дезах, являющиеся причиной ряда неустройств.

Мнение комиссии.

Комиссия приходит к выводу, что дезы являются источником и средоточием многих и разнообразных несправедливостей, и что роль, которую играет правление дезы, слишком часто оказывается вредной.

Здесь комиссия подошла к самому корню расследования, и она, по ее мнению, не может не подчеркнуть настойчивым образом, что здесь кроется источник очень многих справедливых неудовольствий, которые не раз высказывались туземным обществом.

Известно, однако, что в обычновенных так называемых деревенских делах правление дезы, по общему правилу, действует в собственных выгодах, при чем члены деревенской общины, привыкнув к этому явлению, не протестуют против него. Если оставить в стороне сахарные заводы, то при этом откроется новое поле неправомерных действий администрации дезы. Эта промышленность всем своим существованием связана с дезой и ее интересами. Сахарная промышленность — крупнейший съемщик земли на Яве; никакая другая промыш-

ленность не нуждается так сильно в воде, как именно эта, и не привлекает столько рабочих рук — мужских, женских и детских. Эта крупная индустрия, которая в скором времени заставит перейти к денежному хозяйству довольно первобытное туземное общество, часто к этому еще не приспособленное, играет преобладающую роль во всех условиях жизни и состояниях районов, являющихся полем ее деятельности (стр. 243).

Нужно признать, что во многих случаях соприкосновения европейской сахарной индустрии с дезой правление последней в большей или меньшей степени выступает как посредник, и это ведет к разным нежелательным явлениям. (Стр. 267).

Оказалось также, что без этого посредничества дезы предприниматели во многих случаях не могут обойтись, в виду низкого уровня развития, на котором еще находится община дезы. (Стр. 368).

Жалоба.

Интересы дезы в связи с транспортом сахара. Упадок скотоводства.

Мнение комиссии.

Этот транспорт имеет место в разные времена года, но главным образом он функционирует, по понятным причинам, в сухое время года, — значит, во время уборки. В это время всю продукцию сахарного тростника приходится быстро и регулярно перевозить с плантаций на завод.

В зависимости от местности, для этого применяются быки или буйволы. Вначале это делалось просто по приказу; постепенно, в связи со свободной культурой сахара, развилась система договоров на перевозку, при которой жители дезы, часто являвшиеся собственниками скотины, обязывались поставить большее или меньшее число упряжек на время уборки тростника.

Из невыгод этого порядка отмечается прежде всего неумеренное пользование животной тягой в горячую пору полевых работ. И действительно, в это время происходит перегрузка работой слабой скотины (коров и телят), что

заслуживает осуждения как с точки зрения охраны животных, так и в виду сокращения численности скота благодаря повышению смертности.

Жалоба.

По отношению к так называемой капиталистической эксплуатации населения нужно отметить, что оно, располагая землей и рабочими силами, дает промышленникам возможность наживать миллионы, которые чаще всего уплывают из страны, а если и остаются в стране, не дают никакого улучшения в жизненных условиях владельцев земли и рабочих. (Стр. 270).

Мнение комиссии.

В такие годы, как например 1920, когда прибыль была велика, выраженное в деньгах отношение между предпринимательской прибылью и рентой с капитала, с одной стороны, и арендной платой и заработной платой рабочих, с другой, складывается весьма неблагоприятно для трудовых групп населения. (Стр. 200).

Прибыль сахарной индустрии уплывает из страны лишь отчасти. Вероятно (курсив мой), эта доля очень мала. Большая же часть ее расходуется здесь же в стране на дальнейшее развитие промышленности, вся же прибыль населения от сахара уходит от него, благодаря местным налогам. (Стр. 306).

Жалоба.

Яванская сахарная промышленность не повысила благосостояния туземного населения, а наоборот, способствует его обнищанию (стр. 272).

Мнение комиссии.

Роль тростниковой культуры, как предполя для рисовых насаждений (именно, жалуются на упадок индонезийского земледелия вследствие того, что яванский крестьянин получает слишком мало воды для своих рисовых полей, и что земля приносит меньше, чем если бы она приносила будучи засеяна рисом. Автор) научно (курсив мой) еще не

установлена. В этом отношении необходимо еще продолжать исследовательскую работу сведущих лиц. (Стр. 304).

В заключение своих обследований комиссии остается еще ответить на щекотливый (курсив мой) вопрос, какое влияние на благосостояние туземного населения оказало описанное развитие крупной промышленности. Судя по приведенным жалобам, туземное население неблагоприятно оценивает это влияние, и это убеждение сыграло роль в известной борьбе против яванской сахарной индустрии. (Стр. 300).

Правительство всегда считало сахарную промышленность столь важным фактором экономической жизни Явы, что оно считает себя обязанным предотвратить искажение ее (правительственный уполномоченный, 22 июня 1920 г.).

Следовательно, невозможно ответить голым утверждением или отрицанием на вопрос, способствует ли благосостоянию туземного населения яванская сахарная индустрия сама по себе, и это всецело зависит от того, какую позицию занимает население, как оно сталкивается с крупной промышленностью и как оно к ней приспособляется. Вместо того, чтобы ставить упомянутый вопрос, лучше рассматривать европейскую сахарную индустрию этих стран, как факт... (Стр. 301). (Курсив мой).

Этот длинный ряд диалогов между яванскими народными представителями в Народном Совете и сахарной анкетной комиссией был необходим для того, чтобы подчеркнуть позорную эксплуатацию и гнет, которым подвергаются яванские крестьяне в течение многих лет со стороны сахарной индустрии, и чтобы ее же собственными словами подчеркнуть филистерскую позицию индонезийского „сахарного“ правительства, называющего себя „защитником хозяйствственно-слабых элементов“, в отношении яванских крестьян—разводителей тростника, и пролетариев, которую оно занимает уже много лет. Оно признает махинации начальников дэзы, подкупаемых сахарным капиталом при найме земель. Ему известна продажность ирригационного персонала, заведующего распределением воды. Оно знает, какие ненужные тяготы возлагаются на неповинное население, когда на сахарной

плантации случается пожар. Оно знает все злоупотребления подкупленной „сахарным“ капиталом администрации дезы. Оно признает убыль скота в сахаропромышленных районах вследствие беспощадной эксплоатации скота во время уборки сахарного тростника. Но когда индонезские народные представители указали на „истощение и почвы и населения“, оно ответило, что это научно еще не установлено, и что яванскому крестьянству надлежит принять сахарную индустрию, как факт; правительство—защитник экономически слабых!—должно предотвращать искажение ее (что оно подразумевает под „искажением“, и как оно его предотвращает, об этом могли бы порассказать яванские крестьяне и рабочие, занятые в сахарной промышленности).

Я намеренно говорю здесь о „правительстве“, хотя обследование производила и мнения высказывала комиссия. Результат этого обследования и тон доклада, разумеется, заранее были учтены господами бюрократами. Они должны были удовлетворить правительство, как „защитники экономически слабых“, не обидеть капиталистов, и в то же время не выказать чрезмерного пренебрежения к разгневанным народным представителям. Поэтому нам понятно, почему Тьокроаминото, председатель в ту пору мощного и активного Сарекат-Ислама, был признан комиссией не заслуживающим внимания. Разумеется, было бы лучше, если бы он не принял назначения членом комиссии, в которой первую скрипку играли правительственные бюрократы и сахарные акулы. Тогда бы он лучше выразил настроение Сарекат-Ислама в те дни.

Народ в сахарозаводческих районах не занимается такими комиссиями и еще меньше может установить путем „научного обследования“, приносит ли ему сахарная промышленность благо или зло. Единственное его прикосновение к науке — „спички“, вывезенные европейской индустрией. Единственные его исследования — нет ли по соседству полевой полиции, и достаточно ли сух тростник, чтобы разжечь огонек спички в нес слишком неугасимый пожар. Вспыхнувшее слева и справа пламя охлаждает его гнев и, кроме того, дает ему почти научную уверенность, что он получит обратно выгоревшую сахарную плантацию заблаговременно,

до наступления дождливого сезона. Число пожаров тростниковых плантаций можно, конечно, также считать мерилом благосостояния. Это признала сама сахарная анкетная комиссия, которая говорит, что „среди многих причин, могущих обусловить пожар тростника, играет роль и экономический фактор, и при тяжелом экономическом положении, дающем почву недовольству, число пожаров тростника должно быть больше, чем при лучших обстоятельствах“. (Стр. 233). Ей кажется, что она может это подтвердить тем фактом, что в то время, как в 1918 году число пожаров равнялось 1473, оно в 1920 г. сократилось до 747, „что является следствием благоприятных условий, в которых находилось туземное население в течение 1920 года, благодаря высоким ценам, какие оно могло получать за продукты своего полеводства и улучшению условий труда и заработной платы“. (Чтобы получить представление о размерах тростниковых пожаров, достаточно ознакомиться с сообщениями „Всеобщего синдиката сахарозаводчиков“, из которых видно, что 91 пожар резидентства Кедири охватил площадь в 176 боувов).

Вышеприведенные цифры и факты дают нам больше оснований для суждения, приносит ли сахарная промышленность благо яванскому крестьянину, чем „важное научное обследование сахарной анкетной комиссии“, произведившееся в течение двух лет. И мы говорим вместе с сахарной комиссией: „Яванскому населению приходится считаться с сахарной индустрией, как с фактом“. Мы изумляемся технике и уму человека. Мы хотим скомбинировать технику и ум с тропическими естественными богатствами. Мы хотим, таким образом, повысить производительность, — но не за счет здоровья и жизни миллионов, и не для корыстолюбивых бездельников, а для общего благополучия.

Прочие культуры Индонезии.

Как мы уже говорили, культура сахара занимает на Яве первое место. Однако, это не мешает тому, что и такие культуры, как разведение кофе, чая, хины и табака, также имеют большое значение для мирового рынка. В то время как Ява теперь достигла почти кульмиационного пункта

своего сельскохозяйственного развития, Суматра находится еще в самом начале своего развития. Но и она может сослаться на сельскохозяйственные продукты, играющие важную роль на мировом рынке. Суматра особенно славится своим каучуком и табаком. Оба эти продукта привлекают к себе как голландских, так и, главным образом, английских и американских капиталистов. После сахара главнейшими культурами как на Яве, так и Суматре являются следующие:

Сбор риса.

Табак.

Разведение табака практикуется в Дели на крупных предприятиях. Благодаря климату, почве и особенной обработке, делийский табак получил большую известность на мировом рынке. Делийский табак образует листовую обертку манильских сигар. Старейшая табачная компания, именно, Делийская компания, была учреждена в 1869 году. Она работает с капиталом в 9 миллионов гульденов. В 1913 году в Дели насчитывалось 99 плантаций (это число в последние

годы, особенно во время войны, колоссально возросло), которые производили 19.923.000 кгр., а в следующем году было уже 123 плантации, давшие только 5.531.000 кгр. Экспорт из Дели в 1913 г. составил 25.777 тонн, представлявших ценность в 69.598.000 гульденов. Кроме Дели, табак разводится также на Западной и Южной Суматре, на Яве и в Лобоке как капиталистическими предпринимателями, так и индонезийцами. Для научной постановки дела на Яве и Суматре (в Медане) учреждены опытные станции.

Чай.

Чай разводится как на Яве, так и на Суматре, как предприятиями, так и индонезийцами. Индонезийцы продают свой чай фабрикам. Благодаря отбору семян качество индонезийского чая повысилось. В 1902 году в Бейтензорге была учреждена опытная станция чайной культуры, назначение которой распространять знания. Разводители чая организуются в „Сукабумский сельскохозяйственный союз“. Число предприятий равняется 295, из которых 268 находятся на Яве, а 27 вне Явы. Засеянная площадь составляет 89.384 гектара, из которых 81.680 гектаров на Яве, а 7.704 гект. вне Явы.

Каучук.

Спрос на каучук в последние годы сильно вырос. Это вызвало развитие культуры каучука, особенно в Дели (Суматра). Исключительно каучуковыми деревьями в 1918 году было засажено: на Яве 73.293 гектаров, вне Явы 150.221 гект. Каучуком вперемежку с другими насаждениями было засажено на Яве 79.729 гект., и вне Явы 16.322 гект. Около 70% насаждений участвуют в производстве. За 2 года Голландско-американская общество плантаций, каучуковая компания, зарегистрированная в Голландии, но управляемая из Америки, засадило 27.500 акров земли каучуком, а в конце 1913 года в Дели было засажено 217.300 акров. В 1914 году число каучуковых предприятий на Суматре исчислялось в 213, при чем 184 в Дели, 17 в Атьехе и 12 на Южной Суматре. Один только

Дели выработал в 1919 году 29.000 тонн каучука. Вывоз каучука в 1915 и 1916 годах направлялся в следующие страны.

	Метрических тонн	Метрических тонн
	1915	1916
Соединенные Штаты Америки . . .	2.037	4.170
Британская Империя	3.591	2.818
Малайский архипелаг	524	1.197
Нидерланды	946	14
Италия	—	—
Канада	—	10

Кофе.

В прошлом столетии кофе был главнейшим продуктом Индонезии. Теперь он далеко не имеет прежнего значения. В конце 1918 года число предприятий, разводивших кофе, составляло 408, из них 98 находилось во внеяванских провинциях. На Яве площадь, засаженная кофе, составляет 45.042 гект., а вне Явы 11.342 гект. Плантации, на которых кофе разводится вперемежку с другими растениями, покрывают на Яве площадь в 71.731 гект., а во внеяванских провинциях 16.648 гект. В 1789 году вся продукция кофе, разводимого правительством, составила 1.267.167 пиколей (1 пиколь равен 62,5 килограмма). В 1912 г. эта цифра упала до 81.000. В 1915 г. правительственные предприятия дали 4.000 тонн, а частные—29.000 тонн.

Хина.

Ява—первая в мире страна по производству хины. Культурой хинного дерева занимаются как правительство, так и частные лица. В 1898 году в Бандунге была устроена фабрика хинина. В конце 1918 года число предприятий на Яве составляло 104, а на западном берегу Суматры 4. Исключительно хиной на Яве было засажено 13.060 гект., а на Суматре 311 гект. Вперемежку с хиной 671 и 8 гектаров.

Кокос.

Число кокосовых плантаций увеличилось за последние годы, но по сравнению с разведением кокоса туземцами эта

отрасль не имеет очень большого значения. Число кокосовых предприятий в Индонезии составляет 226, из которых 95 на Яве и 131 в остальных провинциях. Под кокосовыми насаждениями, без примеси других, на Яве находилось 5.490 гектаров, а во внеяванских провинциях 1.580 гектаров. Спрос на копру в последние годы возрос. Этим обясняется и большая заинтересованность европейского капитала в культуре

Молотьба риса.

кокоса. Согласно переписи 1917 г. на Яве находилось 63 миллиона кокосовых деревьев, из которых свыше 37 миллионов приносilo плоды. В остальных провинциях 40 миллионов, из которых плодоносных 23 миллиона. Вся продукция этих деревьев в копре выражается приблизительно в 368.000 тонн (по 1000 кгр.), а в остальных провинциях около 213.000 тонн. Из этого количества около 40.000 тонн перерабатывается на Яве на маслобойных фабриках, а около 60.000 тонн вывозится. Правда, все остальное количество в 250.000 тонн перерабатывается и потребляется самими туземцами. Потребность оборудованных на современный лад маслобойных за-

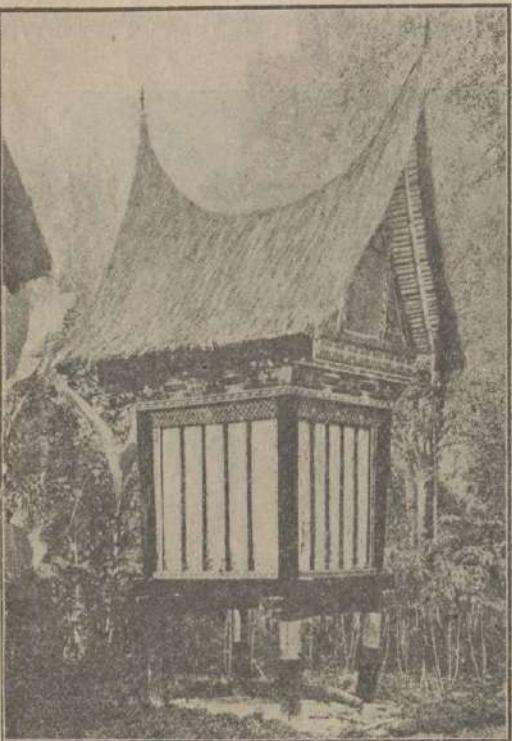
водов в копре достигла 200.000 тонн. Сырье доставляется, по преимуществу, индонезийскими крестьянами, так как европейские кокосовые предприятия существуют еще очень недавно. На Яве и Суматре эти предприятия имеют, приблизительно, 7.000 гектаров насаждений (1.400.000 деревьев), из

которых в производстве участвует приблизительно 1.700 гектаров (340.000 деревьев), приносящих 3.400 тонн копры. В остальных провинциях предприятия располагают приблизительно 600.000 гектаров, приносящих плоды и дающих около 6.000 тонн копры.

Рис.

Главный предмет питания населения Индонезии. Несмотря на то, что индонезийцы хорошо разводят рис, и на то, что почва и климат Индонезии в высокой

мере приспособлены к культуре риса,—рис, особенно на Яве, производится недостаточно. Знакомясь с культурой сахара, мы уже видели, что самые плодородные и наилучше орошенные земли захвачены сахарными предприятиями. Кроме того, яванский крестьянин вынужден продавать свой лучший и самый дорогой рис и покупать более дешевый и худшего качества рис в Сиаме. Деньги, вырученные от подобной продажи и покупки, он тратит на приобретение платья и других предметов первой необходимости. В результате вы-

Рисовый закром (Суматра).

возится слишком много риса. Яванцы сахарного района много лет уже не строят закромов для риса, между тем как в районах, куда еще не успело проникнуть современное земледелие, почти каждый крестьянин имеет свои рисовые амбары, обеспечивающие его от голода в случае недорода. Во время великой войны, когда, ввиду недостатка тоннажа, из Сиама в Индонезию невозможно было вывозить рис, в Индонезии, особенно на Яве, царила большая нужда в рисе, что нередко приводило к волнениям.

При нормальных условиях высших сортов риса вывозится приблизительно 50.000 тонн.

Сбор 1919 года дал на Яве и Мадуре приблизительно 7 миллионов тонн падди (неочищенный и необмолоченный рис), который должен дать приблизительно 3,5 миллиона тонн очищенного риса. Это количество получено приблизительно с 3,5 милл. гектаров насаждений.

Маис.

В виду недостатка риса, маис сделался на Яве вторым по значению питательным продуктом. На Яве и Мадуре маис большей частью разводится в сахарозаводческих районах, особенно в средней Яве. За 1919 год на Яве и Мадуре урожай оценивался в полтора миллиона тонн, собранных с 1.800.000 гектаров.

Промышленность Индонезии.

Нужно заметить, что в то время как Ява является страной сельскохозяйственной, внеяванские провинции, в особенности Суматра, Борнео, Целебес вполне пригодны, кроме земледелия, и для фабричной и горной промышленности. Почва Явы, очень бедная рудами, нашла свое настоящее и будущее, главным образом, в сельском хозяйстве. Со внеяванскими провинциями дело обстоит иначе. Разумеется, их почва и климат открывают неограниченные возможности самым современным сельскохозяйственным предприятиям. Но, кроме того, имеются и еще другие возможности — именно возможность промышленного развития в собственном смысле этого слова. Изыскания последних лет показали, что на Су-

матре, Борнео, Целебесе и других островах имеются колоссальные запасы каменного угля, нефти, железа, золота, алмазов, меди, олова, серебра и других минералов. Если же вспомнить, что настоящих, точных исследований еще не производилось, ибо никто еще, в сущности, не посетил даже всех частей Суматры, не говоря уже о Борнео и Целебесе, и не исследовал их, то можно будет сказать, что в почве внеяванских провинций таятся неисчислимые сокровища. Если к этому прибавить бесчисленные водопады, открывающие широкие возможности электрификации, то мы получим право определенно сказать, что обширная территория Индонезии (равняющаяся половине Европейской России) с ее естественными богатствами в буквальном смысле слова является страной неограниченных возможностей.

Последняя великая война как в остальных частях света, так и в Индонезии произвела большие перемены в хозяйственной сфере. Недостаток тоннажа, обусловивший большие трудности по доставке машин из Европы для индонезского сельского хозяйства, при непрерывно повышающейся заработной плате европейским рабочим, был причиной того, что в Индонезии возникла мысль о самостоятельном производстве всего необходимого. И в 1915 году была призвана к жизни комиссия, задача которой заключалась в создании фабричной промышленности. Ту же цель, кроме того, поставили себе в середине 1918 года департамент сельского хозяйства и торговли и особенно отдел промышленности, назначение которого — создавать облегчения частным предпринимателям как в технической, так и экономической области, притом, по возможности, в самых широких размерах. Этот отдел располагает богатыми техническими силами, которые производят изыскания в разнообразнейших областях. Помимо доставления справок, отдел промышленности поставил себе задачей инициативу в области введения новых промышленных методов. В связи с этим началось сооружение фабрик для выделки важнейших технических полуфабрикатов. Заинтересованность частных лиц выражалась в учреждении „Нидерландско-Индийского промышленного синдиката“, каковое объединение ставит себе целью обеспечение интересов индонезской промышленности путем общих дей-

ствий. Далее, в 1918 г. был учрежден Союз „Нидерландских промышленных ярмарок“, имеющий целью поощрение индонезской промышленности путем устройства ежегодных ярмарок. В мае 1919 года в Бандунге в специально для этого сооруженном здании была открыта первая индонезская ярмарка-выставка.

Все приведенные факты указывают на возможность индустриализации Индонезии и на серьезное намерение правительства в сотрудничестве с капиталистами со всей возможной быстротой и энергией провести эту индустриализацию. Для индонезского капитала эта быстрая индустриализация является необходимой также и с политической точки зрения. Статистика показала, что развитие сельского хозяйства на Яве идет уже в уровень с весьма быстрым ростом яванского населения. Этот быстрый рост, сопряженный с недостатком продовольственных продуктов и с возрастающей сознательностью яванского народа, с течением времени представит великую опасность для голландского империализма. Эту опасность предполагают устранить тем, что Ява каждый год будет посыпать тысячи самых крепких своих сынов, чтобы они превращали недоступные пустыни в современные промышленные районы. Таким образом, индустриализация должна явиться предохранительным клапаном против высокого давления яванского революционного движения. Нас не должно удивлять, что по всем вышеприведенным экономическим и политическим причинам голландский капитализм будет работать лихорадочно.

Хотя эксплоатация внеяванских провинций находится еще в начальной стадии, она уже получила большое значение для мирового рынка. Ниже мы даем картину, показывающую объем этой эксплоатации.

Нефть.

Северная Суматра. В Перлаке уже пробурено 200 скважин, старые машины заменены канадскими. Два больших нефтепровода (один для нефти, а другой для газа) передают нефть на расстояние 120 километров на батавский очистительный завод в Пангканалан-Брандане. В 1900 году продукция составляла 6.978 тонн, в 1909—286.077, в 1919—

132.560 и в 1920 г.—129.800 тонн. Собственником концессии является „Перлакское нефтяное общество“, но эксплоатация ведется по контракту с „Батавским нефтяным обществом“ (отделение компании Royal Dutch).

Южно-Перлакская концессия принадлежит Южно-Перлакскому обществу, которое вынуждено продавать свою продукцию Батавскому обществу. В 1920 г. было добыто 6233 тонны.

Месторождения нефти в Телага-Сайд в Лангката покрывают пространство в 30 километров длины и от 500 до 1000 метров ширины.

Южная Суматра. Главнейшие концессии находятся в резидентстве Палембанг.

Нефтяные месторождения в Муара-Эниме начали эксплуатироваться в 1900 г. „Муара-Энимским обществом“, очистка нефти производится в Пладью. Нефтепроводы тянутся на 160 километров. Общество это контролируется компанией Royal Dutch. Максимальная продукция была достигнута в 1906 году, а именно—150.039 тонн. В 1918 г. добыча составляла 88.235 тонн, но в 1920 г. поднялась до 104.376 тонн.

Той же компании принадлежат нефтяные месторождения Бабадо. Она начала эксплоатацию в 1901 г., получив 3.730 тонн. В 1916 г. добыча поднялась до 70.690 тонн.

Рамокская концессия начала действовать в 1910 г. с добычей в 152 тонны, а в 1920 г. добыча достигла уже 14.120 тонн.

Концессия Субанг-Дьериги дала в 1905 г. 23.266 тонн, а в 1909 г. 133.695 тонн; в 1914 г. 44.815 и в 1920 г. 66.103 тонны.

Месторождение Субанг-Бурунг дало в 1914 г. 340 тонн, а в 1920 г. 53.329 тонн.

Яванские месторождения. Важнейшим месторождением в настоящее время являются Тинавун-Панолан, Мадо-Дьепон, и Твальф-Деза („Двенадцать дез“). Все они находятся в президентствах Рембанг и Сурабайе (Восточная Ява).

Месторождения Тинавун покрывают 1500 метров в длину и 600 метров в ширину. До 1914 г. были вырыты 184 ко-

лодца, из которых 35 находились в действии. Нефть доставляется в Тьепу по нефтепроводу. Добыча составляла в 1920 г. 113.407 тонн.

Паноланская концессия имеет в длину 1800 метров, а в ширину 1200 метров. До 1917 г. было пробурено 147 колодцев, из которых 90 находятся в действии. Продукция составляла в 1900 г. 23.536 тонн, а в 1920 г. 106.120 тонн. Нефть перекачивается в Тьепу по нефтепроводу.

В Дьепонской концессии важнейшим месторождением является Семанги, при длине 1500 и ширине 600 метров. В 1900 г. было добыто 522 тонн, а в 1920 г. 25.899 тонн, хотя в 1917 г. производилось свыше 40.000 тонн. Нефть перекачивается по нефтепроводу в Тьепу.

Концессия Мадо в Сурабайе дала в 1905 г. 8969 тонн, а в 1919 г. 29.589 тонн; в 1920 г. 31.758 тонн. Концессия „12 дез“ в Сурабайе дала в 1900 г. 13.231 тонну, а в 1920 г. 19.031 тонну.

Все перечисленные концессии эксплуатируются Дорской нефтяной компанией—обществом, которое находится в подчинении у Royal Dutch. „Северо-Индонезская колониальная Нефтяная компания“, в которой участвуют и американцы, имеет в Рембанге две концессии, давшие в 1920 году 3.069 тонн.

Месторождения Голландского Борнео. Здесь имеется пять крупных месторождений, а именно: Колония Луизы, Таракан I, Таракан II, Нанни и Муара; все они эксплуатируются „Батавской нефтяной компанией“. (Батавская Компания подчинена Royal Dutch).

Нефтеочистительный завод также принадлежит Батавской компании и помещается в Баликпапане (восточное побережье Борнео).

Тараканская концессия на восточном берегу Борнео. Она начала эксплоатацию в 1906 году и дала 8.065 тонн, а в 1920 г. производительность поднялась до 800.000 тонн.

Концессия Луизы дала в 1916 г. 461.923 тонны, а в 1919—188.359 тонн. Нефть перекачивается в Баликпапан по нефтепроводу. Месторождения Санга-Санга-Далемские имеют протяжение в 90 километров. Концессия Нанни дала в 1902 г. 1.366 тонн, а в 1920 г. 102.098 тонн.

Общая добыча сырой нефти в Индонезии в 1920 г. составила 2.261.377 тонн против 1.670.595 тонн в 1911 году.

Олово.

Олово на острове Банка добывается правительством. Эксплоатация залежей ведется в настоящее время на самую современную ногу. Рудный пласт имеет толщину от 0,1—0,4 метров до нескольких метров. Руда добывается китайскими рабочими. Число рабочих, работавших по контракту в 1918 г., составляло 18.658. Великая война вызвала перемещение рынка олова из Амстердама в Батавию. Производство в тоннах в 1917 и в 1918 годах составляло соответственно 15.116 и 12.055. Проданное в Нидерландах количество равняется соответственно 16.329 и 36 тонн. В Индонезии было продано соответственно 0 и 10.934 тонны. Чистая выручка от проданного олова составила в эти годы 39.387.606 гульденов и 36.277.380 гульд. Чистая же прибыль от производства составила 30.323.600 и 25.803.481 флоринов (= гульденов).

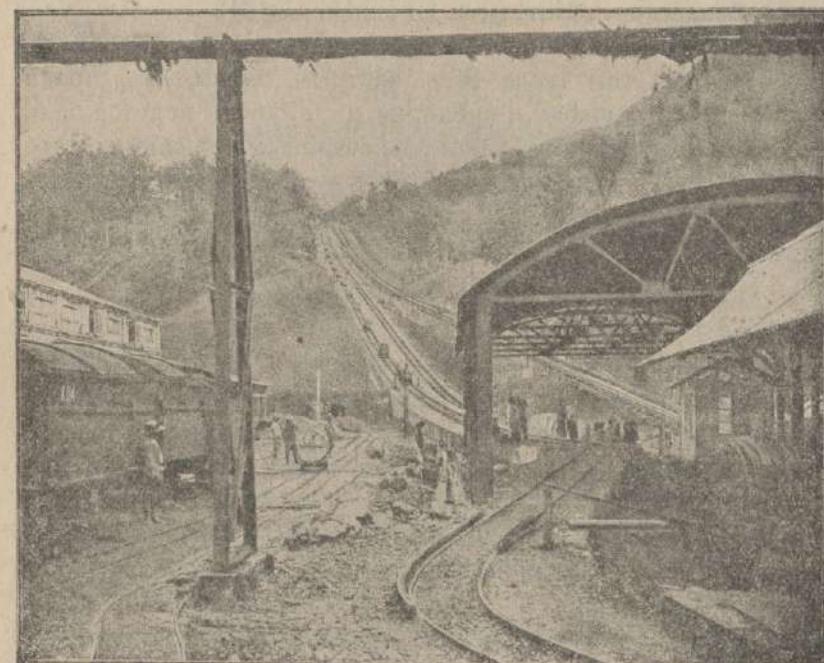
Частная эксплоатация оловянных залежей. На острове Билитоне (к востоку от Суматры) оловянные залежи эксплуатируются частными лицами. Добывание олова началось еще в 1852 г. Как и на Банке, оно производится при помощи законтрактованных рабочих-китайцев. В 1918 г. эксплуатировалось 30 рудников. Вторым частным предприятием является Оловянная компания Сингкеп. Переплавка сингкепской руды производится в Сингапуре. Билитонская дала в 1918 г. 6.945 тонн. Сингкепская компания в том же году добыла 514 тонн. Доля индонезийского правительства составила в 1918 г. 5.609.538 гульденов.

Уголь.

В настоящее время существует три правительственные предприятия по добыче угля: Омбилинские копи, Пулау-Лаутские копи и Букит-Асамские копи.

Омбилинские копи. Эти копи расположены у Савах-Лунто, на западном берегу Суматры. Эксплоатация их началась в 1892 году. Для вывоза была проложена железнодорожная ветка длиною в 156 км. по весьма гористой местности. Уголь залегает по длине на 10 км., а по ширине

на 9 км. Мощность пласта неодинакова, но большей частью приближается к 23 метрам. Количество угля оценивается в 200.000.000 метрических тонн. За 1892—1919 годы добыто 7.291.425 тонн. Добыча ведется при помощи современных технических средств. В то время как раньше продукция продавалась частным лицам, со временем великой

Канатная жел. дорота у Савах-Лунто. (Угольная шахта).

войны главным покупателем является индонезийское правительство. Чтобы утолить царствовавший во время войны в Индонезии угольный голод, производство по мере возможности расширяется. Рабочие по большей части являются подневольными (т.-е. осужденные индонезцы и им подобные). Их число в 1918 г. составляло 3.377 из общего числа 7.650 рабочих. Добыча угля в 1918 г. составила 504.201 тонну на сумму 7.029.395 гульденов.

Пулау-Лаутские копи. На острове Пулау-Лаут, к югу от Борнео, с 1913 года индонезское правительство эксплуатирует каменноугольные копи. Вследствие военных обстоятельств мероприятия, начатые по добыванию угля, еще не могли полностью развиться. Остров расположен особенно благоприятно для сбыта продуктов, а именно на линии пароходного сообщения между Южной Африкой, Австралией, Явой, Макассаром, Китаем и Японией. С 1918 г. сбыт угля обслуживается 162 кораблями. В отчетном году отправлено 96.606 тонн, в том числе 25% частным лицам, 75% правительственным службам и предприятиям. Работы ведутся большей частью яванскими законтрактованными кулиями, которых в 1918 г. насчитывалось 2.639 душ. Добыча, которая с 1907 г. по октябрь 1913 г. составила 902.295 тонн, в 1914 г. составила 128.505 т., в 1915 г. 117.710 т., в 1916 г. 124.105 т., а в 1918 г.—121.421 тонн.

Букит-Асамские каменноугольные копи. Эти копи расположены в Палембанге (Южная Суматра). При обследовании копей в 1915 г. оказалось, что в Палембанге, по соседству с Тандьюнгом, находятся большие залежи благородного угля. Добыча составила в 1917 г. 9.740 т., в 1918 г.—50.300 тонн, а в 1919 г.—100.000 тонн. В настоящее время принимаются меры к разработке копей в крупном масштабе. В общем угольная продукция Индонезии в 1920 г. составила 1.095.275 тонн против 540.729 в 1910 г.

Золото.

Правительственные золотые прииски в Бенкулене (Суматра). Разработка находится еще в начальной стадии. Уже проложены дороги для удобного сообщения. В Таисе Департаментом водяной силы и электричества построена электрическая силовая установка для прохождения тока на прииски; эта установка будет также снабжать копи Редьянг-Лебонг. Рудные жилы на лебонгском участке местами имеют значительное протяжение, до 4 километров. Кроме того, золото встречается на Борнео и Це-

лебесе. Стоимость добычи золота Индонезии в 1917 г. составляла 6.415.257 гульд., серебра 2.225.420 гульд., а алмазов в 1918 г. 116.360 гульденов.

Прочие минералы в Индонезии.

Из других минералов можно назвать иод, вольфрам, серу и медь. В Паданге с 1911 г. действует завод портландского цемента. В 1917 г. было произведено 204.264 бочек, нашедших хороших сбыта.

Государственные монополии.

Опиум.

Пули, политика разделения и властования, миссионеры, водка и опиум — таковы, конечно, главные средства, при помощи которых западные империалисты в течение ряда лет держат в подчинении миллионы народов Востока. В Британской Индии и в Китае, и в Нидерландской Индии эти средства всегда давали желаемые результаты. Здесь не место обстоятельно рассматривать их. Однако, ни одно из них не принесло угнетателям столько выгод, а угнетенным столько вреда и бедствий, как опиум. Пули косят миллионы лучших защитников народной свободы; политика разделения и властования поднимает одну угнетенную нацию против другой, чтобы облегчить господство над ними третьей; миссионеры усиливают и укрепляют империалистическое господство, ибо обращенный в христианство туземец по общему правилу является отличным солдатом и орудием правительства; миссионеры расширяют рынок сбыта, потому что вновь обращенные со своими повышенными жизненными потребностями являются надежными покупателями ввозных европейских фабричных товаров. Водкаальным образом создает группы покупателей — но опиум, по своей пагубности превосходит все перечисленные средства; он приносит продавцу постоянные колоссальные прибыли, потому что потребитель опиума во всю свою жизнь не может обходиться без этого яда. Опиум укрепляет власть пришельцев; народ, предающийся опиуму, слабеет, медленно гибнет и, разумеется,

ни одной минуты не думает о политике, о своей свободе. Барыши с опиума тем вернее, чем крепче монополия правительства на этот продукт. В Индонезии этот атрибут империализма также налицо. Там продажа опиума давно уже составляет правительенную монополию. В последние годы между правительством и индонезскими представителями в Народном Совете (суррогат парламента) очень много говорят об этом пагубном продукте. „Нравственное“ индонезское правительство, разумеется, не в силах сразу запретить его распространение. По словам правительства, принимается целый ряд мер для того, чтобы ограничить потребление опиума. Одним из таких средств правительство считает (см. „Ежегодник Нидерландской Индии“ за 1920 год) постепенное, но значительное повышение цен, по которым продается казенный опиум (стр. 102). Нам кажется, что это единственный аргумент, который может выставить правительство. Нижеследующие цифры подкрепляют правильность нашего взгляда. Доход от опийной монополии с 1867 по 1871 годы—стало быть, за 4 года—составил 120.0 флоринов; в 1907 г.—1911 г. 25.270.000; в 1912 г.—стало быть за один год—этот доход повысился уже до 38.452.000; в 1915 г.—это год „нравственного периода“—44.174.000, а в 1922 г. 55.353.000 флоринов. Из этих цифр мы видим, что систематическое отравление народа приносит кругленькие барыши. Эти кругленькие барыши непрерывно растут. Другой вопрос—сокращается ли „постепенно“ потребление опиума населением, над судьбой которого скалились эти „нравственные монополисты“. До сих пор „нравственность“ индонезского правительства еще ни разу не приходила в конфликт с материальными выгодами самого правительства или капитала.

Ломбард.

„Чтобы противодействовать вредному влиянию существующих залоговых учреждений, играющих в руку ростовщикам, правительство решило в 1903 г., по истечении предварительного периода испытания, взять в свои руки эксплоатацию ломбардов“. Так извещает индонезское правительство в том же „Ежегоднике“ (стр. 102). Это звучит не менее „нравственно“

чем приведенное выше. Ломбард приносит не меньше выгод, чем опийная монополия, что и доказывается нижеприведыми цифрами:

Годы	Число ломбардов	Ссуды в гульденах	Число закладов	Продано закладов	Стоимость эксплоатации в гульденах	Прибыль
1914	298	66.852.018	25.946.497	3.440.038	5.648.538	3.508.928
1915	313	75.897.419	30.160.703	4.607.161	6.114.959	4.552.854
1916	318	83.973.765	31.407.671	4.298.984	6.439.109	5.510.986
1917	336	99.622.685	34.701.692	4.344.720	6.865.307	7.369.518
1918	352	116.904.358	38.841.662	4.452.089	7.814.450	9.080.093

Мы видим, что доход и от этой монополии постепенно растет. За пять лет отмечен прирост приблизительно с 3,5 миллиона до 9 миллионов гульденов чистого дохода—увеличение приблизительно на 150%. Число ломбардов столь же непрерывно и поразительно росло в эти пять лет. Мы потому это подчеркиваем, что „залог имущества“, если не единственное, то во всяком случае важнейшее и наиболее практическое мерило обездоливания яванского пролетариата и крестьянства.

Соляная монополия.

Соль для индонезца, как и для всякого другого человека—необходимейший продукт питания. До голландского господства соль добывалась самими индонезцами. Эта промышленность, разумеется, дает средства к существованию значительному проценту населения, ибо Индонезия состоит из островов. Так как правительство уже много лет тому назад монополизировало эту промышленность, то население оказывается лишенным одного из своих важнейших средств к существованию. С другой стороны, соляная монополия приносит правительству постоянный и крупный доход, ибо че-

ловек не может жить без соли. Как индонезское правительство эксплуатирует работников на соляных варницах, видно из нижеприводимых цифр. Добыча соли для правительства производится на острове Мадуре, где соль добывается населением и доставляется в правительственные склады за установленную плату в 10 гульденов за коянг (1.850 килограммов), — таким образом по 0,005 гульденов за килограмм. Что это позорное обиздание работников на соли является источником изрядного дохода, доказывать не приходится. За вычетом жалованья паразитов соляной монополии, которые называются „соляными чиновниками“, правительство получает возможность ежегодно очищать для себя барыш в 10 миллионов (в 1916 г.—10.210.000, а в 1918 г. 10.806.000 гульденов).

Лесная монополия.

Блаженная пора, когда каждый индонезский крестьянин брал сколько угодно лесу на постройку своего жилья из лесов, составлявших общую собственность, давно прошла. Подобно соли, и лес сделался собственностью правительства. Подобно другим предметам жизненной необходимости, и лес стал товаром, который индонезцы могут покупать теперь только по рыночным ценам. Леса Явы, и в особенности первобытные огромные леса на Суматре, Борнео и Целебесе, изобилиуют деревьями самого лучшего качества, как дыги (тек), эбеновое дерево, железное дерево и пр. Тековые леса на Яве доставляют необходимый для железнодорожных шпал, кораблестроения и мебельной промышленности материал. В конце 1908 года тековыми лесами была покрыта площадь приблизительно в 730.000 километров, из которых 36% отведено под лесничества. Кроме лучших сортов дерева, первобытные леса внеяванских провинций изобилиуют еще лесными продуктами, как-то: дамар-копалом, ротаном, гуттаперчей и другими сортами каучука, дубильной коркой и пр. Индонезские леса с течением времени приобретают все большее значение для таких вновь возникающих рынков, как Сингапур, Гонконг, Шанхай, Япония и Австралия. В Сингапуре ежегодно продается около 250.000 кубических метров суматрского леса. Добыча текового дерева составляла в

1913 г. (до войны, благодаря которой вывоз стал невозможным) 249.946 куб. метров, а в 1918 г. 218.693 куб. м. Вся продукция сырого леса на Яве в 1918 г. составила 27.960 к. м. строевого леса и 150.366 навалочных метров топлива. За вычетом окладов и стоимости эксплоатации лесного дела индонезское правительство в 1918 г. получило еще чистый доход в 5.840.452 гульд. Несомненно, приличный доходец, если мы примем во внимание, что главнейшим покупателем тела является само же правительство.

Индонезские пути и средства сообщения.

Дороги.

Развитие дорожного дела на Яве идет рука об руку с развитием промышленности. Значение дорог особенно выросло со времени введения правильной автомобильной службы. Благодаря быстрому развитию индустрии, бюрократическое правительство испытывает потребность в децентрализации аппарата управления. На местном правительстве в значительной мере лежат заботы о расширении дорожной сети. Центральное правительство собирается построить две дороги вдоль Явы с пятью поперечными линиями. Смета на 5.867.000 гульд. в 1912 г. наполовину уже осуществлена. Местный план дорожного строительства сообразован с общим планом правительства. На осуществление проведения местных дорог, которые предполагается закончить постройкой в течение десяти лет и на которые намечен расход в 24 миллиона гульденов, до конца 1918 г. издержано 985.000 гульденов.

Внеяванские провинции, в особенности Суматра, также принимают энергичное участие в расширении дорожной сети. Обработка различных участков Суматры страдает от недостатка хороших путей сообщения. Кроме того, ввиду довольно частых восстаний, хорошие дороги на Суматре необходимы для военных операций в большей степени, чем в других местах. По выработанному для Суматры общему плану дорожного строительства, намеченные к постройке в последние годы пути в общей сложности обнимают 54 дороги совокуп-

ным протяжением в 4.600 км., при чем общая стоимость сооружения определяется в 63 миллиона гульденов. В конце 1918 года было уже готово 9 дорог, а 17 строилось, при чем к этому времени было издержано 15.630.000 гульденов. „Прокладка дорог имеет целью создать связь между существующими дорожными сетями и подъездными путями к отдельным участкам, выдающимся своей добывающей промышленностью, а затем и таким, где можно обеспечить более интенсивную обработку земель улучшением путей сообщения. Прокладываемые дороги должны годиться для автомобильной езды и, по мере возможности, примыкать к существующим железным дорогам и судоходным рекам. Большие судоходные реки в будущем должны быть использованы возможно шире“.

На Борнео также должны быть проложены дороги, так что сообщение здесь уже не будет ограничиваться исключительно речными путями. К 1920 г. были выработаны два дорожных плана — для Восточного и Южного Борнео.

На Северном Целебесе (Минахаса) план дорожного строительства уже начал выполняться. Новые дороги будут примыкать к существующим и иметь протяжение приблизительно в 500 км. Расход исчисляется в 5 миллионов гульденов, из которых в конце 1918 г. было израсходовано 480.000. На Южном Целебесе и других островах также будут проложены новые дороги.

Из сумм, ассигнованных в последнее время индонезским правительством на чрезвычайные расходы по поддержанию и возобновлению дорог, можно упомянуть: в 1914 г. — 5.008.253 гульд., а в 1918 г. 5.628.176 гульд.

С постройкой больших дорог как на Яве, так и на Суматре связаны печальные для населения воспоминания. Около ста лет тому назад Дандельс приказал яванцам проложить по болотам дорогу для военных целей. При прокладке этой дороги, которая велась безвозмездно (благодаря крепостному праву), тысячи яванцев перемерли от малярии и тяжкой работы. Прокладка дороги на Суматре, которая также велась без затрат, по принуждению, являлась ближайшей причиной постоянных восстаний в прошлом столетии и в начале текущего. Прежде чем дорожная сеть будет построена „удовле-

творительным“ (с точки зрения капитала) образом, должно будет погибнуть множество человеческих жизней, тем более, что области, по которым приходится прокладывать новые дороги, покрыты непроходимыми лесами и нездоровыми болотами.

Государственные железные дороги и трамваи.

Первая железнодорожная линия была построена государством на Восточной Яве в 1878 г. длиной в 67 км. Затем последовало быстрое расширение сети. В конце 1919 г. в полной эксплоатации находилось:

На Яве: 2.509 км. нормального пути с шириной колеи в 1,067 м. и 104 км. узкоколейки с шириной колеи в 0,6 м.

На Суматре: к западному берегу Суматры 245 км. нормальной колеи.

На Южной Суматре: 242 км. нормальной колеи.

В Атьехе 512 км.

С 1906 г. расширение железнодорожной сети шло с особой быстротой. Строительный капитал в 1906 г. равнялся 178.380.442 гульд.; в 1914 г. 234.495.886 гульд.; в 1917 г. 275.134.866 гульд. Число километров эксплуатируемых путей составляло в 1906 г. 2.119, в 1914 г. 2.557 и в 1917 г. 2.836. Чистая прибыль равнялась в 1906 г. 6.760.303 гульд., в 1914 г. 15.171.637 гульд. и в 1917 г. 20.540.730 гульд.

Частные железные дороги и трамваи.

Первая частная железная дорога была проведена „Железнодорожной компанией Нидерландской Индии“ из Семаранга в Дьюкю (Центральная Ява) в 1875 г. В 1914 г. эта железнодорожная компания эксплуатирует 206 км., а в 1918 г. 210 км. Стоимость сооружения — в 1914 г. равнялась 34.428.822 гульд., а в 1918 г. — 36.753.332 гульд. Чистый доход составил в 1914 г. — 2.249.142 гульдена, а в 1918 г. — 3.014.627 гульденов.

В Дели (восточный берег Суматры) первая железнодорожная линия начала эксплуатироваться в 1866 г. „Делийской Железнодорожной компанией“. С той поры железнодорожное строительство росло соответственно быстрому росту культурных предприятий. Длина эксплуатируемых путей была

в 1914 г.: 263 км, и в 1918—414 км. Стоимость сооружений оценивалась в 1914 г. в 22.697.820 гульд. и в 1918 г. в 33.295.158 гульд. Чистый доход составил в 1914 г. 1.598.258 гульд. и в 1918 г. 2.874.824 гульд.

Трамвайная сеть, созданная частным капиталом, быстро расширялась с годами, и в 1918 г. имела 2.200 км. в длину. Автомобильное сообщение для нужд пассажиров, почты и грузовых перевозок в последние годы колоссально выросло, особенно на Суматре. Общая длина эксплуатируемых в Индонезии железнодорожных путей (как нормальных, так и узкоколейных), принадлежащих государству и частным компаниям, составляет таким образом, около 4.000 км., а с трамвайной сетью приблизительно 6.500 км.

Не подлежит никакому сомнению, что с более интенсивной эксплуатацией Индонезии длина железнодорожной сети быстро удвоится. Энергичные железнодорожные и трамвайные изыскания последних лет в значительной степени оправдывают это предположение.

Судоходство.

Так как Индонезия состоит из ряда островов, то судоходство является важным средством сообщения. Оно обслуживается как внутри страны, так и между островами голландскими и иностранными судами. Из Индонезии вывозятся на различные мировые рынки местные продукты — сахар, табак, чай, хина, нефть и т. д., а из-за границы ввозятся в Индонезию съестные продукты, хлопчатобумажные ткани, машины и другие европейские, а в последнее время также и японские и американские фабричные изделия. Вывоз из Индонезии в последние годы составляет в среднем 3,5 миллиона тонн. Эта торговля обслуживается разнообразными нидерландскими и иностранными пароходными обществами.

Нидерландские пароходные общества, работающие на Индонезию суть: „Пароходная Компания Нидерландов“, „Роттердамский Ллойд“, „Нидерландское Пароходное Общество Океан“, „Яванско-Китайско-Японская Линия“ и „Королевское Почтовое Общество“. Из иностранных судов в сообщении с Нидерландской Индией принимают участие английские, япон-

ские, скандинавские, американские, а до войны и германские пароходы. Главнейшими портами Индонезии являются:

На Яве: Батавия, Сурабайя, Семаранг, Херибон, Тегал, Пекалонган и др. (само собой разумеется, что островное царство Индонезии имеет много других портов, которые в ближайшем будущем должны играть более или менее видную роль).

На Суматре: Белаван, Дели, Паданг, Сабанг, Палембанг и др.

На Борнео: Баликпапан.

На Целебесе: Макассар и Менадо.

Нижеприведенные цифры показывают значение перечисленных портов.

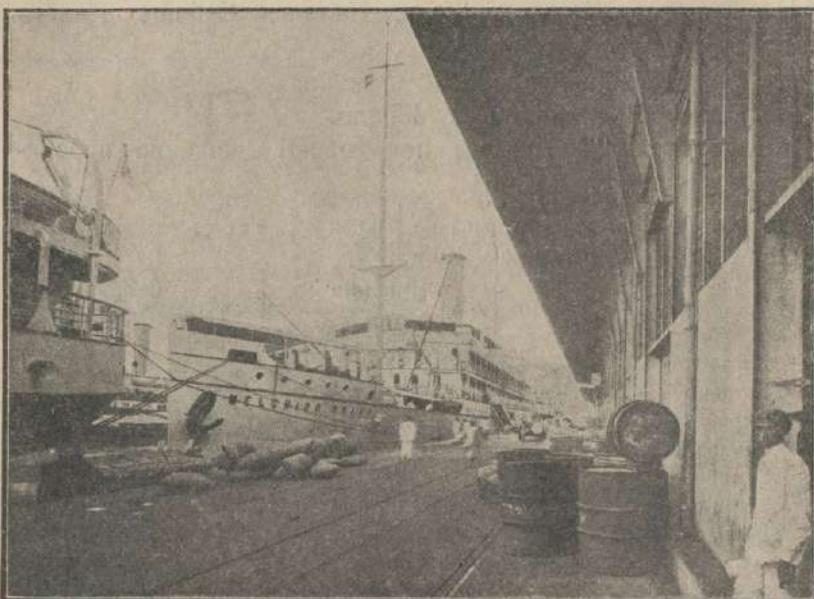
Суда вместимостью более 300 кубических метров
за 1918 год.

Порты	Число	Прибыло куб. метров	Число	Отпустило куб. метров
Я в а:				
Батавия	1.397	5.703.980	1.391	5.642.327
Сурабайя	1.225	5.265.327	1.220	5.265.345
Семаранг	869	4.683.865	867	4.665.365
Херибон	475	2.180.980	474	2.178.097
Тегал	205	1.097.071	204	1.085.450
Пекалонган	172	843.315	172	843.315
С у м а т р а:				
Белаван	598	1.088.825	596	1.089.436
Паданг	271	1.567.583	269	1.545.534
Сабанг	232	1.042.139	235	1.068.733
Палембанг	331	653.287	331	653.985
Б о р н е о:				
Баликпапан	454	1.843.226	453	1.847.465
Ц е л е б е с:				
Макассар	495	1.988.401	492	1.976.981
Менадо	157	630.495	137	630.203

Сообщение между различными островами обширной Индонезии поддерживается „Королевским Почтовым Обществом“. Правительство обязуется перевозить пассажиров, товары и деньги исключительно на судах этой компании. Общество же обязуется поддерживать регулярное сообщение с Китаем и Южной Америкой. Регулярное сообщение с Австралией под-

держивается с 1911 г., а с Южной Америкой началось позднее. Королевское Почтовое Общество располагает свыше чем 101 судном общей вместимостью в 184.283 тонны.

„Пароходная Компания Нидерландов“, поддерживающая правильное сообщение между Нидерландами и Индонезией, располагает флотом в 304.121 тонна брутто.

Тандонг-Приок. Внутренний порт. (Батавия).

„Роттердамский Ллойд“ также поддерживающий сообщение между Индонезией и Нидерландами, располагает тоннажем в 177.209 тонн.

Далее, „Океан“ и линия „Ява—Китай—Япония“ вместе имеют свыше 80.000 тонн.

Наконец, в последние годы были открыты новые линии, содержимые пароходствами Австралии, Новой Зеландии и Британской Индии.

Общий тоннаж индонезского торгового флота как парового, так и парусного составил в 1911 г. 591.578 тонн, в 1915 г. 562.417 тонн и в 1920 г. 607.207 тонн.

Значение иностранного судоходства в индонезском морском сообщении иллюстрируется нижеследующими цифрами:

Прибыло судов:	1911		1914		1918	
	Число	в 1000 куб. м.	Число	в 1000 куб. м.	Число	в 1000 куб. м.
Голландских	1.522	4.740	1.604	5.514	1.312	4.011
Иностранных	1.826	7.765	1.688	7.291	964	3.360
Отпустило судов:						
Голландских	1.503	4.498	1.737	5.708	1.283	4.104
Иностранных	2.045	7.932	1.730	7.164	979	3.257

Одной из причин уменьшения иностранного тоннажа в Индонезии после 1913 г., между прочим, является исчезновение германского торгового флота, который в 1913 г. предоставил 1,7 миллиона метрических тонн в распоряжение индонезского судоходства. Английский торговый флот, понесший большие потери во время войны, принимает теперь участие в индонезском судоходстве меньшим количеством судов. Место Англии (в 1913 г. 6 миллионов метрических тонн) занимают теперь Япония, Америка и Скандинавия. Участие японских судов в последние годы все больше усиливается. В то время как в 1911 г. в Индонезию прибыло всего 15 японских судов (свыше 300 тонн нетто), в последующие годы это число повысилось в 1912 г. до 45, в 1913 г. до 77, в 1914 г. до 56, в 1915 г. до 98, в 1916 г. до 92, в 1917 г. до 97, и наконец в 1918 г. до 299 судов. Необычайно благоприятное для мировой торговли географическое положение Индонезии (Индонезия лежит между Великим и Индийским океанами, между Британской Индией и Китаем, между Азией и Австралией), быстрая индустриализация Азии, даже и самой Индонезии—все это дает полное основание предполагать, что в ближайшем будущем международное судоходство на Индонезии сильно разовьется.

Почта, телеграф, телефон и радиосвязь.

С развитием индонезской индустрии и с усилением сообщения как внутреннего, так и заграничного усиливается и эксплоатация современных средств сношения.

Почта. Индонезское правительство монополизировало и организовало почтовые перевозки в 1862 г. Со времени открытия Суэцкого канала в 1871 г. почтовая связь с Нидерландами значительно улучшилась. В 1875 г. был заключен договор с „Пароходным Обществом Нидерландов“ и „Роттердамским Ллойдом“ о регулярной перевозке почты между Индонезией и Нидерландами. Каждое из этих обществ поддерживает теперь регулярное почтовое сообщение с отправкою почты каждые две недели. В 1877 г. Индонезия присоединилась к „Всемирному Почтовому Союзу“.

Почтовые сношения в Индонезии аккуратно поддерживаются судами, регулярно крейсирующими между различными портами Индонезии. Для вовлечения в почтовую связь самых мелких пунктов, на борту пароходов „Королевского Почтового Общества“ устроены вспомогательные почтовые конторы.

Между Индонезией и Австралией, Америкой, Гонконгом и Филиппинами также уже больше 20 лет поддерживается живая почтовая связь. Превосходная связь с Европой иллюстрируется тем обстоятельством, что до великой войны существовала возможность в течение 14 дней пять раз отправлять корреспонденцию в Европу с голландскими, германскими, французскими и английскими пакетботами.

Телеграф. Первое телеграфное сообщение было установлено в 1856 г. между Батавией и Бейтензоргом. После этого телеграфные линии на Яве начали быстро развиваться, были проложены кабели между Явой и остальными островами. В настоящее время существует морской телеграфный кабель между Явой и Макассаром (на Целебесе), между Баликпапаном (на Борнео) и Менадо (на Целебесе), между Вельтефреденом (Ява) и Понтианаком (Борнео). В 1870 г. Ява соединилась кабелем с Сингапуром; тем самым Индонезия вошла в мировую телеграфную сеть. В 1904 г. было учреждено „Германско-Нидерландское Телеграфное Общество“, проложившее кабель из Менадо через Каролинские острова на Гуам и из Каролин на Шанхай, при чём первый кабель был присоединен к американскому тихоокеанскому кабелю на Сан-Франциско. (Как известно, линия Гуам сделала яблоком раздора между Америкой и Японией).

В связи с присоединением Индонезии в 1870 г. к всемирной телеграфной сети, в 1871 г. было решено примкнуть к Римской Международной Телеграфной Конвенции. Благодаря быстрому развитию промышленности и торговли во внеяванских провинциях и усилиению международных телеграфных сношений, к телеграфной связи предъявляются все более повышенные требования. Эти требования могут быть удовлетворены радиосвязью.

Радиосвязь. В 1910 г. правительство построило в четырех местах Индонезии радиотелеграфные станции. Морской департамент открыл для эксплоатации ряд станций в Вельтефредене для нужд флота. Могучая „Батавская Нефтяная Компания“ получила привилегию на постройку в Баликпапане и Таракане (восточный берег Борнео) станций для беспроволочного телеграфа и эксплоатирует их для собственных нужд. Эта компания получила также от правительства право обмениваться сообщениями с находящимися в море судами „Королевской Почтовой Компании“ и других компаний. Имеется в виду установить регулярную радиосвязь с Нидерландами путем сооружения радиотелеграфной станции в Бандунге (на Яве). В 1919 г. эта связь уже установилась настолько, что радиотелеграммы, отправленные из Бандунга, могли приниматься в Нидерландах. В 1911 г. Индонезия присоединилась к заключенному в 1906 г. в Берлине международному радиотелеграфному соглашению, а в 1912 г.—к международному радиотелеграфному соглашению, заключенному в Лондоне и вступившему в силу в июне 1913 г.

Телефонная сеть. Первая телефонная сеть была проложена частными лицами на Батавию-Семаранг и Сурабайю. Местные сообщения первоначально также эксплуатировались частными лицами. Позднее эксплоатация их была взята в свои руки правительством. С той поры как местные, так и междугородные сообщения значительно усилились, так что в конце 1918 г. все телефонные конторы на Яве были включены в международную сеть.

Коснувшись вопроса о современных средствах связи, как почта, радио и телеграф, мы считали необходимым дать им краткое описание и очерк их истории для иллюстрации того,

как сильно Индонезия вовлечена в мировой оборот. Радио и телеграф суть симптомы быстрой индустриализации и роста торговли Индонезии в самом недалеком будущем. Это еще в большей степени выражено электрификацией.

Водяная сила и электрификация.

Так озаглавлена статья об электрификации Индонезии в „Правительственном Ежегоднике“ за 1920 г. (стр. 182). В ней вкратце излагается цель электрификации, ее размеры, приемы и результаты работы. Мы передадим по возможности содержание этого правительственного отчета, чтобы получить представление о богатстве Индонезии источниками электрической энергии, которая сыграет видную роль в грядущей индустриализации Индонезии.

С 1910 г. вопрос о водяной энергии для Нидерландской Индии начал изучаться правительством первоначально только в видах будущей электрификации государственных железных дорог, а затем на более широкой основе, в интересах снабжения энергией, как главным фактором промышленного развития страны. Учрежденная в 1917 г. „Секция Водяной Силы и Электричества“ является самостоятельным отделом Департамента Государственных Предприятий. Этому новому отделу поставлена задача разработать вопрос об экономном снабжении энергией нуждающихся в этом районах и целесообразном использовании водяной силы страны как в интересах промышленного развития этих областей вообще, так и железных дорог и других правительственных предприятий в особенности. Для достижения этих в общей форме поставленных целей „Отдел Водяной Силы и Электричества“ должен:

„Заниматься систематической разведкой и обследованием ценных источников водяной силы в районах, где в ней наиболее может чувствоваться потребность.

Содействовать экономическому использованию имеющихся в распоряжении источников силы и предотвращать расточение ценных источников энергии в стране.

Оказывать поддержку и способствовать созданию мощных электрических установок в районах, где имеются ценные источники энергии, и где существует потребность в

электрической энергии, путем доставления технических данных и сведений, во-первых, и затем—путем опытов и технических исследований в области электрической индустрии и условий жизнеспособности водяных силовых установок вообще“ и т. д., и т. д.

Что работа ведется всерьез, видно из следующего: „Для того, чтобы практически выполнить вышеописанную задачу, учреждение имеет, кроме административных, еще технические отделения—гидротехническое и строительное, при чем все они расположены в Бандунге. В работах принимают участие десятка два инженеров“.

„Отдел Электричества“ проводит, согласно принятому правительством принципу, „политику электричества“, которая должна привести к возможно более рациональному снабжению территории Нидерландской Индии электрической энергией, и, вместе с тем, рассматривает все поступающие ходатайства о разрешениях на устройство местных электрических предприятий. На гидротехническом отделении лежит забота о всех прочих службах. В первую очередь—о систематическом разведывании водяных сил как при помощи изучения карты, так и при помощи разведок почвы и гидротехнических съемок. Для этой цели на Яве разбросано около 30, а во внеяванских провинциях (Суматра и Целебес) 10 постоянных гидронаблюдательных постов у рек и озер; число этих постов непрерывно возрастает.

Общее количество разведанных на Яве, Суматре и Целебесе государственных источников водяной силы, которые могут быть внесены в кадастр, уже теперь оценивается в 1.500.000 лошадиных сил.

Относительно произведенных департаментом Водяной Силы и Электричества работ можно сообщить следующее:

Две законченных водно-силовых установки уже пущены в эксплоатацию, а именно: государственная центральная станция в долине Тьятур для железнодорожных мастерских в Мадиуне, которая отлично работает с 1917 г., и малая центральная станция к югу от Бандунга, действующая с 1918 г. и поставляющая энергию для тамошней радиостанции.

Почти закончена постройкой водно-силовая станция на реке Кетахун у озера Таис в Бенкулене (Суматра), предназначенная для снабжения энергией правительственные золотых копей и, в частности, рудного предприятия Редьянг-Лебонг.

Силовая станция Тъятур у Мадиуна (Ява) имеет две турбины по 1000 лошадиных сил, уже действующие напором воды с высоты 100 метров. Электрическая энергия передается на подстанцию в Мадиун напряжением в 25.000 вольт по воздушным проводам на железных мачтах.

Далее, на Яве строятся две силовых станции, а именно, в Тъянтене и в Тъи-Тъятихе для электрификации железных дорог и снабжения энергией резидентства Батавии и Западного Преангера, а также двух станций на реках Капундунг и Саруа для гидротехнического снабжения энергией Бандунгского плоскогорья.

Предполагаемая мощность 14-ти силовых станций определяется в 40.000 лошадиных сил. Из них 28.000 будет поступать на центральную станцию в Тъи-Антена, назначение которой покрыть большие налоги, падающие на электрические железные дороги в Батавии и окрестностях.

Новая силовая станция на Капундунге, мощностью в 30.000 лошадиных сил, заменяет собою старую центральную станцию Даго („Бандунгской Электрической Компании“), которая перейдет к государству и останется в резерве.

Относительно Саруа — приток Бандунга к югу от него, где должна быть построена водяная силовая станция на 4.500 лошадиных сил, нужно еще заметить, что эта станция получает два рукава и притока, из которых один будет отводить воду из Саруа, а другой из Сангкуя. Кроме того, в засуху вода будет доставляться из небольшого озера. Это озеро при помощи запруды будет превращено в резервуар по меньшей мере в 10 миллионов куб. м.

Расширение снабжения энергией Бандунгского плоскогорья необходимо в виду увеличивающейся потребности в водяной силе со стороны правительенных радиостанций, военных мастерских и учреждений, железнодорожных мастерских, а также частных промышленных предприятий.

На Средней Яве существует частная силовая станция для общего электрического снабжения, а именно, Тунтангская Централь „Всеобщей Нидерландской Электрической Компании“ (Аньем). Предпринятое расширение предприятий по обширной области исключительно Семаранга и его окрестностей, планы электрификации, вырабатываемые „Железнодорожным Обществом Нидерландской Индии“, а также планы орошения путем запруды так называемого Рава-Пенинга (озера) с превращением его в резервуар с вместимостью в 237 миллионов кубич. м., — вызвали постановку вопроса о снабжении энергией Средней Явы на всем ее пространстве. Исследования, предпринятые в связи с этим вопросом, еще не закончены.

Источниками энергии для Средней Явы предполагаются Тунтанг и Сэраюэ.

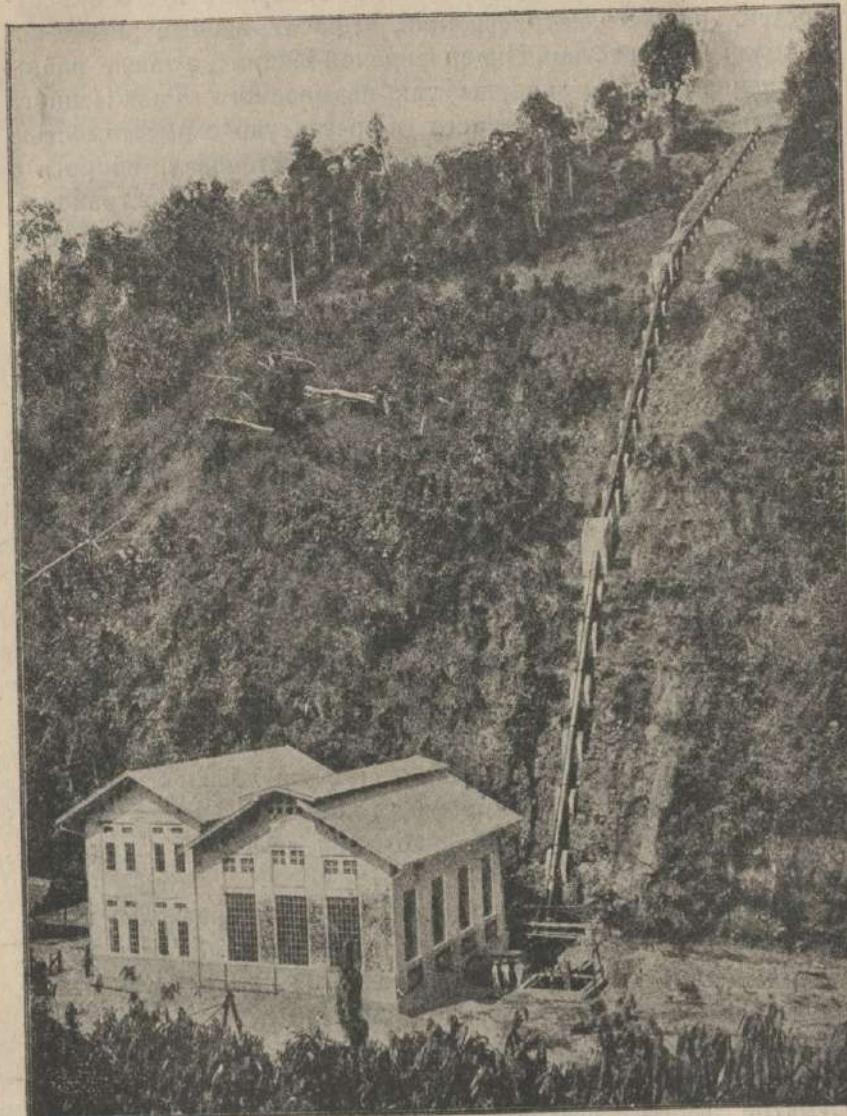
На Тунтанге при существующих условиях могут быть использованы от трех до четырех источников водяной силы мощностью в 13.000 лошадиных сил. Эта мощность может удвоиться путем устройства резервуара Рава-Пенинг, чем будет достигнуто удвоение минимального дебета воды.

Хотя введение электрической тяги на железных дорогах Нидерландской Индии отнимает значительную часть водяной силы Тунтанга, тем не менее для избытка энергии, который получается в резервуаре Рава-Пенинг, покуда еще не имеется определенного района сбыта.

Что касается Восточной Явы, то существует план постройки государственной силовой установки на реке Конто, мощностью в 10.000 лошадиных сил, предназначенных для электрификации железнодорожных линий в Сурабайе и близ нее, а также для общего снабжения энергией Сурабайи, Кедири и Пасуруана.

В 1914 г. государством была предпринята разведка крупных водяных сил во внеяванских провинциях. Эта разведка, начатая в районе железных и никелевых руд на Целебесе, в настоящее время энергично продолжается уже вне этого района. В текущем году наступает очередь реки Асахана на Северной Суматре, а затем некоторых рек и озер на Средней Суматре, а также в Атьехе (Северная Суматра). На Целебесе разведываются водяные силы в Ла-Рона, Посса и Лаа. Ко-

личество водяной энергии, могущей быть с выгодой полученной в Ла-Рона, оценивается по меньшей мере в 150 турбинных лошадиных сил. В Посса их имеется минимально 200.000, а в Лаа около 100.000 лошадиных сил.

Водно-силовая станция в Тьятуре.

Ла-Рона и Посса отводят воду из больших озер Среднего Целебеса (озера Мотана, Махалона, Товути и Посса), так что, благодаря регулированию этих озер, водяная сила может эксплуатироваться в течение всего года.

От реки Асахан (Суматра), если считать и разведанные частными лицами источники водяной силы, приходится ожидать не менее 5.000.000 лошадиных сил. На Южной Суматре, в озере Ранау и в некоторых других местах имеется несколько сот тысяч лошадиных сил.

Необходима энергичная разведка государством огромных водяных сил во вневаванских провинциях для выяснения возможностей развития при помощи дешевой водяной силы различных отраслей промышленности, в особенности так называемой азотной индустрии.

Для иллюстрации этих усилий правительства мы должны только добавить, что наряду с дешевой водяной силой в Индонезии существует еще дешевая рабочая сила, и если вспомнить, насколько ограничены теперь возможности накопления капитала в Европе и Америке и насколько дороже рабочие руки в этих странах, насколько запутаны, наконец, экономические и политические условия в них, то придется притти к выводу, что Индонезия со своим вечным солнечным сиянием, обильными дождями и богатой плодородной почвой в самое короткое время, по крайней мере—в меру беспрепятственной индустриализации—превратится в первоклассную промышленную страну.

Порты Индонезии.

Индонезия, состоящая из многочисленных островов, обладает соответственно огромной береговой линией. Любопытно отметить, что общая длина этой береговой линии приблизительно совпадает с окружностью земли. Вдоль этих берегов разбросано около 500 больших и мелких портов. Еще сто лет тому назад индонезцы были искусными мореходами, но теперь о них этого сказать нельзя. Князь Мадьюпати (около 1200 г.) отправлял свои военные и торговые корабли не только на

различные острова Индонезского архипелага, но и в другие части Азии. С наступлением голландского господства и с монополизацией судоходства, с чем естественно связывается и запрещение строить средние и большие суда, индонезцы перестают быть мореходами. Яванцы вообще совершенно разучились плавать по морю. Они превратились в мелких и большей частью консервативных крестьян, привязанных к своей дезе (деревня), саваху (рисовое поле) и буйволу. Им стала чужда всякая инициатива и духовная подвижность, присущая путешествующему и предприимчивому народу. Это качество мы находим только в некоторых группах Архипелага, как например, у бандьярезов (на Борнео) и у макассарцев (на Целебесе), у которых мореплавание является еще любимым и важным занятием. Судостроение в Бандьярмасине все еще составляет видный источник существования населения, и бандьярезы действительно принадлежат к самым предприимчивым, энергичным и художественно-развитым туземцам Архипелага. От них не отстают макассарцы. На своих утлых суденышках они во время попутных муссонов предпринимают трех- и четырехнедельные поездки по морю Банда—самое глубокое море в мире—и продают производимые ими товары на востоке Архипелага. Бросается также в глаза различие в характере между макассарцами (они более известны под именем бухинезцев) бандьярезцами с Борнео, или атьехцами (Суматра) и яванскими крестьянами. Разница эта объясняется гораздо более продолжительным подчинением яванцев и исчезновением их главного занятия, как охотников—именно, судоходства.

С превращением парусных судов в современные паровые суда индонезские порты также переживают разнообразные фазы развития. Когда число кораблей крупных размеров стало увеличиваться, и в середине прошлого века родилось паровое судно, торговый оборот в высоко развитых районах колоссально возрос, а с ним сильно замедлилась и осложнилась работа целого ряда портов.

О значении индонезских портов в последние годы может дать представление нижеследующая табличка: Она показывает тоннаж нетто прибывших в Индонезию частных торго-

вых судов (как парусных, так и паровых, и лихтеров) за годы 1911, 1914 и 1918.

Годы.	Прибыло судов.	
	Число.	Чистый тоннаж.
1911	106.000	81.901.000
1914	104.500	94.413.000
1918	112.900	62.171.000

Официальная статистика о ценности товаров (ввоза и вывоза) по всей Индонезии за 1916, 1917 и 1918 годы дает нижеследующее:

Ценность в миллионах гульденов.
Ввоз. Вывоз.

1916	1917	1918	B	Из	1916	1917	1918
			Ява и Мадура.				
289	312	365		511	457	353	
116	155	166	Внеяванские провинции.	345	329	322	
405	467	531	Всего . . .	856	786	675	

Гавани, заложенные правительством и управляемые им, разделяются по объему своего ввоза и вывоза на большие порты, средние порты и мелкие порты. К большим портам в настоящее время причисляются Тандьонг-Приок (Батавия), Сурабайя, Семаранг, Тылатьян, Белаван-Дели (Медан), Паданг и Макассар.

Ниже мы приводим цифровые данные относительно движения судов в трех крупнейших портах Индонезии.

Тандьонг-Приок (Батавия).

Эти порты сильно развились: они имеют за собой высоко-развитый гинтерланд (Преанггер), и значение их, как перегрузочных пунктов для большей части Архипелага, не-прерывно возрастает.

Что же касается технической стороны, то порты Тандьонг-Приок не уступают самым современным мировым портам; как и все крупные порты Индонезии, они должны вполне удовлетворять требованиям современной торговли и современного международного судоходства.

Общее число регистраций тонн-нетто кораблей, прибывающих в Приок, возросло с 549.000 в 1885 г. до 830.000 в 1895 г., 1.654.000 в 1905 г. и 3.000.000 тонн в 1915 г.

Движение товаров не отстало от роста тоннажа. Ценность ввозных и вывозных товаров составила:

	В 1904 г.	В 1913 г.
Ввоз в гульденах	29.840.000	76.489.000
Вывоз	<u>25.840.000</u>	60.820.000
Всего	55.694.000	137.309.000

Рост движения товаров иллюстрируется также ростом дохода от ввозных пошлин и акцизов. Этот доход составил в 1905 г. 3.224.000 гульд. В 1910 г. 4.987.000 гульд., в 1913 г. 7.031.000 гульд., а в 1918 г. 8.450.000 гульд. Нужно упомянуть, что портовая работа Приока без ремонта и стоимости содержания, прокладки железных дорог и т. п. издержек, потребовала по настоящий день расхода в 41 миллион гульденов.

Семарангский порт.

Судоходство за годы:	Число при- бывших пароходов.	Тоннаж нетто.
1909	932	5.397.000
1914	1176	7.788.000
1918	875	4.684.000

Общее количество ввозных и вывозных товаров составило:

В 1906 г.	457.200 тонн.
1912	704.400
1918	907.000

Значение гинтерланда Семаранга видно из нижеследующих цифр. В 1900 г. ввоз на Яву составили 121.000.000 гульденов, в том числе в Семаранг 31.000.000 гульд., вывоз составил 157.000.000 гульд., в том числе из Семаранга 29.000.000 г. Общий вывоз и ввоз Семаранга составил 60.000.000 гульд. Эта общая цифра в 1913 г. поднялась до 129.000.000 гульд., а в 1916 г. до 146.000.000 гульд., при чем общий ввоз и вывоз по всей Яве за те же самые годы составил соответственно: 617.000.000 гульд. и 800.000.000 гульд.

Порт Сурабайя.

Подобно тому, как Батавия имеет своим гинтерландом Западную Яву, Сурабайя имеет гинтерландом Восточную Яву, самую плодородную часть острова, благодаря чему Су-

рабайя очень быстро превратилась в важнейший порт вывоза и ввоза во всем Индонезском архипелаге. Весьма благоприятное местоположение в удобном и редко волнующемся заливе также много этому способствовало. И здесь мы имеем пример проявления капиталистической энергии и капиталистического ума, когда дело идет об увеличении прибыли. Сурабайский порт также принадлежит к самым современным портам мира. Общее количество регистровых тонн-нетто, прибывающих в Сурабайю, поднялось с 1.960.000 в 1907 г. до 2.617.000 в 1914 г.

Ценность всего ввоза и вывоза составила в 1900 году 135.000.000, в 1914 г. 201.000.000 и в 1918 г. 292.000.000 гульд. Эти цифры, как видим, значительно выше ввоза и вывоза в Батавию, причем, несмотря на последствия войны, выше чем в предыдущие годы. Таможенные доходы не отстают от роста торговли, и в 1905 г. составили 4.450.000 гульд., в 1913 г. 9.700.000 гульд., в 1918 г. 9.835.000 гульд. До настоящего дня Сурабайский порт потребовал затраты капитала в 30 миллионов гульд., не считая прокладки железных дорог и построек, возведенных частными лицами.

Мы не станем касаться прочих портов, имеющих перед собой великое будущее. Быстрое развитие Северной Суматры, как культурной и промышленной страны, вызывает настоятельную необходимость в том, чтобы Белаванский порт стал доступен для больших океанских судов. Белаван также должен сделаться в ближайшем будущем океанской гаванью. Сабанг, у ворот Малаккского пролива (это важнейший пролив между Индийским и Великим океанами), уже сделался угольным портом чрезвычайного значения. С усилением торгового движения к западу и к востоку от этого пролива возрастет и значение Сабанга, как океанского порта. С усилением движения между Америкой, Азией и Австралией приобретут большое значение и другие порты, особенно Макассар.

Банковое дело в Индонезии.

С ростом сельскохозяйственных культур, промышленности, торговли и транспорта в последние годы расширились

соответственным образом банковые учреждения и кредитные и денежные операции. Ниже мы приводим некоторые цифры относительно отдельных банков.

Яванский банк.

Возник в 1822 г., как частное учреждение. Капитал составляет 6 миллионов гульденов. Хотя правительство и не является концессионером, однако, получает долю из прибыли Яванского банка. Правление банка назначается на пять лет правительством.

Нидерландская Торговая Компания (Н. Т. К.).

Н. Т. К. возникла в 1824 г. в Гааге с капиталом в 37 миллионов гульд. (подписка дала 70 миллионов гульд.). Хотя первоначально банк этот вел дела также с Америкой, Китаем, Британской Индией, Японией, скоро, однако, все его внимание сосредоточилось на Яве. В 1909 г. банк полностью или частично владел 14 сахарными заводами на Яве, представлявшими капитал в 7.468.000 гульд. и, кроме того, находился в коммерческих отношениях с 19 заводами. В 1918 г. эти цифры соответственно равнялись 16 (8.862.000 гульд.) и 28 с общей продукцией приблизительно в одну пятую часть всего сахарного урожая.

Вследствие войны число тюков табаку сократилось с 65.000 до 30.200. Количество кофе, консигнированного частными предприятиями, понизилось с 180.000.000 до 6.050.000 кгр., консигнированного правительственного кофе с 40.132 до 4.432 кип; число проданного олова с 347.459 до 2.361 чушек. Количество обернувшегося через банк чаю увеличилось с 2,6 миллиона до 6,5 миллиона кгр. Количество каучука в 1918 г. составляло 3.197.000 кгр. Консигнация других продуктов значительно опередила перечисленные. Банк ставит своей главной задачей содействовать торговле, сельскому хозяйству и промышленности в Нидерландах и Индонезии, особенно в период расцвета, начавшийся для Индонезии с начала текущего века; эту свою видную роль он будет играть и впредь.

Складочный капитал в 1904 г. был доведен до 45 миллионов, в 1913 г. до 75 миллионов, а в 1917 г. до 100 миллионов гульд. Запасный капитал, предусмотренный уставом,

поднялся с 6.125.000 гульд. в 1909 г. до 14.590.000 гульд. в 1918 г.; а прибыль с 4.782.000 до 12.654.000 гульд.

Банк имеет повсюду свои отделения, и не только в Голландии и Индонезии, но и в остальных частях Азии.

Нидерландско-Индийский Коммерческий Банк.

Учрежден в 1863 г. в Амстердаме с капиталом в 1.500.000 гульд., который постепенно дошел до 60 миллионов гульд. Из размещенного в предприятия акционерного капитала 11.925.000 гульд. вложено в акции „Нидерландской Индийской Сельско-хозяйственной Компании“. О развитии этого банка можно судить по следующим цифрам. В 1899 г. капитал банка составлял 12.399.550 гульд., запасный капитал 2.953.397 гульд., чистой прибыли 1.786.200 гульд. и дивиденд 12%. В 1914 г. эти цифры соответственно составили: 19.934.000 гульд., 7.777.744 гульд., 2.217.518 гульд. и 10%. В 1918 г. цифры соответственно равнялись 35.000.000 гульд., 17.377.626 гульд., 6.834.164 гульд. и 17%. Нидерландско-Индийский Коммерческий Банк ведет банковые операции по всему миру и имеет представительства по всему земному шару.

Нидерландско-Индийское Учетное Общество.

Этот банк был основан в 1857 г. в Батавии с капиталом в 1.000.000 гульд., который с течением времени дошел до 25.000.000 гульд. О развитии этого банка свидетельствуют следующие цифры: основной капитал составлял в 1909 г. 12.000.000 гульд., резервный фонд — 1.050.000 гульд., валовая прибыль 665.843 гульд., а дивиденд 8%. В 1918 г. соответственно: 25.000.000 гульд., 4.610.121 гульд., 2.018.244 гульд. и 10%.

Объединенный Банк Нидерландов и Колоний.

Он был учрежден в Амстердаме в 1914 г. с капиталом в 5 миллионов гульд., впоследствии увеличенным до 15 миллионов. Чистая прибыль составила в 1918 г. 617.000 гульд., а дивиденд 7%.

Среди других банков отметим Нидерландско-Индийский Фондовый и Учетный Банк, учрежденный в 1912 г. в Батавии с капиталом в 5 миллионов гульд., Колониальный Банк (Культур-Банк), учрежденный в 1881 г. в Амстердаме с капиталом в 10 миллионов гульд., впоследствии увеличенным до 15 миллионов гульд. и в 1918 г. давшим прибыль в 1.160.987 гульд. при дивиденде 7%. Наконец, упомянем об австралийских, японских и китайских банках, имеющих в Индонезии свои отделения и также быстро развивающихся.

Ввоз и вывоз Индонезии.

Лучшим доказательством быстрого развития индонезской торговли и индустрии является постоянный и быстрый рост ввоза и вывоза товаров и пряностей. Ниже мы приводим цифры, относящиеся к последним годам.

Ввоз (в тысячах гульденов).

Годы	Товары и пряности за частный и правительственный счет	Прирост
1906	234.888	7,36
1908	280.562	13,46
1910	345.295	22,60
1912	434.788	8,56
1914	420.453	12,95
1919	793.233	39,82
1920	1.310.825	65,25

Вывоз (в тысячах гульденов).

1906	330.980	7,06
1908	470.715	29,12
1910	452.588	0,55
1912	596.662	14,39
1914	684.655	0,10
1919	2.167.171	218,82
1920	2.267.860	4,61

Таким образом, ввоз за 15 лет возрос свыше чем на 450%, а общий вывоз приблизительно на 600%. Общая сумма ввоза и вывоза составила в 1906 г. круглым числом 565 миллионов, в 1920 г. 3.578 миллионов гульд. Таким образом, произошло повышение на 500%.

Большой интерес представляет нижеследующая таблица, дающая яркое изображение того, как сильно выросла торговля с разными странами, в особенности с Америкой, Англией, Азией, ее колониями, Японией и Австралией.

Ввоз и вывоз товаров частными лицами из нижеследующих стран (в миллионах гульденов).

Страны происхождения.	В в о з				
	1911	1913	1915	1917	1920
Нидерланды	120,9	124,8	90,8	11,4	263,0
Англия	63,6	70,4	84,7	78,6	266,11
Пенанг (англ. колония) .	13,4	13,5	14,2	21,7	16,4
Сингапур (английский)	61,6	58,9	76,5	134,0	125,4
Соединенные Штаты (Америка)	7,8	9,7	30,8	62,4	162,9
Австралия	8,7	10,3	7,3	21,5	36,0
Франция	3,1	2,7	2,7	1,8	5,3
Сиам	2,2	3,0	2,9	4,7	0,6
Сайгон	0,3	14,7	9,6	10,1	19,4
Китай	5,9	9,4	5,7	4,5	11,4

Общая сумма, включая другие страны	373,1	383,2	402,8	529,0	1116,2
--	-------	-------	-------	-------	--------

Отметим в особенности быстрый рост ввоза из Сингапура и Соединенных Штатов.

Страны происхождения.	Вывоз				
	1911	1913	1915	1917	1920
Нидерланды	129,6	172,6	195,2	19,7	354,5
Англия	17,6	23,9	92,8	85,3	143,6
Пенанг	18,9	19,0	13,3	18,7	19,3
Сингапур	74,8	109,7	119,1	161,5	302,2
Соединенные Штаты	17,0	13,3	40,0	200,0	297,7
Британская Индия	50,7	88,9	93,8	88,5	216,7
Египет	42,1	6,5	26,1	25,3	272,4
Гонконг	21,6	34,2	44,7	37,1	135,9
Япония	11,6	35,8	15,6	31,4	140,0
Австралия	6,0	12,9	27,7	23,4	101,6
Франция	28,1	26,7	23,7	8,5	20,8
Китай	9,0	17,7	17,9	22,9	31,5

Общая сумма, включая другие страны	668,0	614,2	758,2	776,6	2254,0
--	-------	-------	-------	-------	--------

Из вышеприведенных цифр мы видим, таким образом, что рынок сбыта индонезской продукции перемещается из Европы через Нидерланды все больше в Сингапур, Британскую Индию, Австралию, Японию и Американские Соединенные Штаты. Последняя великая война дала толчок этому перемещению. Обнищание Европы, с одной стороны, следствием чего явилось уменьшение ее покупательной силы; быстрая и интенсивная индустриализация и экономическое развитие восточных стран, а также мощный рост Японии и Америки, с другой стороны, будут укреплять и усиливать это перемещение.

Влияние иностранного (неголландского) капитала.

На ряду с государственными предприятиями — железнодорожными, угольными и другими — уже в течение полувека видное место в экономической жизни Индонезии занимают частные предприятия. Страх спонтанного зарождения националистического революционного движения, необходимость создать в самой Индонезии новые отрасли промышленности (в виду изоляции островов во время войны), недостаток голландского капитала и недостаток предприимчивости у голландских капиталистов, — вот главнейшая причина того, что такой предусмотрительный человек, как генерал-губернатор Лимбург-Стирум взял новый курс в индонезийской колониальной политике. Эта новая политика называется „политикой открытых дверей“. Всем иностранным капиталистам дается право на эксплуатацию индонезийской земли и индонезийского народа. И действительно, после узкой „монопольной политики“, это наилучшая и самая безопасная политика для такой маленькой страны, как Нидерланды. Правда, существует опасность, что сама Голландия в большей степени, чем прежде, станет орудием иностранных капиталистов, но зато против Англии, от имени которой Нидерланды фактически носят колониальный скипетр на протяжении десятков лет, теперь выступают такие державы, как Япония и Америка. Одну можно натравлять на другую, и таким образом сводить влияние великих держав к минимуму путем ловкой политики. То, что Индонезия теперь эксплуатируется в международном

масштабе, что Нидерланды не одиноко стоят против возрастающего националистического и коммунистического движения в Индонезии, для Голландии бесспорно представляет большие выгоды.

Еще в 1907 г. в Индонезии действовали разнообразные компании с общим капиталом в 24 миллиона гульд. слишком. Голландского в нем не более четверти (голландские и британские владения).

В 1911 г. Яванский банк оценивал все капиталы иностранных наций (за исключением Нидерландов) в 170 миллионов гульд. Из этой суммы 120.400.000 гульд. приходилось на долю англичан, 20.700.000 на долю французов и бельгийцев, 7.000.000 на долю китайцев и 1.200.000 на долю немцев. Английский капитал на Яве помещен, главным образом, в чайные, хинные, каучуковые и сахарные предприятия. Одним из важнейших английских предприятий являются „Английско-Голландские Плантации Явы“ (Лондон) с капиталом в 18 миллионов гульд. При посредстве „Компании Паманукан Тъясемланден“ (голландская компания, приписанная к Индонезии), англичане управляют предприятиями Паманукана — плантации в 500.000 акров, на которых разводится чай, кофе, каучук, хина и рис. Голландской компании досталось название, а англичанам прибыли.

То же можно сказать о могущественной всемирной нефтяной организации. Голландцам принадлежит титул в названии „Королевско-Нидерландского Общества“ (более известного под названием Royal Dutch), англичанам же принадлежат акции и власть с той поры, как это „Королевское Общество“ примкнуло в 1907 г. к могущественной группе Shell. При этом слиянии было обусловлено, что при учреждении новых компаний „Королевское Общество“ будет получать 60% акций, а Shell 40%. С той поры „Королевское—Shell“ распространило поле своей эксплуатации на весь мир. Согласно балансу 31 декабря 1922 года группы „Королевское—Shell“ ценность ее акций в иностранных компаниях определялась:

Калифорнская К° Шелль	116	мил. гульд.
Astra Romana	7,5	"
Американские копи	66,5	"
Разные месторождения	35	"

Мы нашли нужным упомянуть об этом потому, что в последнее время оказалось, что многочисленные отделения в других странах, которые, согласно индонезско-голландскому еженедельнику „Предприятие“, поставляют с таким шумом возвещенные четыре пятых всей нефтяной продукции группы, конечно, не участвуют в ее прибылях. Колossalная прибыль группы „Королевское—Shell“, эксплоатирующей, продающей и перерабатывающей нефть в Европе, Азии и Америке главным образом получается от „Батавской Нефтяной Компании“. Эта „Батавская Компания“ учреждена была в 1907 г. Компанией „Королевское—Shell“ в Индонезии, где добывалась и перерабатывалась сырья нефть. Около этого же времени были основаны: „Азиатская Нефтяная Компания“, которая только перевозит переработанную нефть на различные мировые рынки, и „Англо-Саксонская Компания“, которая в качестве распределительного и торгового аппарата, повсюду устраивает цистерны, склады и торговые центры. И если „Королевское—Shell“ располагает нефтеплавивным флотом свыше чем в один миллион тонн, то этим оно обязано „Индонезской Батавской Нефтяной Компании“.

Колоссальные размеры и распространение влияния Батавской и однородных ей компаний следующим образом оценивается „Индийской Газетой“ (либеральная голландская газета в Индонезии): „Благодаря тому, что каждое отделение Компании имело значительные интересы за границей, постепенно произошло неслыханное усиление акционерного капитала. Он возрос приблизительно так: в „Батавской Компании“ до 300 миллионов, в „Англо-Саксонской“ до 115 миллионов и в „Азиатской“ до 25 миллионов. Колоссальный рост акционерного капитала „Батавской Компании“ обуславливается тем, что все интересы группы „королевское—Shell“ в России, Венесуэле и Мексике числятся на ее имя, тогда как „Англо-Саксонская“ оперирует больше на Британском Борнео и в Египте“.

Таким образом, „Батавская Компания“ является позвоночником могучего нефтяного концерна „Королевское—Shell“. Трудно сказать, как велик капитал, вложенный Англией. Но ясно, что английскому империализму индонезские нефтяные

предприятия по меньшей мере так же близки, как и другие его нефтяные источники.

Помимо нефти, английский капитал давно уже залез в индонезский каучук. Этот продукт оказался теперь—особенно для военных целей—столь же полезным, как нефть. Нефти принадлежит будущее, но научные исследования последних лет неоднократно приводили к новым открытиям в области каучука. „Каучук можно сделать столь же мягким, как шелк, и столь же твердым и прозрачным, как стекло!“ восклицает капиталистический раб, „Современный Изобретатель“. „Индонезия, особенно Северная Суматра с ее дождями, почвой и климатом—наилучшее во всем мире место для производства каучука!“, восклицает другой капиталистический раб, „Ученый Агроном“. Поэтому Англия давно уже влезла своим капиталом в каучуковые предприятия Суматры.

Ниже мы приводим некоторые цифры, показывающие размеры капитала различных наций, вложенного в табачные, чайные и каучуковые предприятия Северной Суматры (Дели) в 1914 г.

Страны.	Табак.	Каучук и чай в тысячах гульденов.	Всего.
Голландия	44.401	46.000	90.401
Нидерландская Индия .	—	5.000	5.000
Англия.	9.432	60.000	69.432
Франция	—	3.000	3.000
Германия	—	2.000	2.000

Таким образом, мы видим, что в 1914 году Дядя Сам еще не выступал на каучуковой сцене; однако, после великой войны положение сильно изменилось. Дядя Сам уже больше не думает о своем пророке Монро и о его доктрине „Америка для американцев“. Впрочем, он остался верен этой доктрине в том отношении, что другие нации не смеют интересоваться американскими делами. Но постепенно он оказывается вынужденным вмешиваться в чужие дела, к этому его побуждает, во-первых, нефть, а во-вторых—каучук. Последний продукт нужен ему для его цветущей автомобильной промышленности.

„Компания Голландско-Американских Плантаций“ (К.Г.-А.П.), подобно „Королевскому—Shell“ также являющаяся голландской лошадью, которая должна везти американскую колесницу с каучуком, теперь грозит проглотить большую часть каучуковых предприятий. Компания „Стандарт-Ойль“ также ведет в Индонезии борьбу против англичан, и с неменьшим упорством, чем в Персии и Месопотамии. Дядя Сам знает, что его нефтяные источники, если он будет их эксплоатировать с такой же интенсивностью как ныне, истощатся приблизительно через двадцать лет. Это явится смертным приговором для Америки, державы будущего, существующей нефтью. Вот откуда отчаянная борьба из-за нефти между группой „Королевское—Shell“ и Компанией „Стандарт-Ойль“. Во время великой войны группа выбросила на рынок миллионы, чтобы принудить „Стандарт-Ойль“ к слиянию с собой; но „Стандарт-Ойль“ покуда не сдается. Напротив, она является в Индонезию и выбрасывает на рынок колоссальное количество американского бензина. Мы находимся еще в начальной стадии великой борьбы за нефть.

Между тем, Дядя Сам устремил свои взоры и на финансовый капитал Индонезии. В весьма назидательной статье вышеупомянутой голландской „Индийской Газеты“ от 27 февраля 1923 года, озаглавленной „Индия и Америка“, значится следующее: „Несколько времени тому назад мы указывали, что известная американская финансовая группа имела случай познакомиться с цифрами, доставленными „Финансовым департаментом“. Этот отчет в то время был опровергнут, но у нас имеются все причины вполне верить ему.“

„Теперь между Америкой и Индией опять зашла речь о своеобразном контакте. На днях наш амстердамский корреспондент писал нам, что одним из виднейших подписчиков на Индийский заем является синдикат с „Гарантийным Трестом“ во главе. Так вот, этот трест семейства Морганов оказывается крупнейшим пайщиком Банка Индонезии, один из бывших заправил которого, господин Хаутсма, был и есть финансовый советник генерал-губернатора и диктатор экономии по преимуществу... Чтобы познакомиться с Банком Индонезии, достаточно оглянуться на Роттердамский Банко-

ый союз (Rotterdamsche Bankvereeniging)... В Роттердамском банке можно видеть щупальцы американского крупного капитала, в котором видную роль играет, между прочим „Гарантийный Трест“, один из исполинских банков Америки, год тому назад вложивший 50 миллионов долларов (около 125 миллионов гульденов) в индийский заем, и благодаря подписке на новый индийский заем опять выступивший на передний план. В феврале 1922 г. главный директор Роттердамского банка был, между прочим, с визитом у этих банкиров в Америке. По мнению посвященных лиц, Роттердамский банк получил в эту пору финансовую поддержку...“ А в заключение говорится: „Таким образом, благодаря связи Индийского банка с Роттердамским банком мы можем установить, что Индийский банк финансируется Америкой. А так как господин Хаутсма связан с Индийским банком с одной стороны, и с индийским правительством, с другой то мы уже в точности знаем, кем Индонезия управляет в финансовом смысле“.

Таким образом политика „открытых дверей“ Лимбург-Стирума создала в Индонезии совершенно новую ситуацию. С одной стороны, она дает слабому голландскому империализму опору—пускай даже временную, о чем ниже,—против всякого освободительного движения индонезцев, так как английский империализм безусловно враждебен какой бы то ни было свободе Индонезии, да и Америка ни одной минуты не может потерпеть пролетарской Индонезии. С другой стороны, она в большей или меньшей степени перемещает финансовую политику на лондонскую или нью-йоркскую биржу. Во всяком случае индустириализация Индонезии в ближайшем будущем пойдет вперед быстрым и уверенным шагом, при чем голландцы, искушенные в индонезской политике и научившиеся всеми правдами и неправдами прикреплять индонезцев в качестве кулиев к предприятиям, могут извлечь из этого большие выгоды.

Управление Индонезией.

Чтобы понять характер управления Индонезией, мы должны сперва познакомиться с условиями производства. Нигде голое насилие капиталистического режима не высту-

пает так ясно, как в колониях вроде Индонезии. В то время как насильтственный характер капитализма в Европе или Америке прикрывается парламентаризмом и демократией, дающими рабочим видимость власти, в Индонезии дело обстоит иначе. В Индонезии власть принадлежала после вторжения туда голландского империализма голландской фирме, называвшейся „Ост-Индской Компанией“; эта фирма отличалась от обычных фирм тем, что она располагала пушками, которые заставляли туземцев работать на угодных ей условиях. Эта компания, правительство тож, была одновременно и работодателем, и судьей, а индонезийские крестьяне были рабочими. Это и сейчас бросается в глаза всем, кого не вводят в заблуждение красивые слова, вроде слов — „этика“ и „свободный труд“. Правительство — работодатель, а индонезцы — рабочие. Это положение отягчается тем, что работодатели — правительство — принадлежат к иной расе, чем эксплуатируемые и угнетенные рабочие, и по особенностям климата не могут осесть в Индонезии на всегда, как осели европейские колонисты в Америке и в Австралии. При отсутствии туземного капиталистического класса это различие еще разительнее бросается в глаза.

Мы должны с самого же начала подчеркнуть это резкое различие между правительством, которое вместе с тем является чужеземным работодателем, и угнетенным населением, принадлежащим к другой расе — только в этом случае мы поймем характер индонезийского правительенного течения. Нам после этого нетрудно будет понять усилия индонезийского правительства, поскольку их делает определенная группа, ввести реформы административного характера. Мы сможем понять и новое движение за так называемую „автономию Индонезии“.

В ученых книгах, трактующих о государственном устройстве Индонезии, мы читаем, например, что „Индонезия составляет часть Нидерландов — если правильно применять термин, то Королевства Нидерландского“. Далее, что „нидерландский законодатель (парламент) может издавать все законы, касающиеся колоний, что, кроме парламента, и корона может принимать законодательные меры путем королевских указов генерал-губернатору. Корона (исполнитель-

ная власть) осуществляет верховную власть, а губернатор управляет Индонезией от имени королевы. Как в области законодательной, так и в исполнительной генерал-губернатор пользуется содействием девяти начальников Департаментов (финансов, флота, народного просвещения и т. д.) Общего Управления, которые вместе составляют Совет Начальников Департаментов. Затем, генерал-губернатору помогает мощный бюрократический аппарат, Общий Секретариат, который и является фактическим правителем Индонезии.

16 сентября 1916 г. открылся в Индонезии призрачный парламент с совещательным голосом, так называемый Народный Совет (если судить по названию, то совет индонезийского населения).

Разумеется, все эти ученые термины, как „парламент“, корона, генерал-губернатор, департамент, Общий Секретариат и Народный Совет не могут прикрыть той истины, что все они в совокупности составляют голландскую фирму индонезийского кофе, сахара, нефти, каучука и чаю, и что генерал-губернатор со своим Департаментом, Обшим Секретариатом и Народным Советом является не чем иным, как агентом этой фирмы. Ибо какою властью обладает голландская королева? Какую пользу приносит голландский парламент малайским рабочим, не говоря уже об индонезийском населении, о котором даже десять человек из ста членов парламента не имеют ни малейшего понятия, и к которому они не питают ни малейшего интереса? Если генерал-губернатор правит от имени короны, которой нечего сказать и которой вдобавок приходится подчиняться решению парламента, коему со своей стороны нечего сказать, то от всех перечисленных властей поистине ничего не остается. Действительная власть над Индонезией принадлежит, таким образом, и нефтяному королю Колейну, и табачным, и сахарным королям.

Власть генерал-губернатора в управлении индонезийскими делами ограничивается Обшим Секретариатом. Все решения, поступающие от низших административных чинов, прежде всего должны быть рассмотрены этим бюрократическим учреждением. Все предложения, даже о самых мелких улучшениях быта индонезцев — например, в области гигиены и

народного просвещения, прежде всего должны быть рассмотрены этой бандой, потому что губернатор, т.-е. центральная власть, которой приходится решать самые ничтожные дела, не имеет ни времени, ни познаний для того, чтобы надлежащим образом и успешно изучать все эти предложения. Таким образом, Общий Секретариат из обыкновенного приказчика сделался правительством. Легко себе представить, какая судьба постигает планы мелких улучшений в народной жизни, т.-е. не в интересах крупного капитала, если вспомнить, что эта банда бюрократов крепко держится не только за свои насиженные местечки, но и за всевозможные традиции, ведущие свое происхождение из времен Ост-Индской Компании.

Действительное правительство находится, таким образом, в Голландии, т.-е. в данное время это член христианской партии нефтяной король Колейн и Кули-Кремер (этот бывший министр колоний так гнусно эксплуатировал и избивал яванских кули в Дели, что мелкая буржуазия и рабочие Голландии дали ему эту вполне заслуженную кличку). Прежде чем дебатироваться в голландском парламенте, бюджет Индонезии составляется под диктовку нефтяной конторы Колейна. Если случается, что голландский парламент по оплошности представит законопроект, не одобренный членом христианской партии господином Колейном, то этот последний пускает в ход весь аппарат своей власти, чтобы помешать проведению этого законопроекта и, разумеется, почти всегда успевает в этом.

В виду крупных расходов на армию, флот и чиновников и страшной нищеты яванского населения, правительство Индонезии несколько лет тому назад выработало план усиленного обложения нефти. „Батавская Нефтяная Компания“, директором которой является Колейн, нажившая, согласно отчетам Народного Совета за 1920 г., от 292 до 378 миллионов (от одного только индонезийского населения от 500 до 800%) должна была теперь заплатить Индонезии свои 16 миллионов налога. „Нет!“—отвечали нефтяные дельцы, во главе с христианнейшим господином Колейном. „Вы разоряете нас! Если вы сделаете этот шаг, то мы остановим наши предприятия“. Таким путем христианнейший нефтяник

одним ударом убил двух зайцев. Во-первых, высокая нефтяная конъюнктура времен великой войны миновала, так что он временно вынужден ограничить работу своих предприятий в ожидании лучших дней и, таким образом, может масками выбрасывать своих кули на улицу под предлогом: „правительство чинит нам препятствия“; во-вторых, он заставляет индонезское правительство отступиться от намеченного плана, так что миллионы, которые он иначе вынужден был бы внести в индонезскую государственную казну (разумеется, в собственных интересах, а именно,—на подводные лодки и аэропланы), он может посвятить другим благочестивым формам эксплоатации.

Что может против этого поделать Народный Совет? Во-первых, от почти 50 миллионов индонезцев в его составе слишком мало представителей. Голландия со своим 7-миллионным населением имеет сто депутатов, тогда как Народный Совет насчитывает всего тридцать девять человек. Председатель Народного Совета назначается короной. Половина депутатов (10 индонезцев, 9 европейцев и представителей других народов Востока) избирается местными советами. Эти местные советы состоят исключительно из членов П. Э. С. (Политико-Экономического Союза)—политической организации крупных капиталистов Индонезии. Остальные члены (5 индонезцев, 14 европейцев и представителей других народов Востока) назначаются генерал-губернатором. (Надо заметить, что члены Народного Совета должны понимать по-малайски). Разумеется, о каком бы то ни было избирательном праве, не говоря уже о всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании, не может быть и речи. Сверх того, Народный Совет не обладает законодательной властью, а только совещательным голосом. Генерал-губернатор совещается с Народным Советом по таким законопроектам, по которым он желает выслушать мнение Народного Совета, например, о бюджете и связанных с ним ассигнованиях. Само собой разумеется, что Народный Совет не может оказать ни малейшего влияния на генерал-губернатора с его Обшим Секретариатом, который сверх того подчинен голландскому парламенту, а этот последний, в свою очередь, подчинен Кули-Кремеру и нефтянику Колейну.

Небесполезно будет остановиться на этом Народном Совете, потому что он подложил немало горючего материала в индонезское народное движение. В течение некоторого времени революционные националисты давали себя совращать этому Совету в надежде, что Народный Совет станет когда-нибудь индонезским парламентом. Коммунисты же с самого начала стали к нему в оппозицию. Один из них, назвавший на митинге это почтенное учреждение „Диван-Райят“ („диван“ по-малайски значит парламент, а „райят“ значит народ) Диван-Райятом („райяп“—название очень прожорливого насекомого, древоточца), был приговорен судом к шести месяцам тюрьмы „за оскорбление властей предержащих“. И действительно, Народный Совет очень похож на „министрство райяпов“. За исключением нескольких националистов в Народном Совете заседают представители крупного капитала и их подголоски—члены П. Э. С. (Политико-Экономический Союз); коммунистам не приходится опасаться, что они туда попадут. Местные советы, в которых полным-полно членов П. Э. С., никогда их не выберут, а генерал-губернатор никогда их не назначит. Кроме того, почти все видные коммунисты уже познакомились с тюрьмой. Все это в связи с составом Совета, способом выборов и, наконец, с призрачной властью Народного Совета побудило коммунистов объявить на своем съезде в декабре 1921 г. официальный бойкот Народному Совету.

Прошел целый год, прежде чем другая революционно-национальная партия Индонезии поняла решение коммунистов. Вначале, как мы уже говорили, она дала себя ввести в заблуждение, чем доставила бесспорный политический успех уже упоминавшемуся генерал-губернатору фан-Лимбург-Стируму. В революционные годы, особенно во время войны, когда великий союз Сарекат-Ислам нагнал такого страха на владык Индонезии, Народный Совет Индонезии был средством предупреждения народных восстаний. Народный Совет был лучшим средством контроля народных желаний, а народным вождям он давал возможность излить свое революционное настроение в парламентской деятельности, и таким образом убаюкивать революционное настроение массы сладкими надеждами. Председатель Сарекат-Ислама

Тьюкро-Аминото и вождь революционной национально-индийской партии Тьипто не были избраны местными советами, а назначены генерал-губернатором. Но бурное время прошло, они уже не назначаются генерал-губернатором, и в настоящее время в Народном Совете полно членов П. Э. С... Только в начале этого года революционные националисты поняли, что они упустили превосходный случай найти себе опору вне парламента, в самих индонезских массах. Теперь, приблизительно через год после коммунистического бойкота 1921 г., революционные союзы, образующие ныне с коммунистами единый фронт в „Радикальной Концентрации“, объявили Народному Совету бойкот. Теперь, спустя шесть лет, революционным националистам становится ясно, что великий антагонизм между правительством, как работодателем, и индонезиями, как рабочими, не допускает создания настоящего парламента. Ясно, что парламент, составленный с помощью рабоче-крестьянских масс, при данных экономических условиях и при всеобщем избирательном праве обязательно должен привести к „Индонезской рабоче-крестьянской республике“. Мы в дальнейшем будем иметь случай вернуться к этому вопросу, а покуда только укажем на новое движение в Индонезии—„движение за автономию“.

Впрочем, понятие „автономии“ еще не сформулировано с достаточной ясностью. И эта неясность была причиной того, что несколько наивных регентов (членов правительства) и именно Бандунга, Серанга и Япары попали на удочку. Эти государственные деятели, получившие широкое западное образование и бывшие несомненно не из последних, наивнейшим образом примкнули к „Комитету автономии Индонезии“. Наивно это было потому, что они забыли резкий классовый и национальный характер нынешнего правительства. Можно только догадываться, что понимали эти господа под словом „автономия“. Правительство поставило их перед дилеммой: „Вон из „Комитета автономии“, или вон с государственной службы“. Разумеется, они расстались с автономией, потому что были привязаны к правительству всем своим существом.

Таким образом, трудно было бы найти реальный базис для разнообразных политических партий, занимающихся делами автономии как в Голландии, так и в Индонезии.

Христианско-этическая партия формулирует следующие требования: „установление государственной связи Нидерландской Индии с Нидерландами в том смысле, что народы Нидерландской Индии и народные группы должны приобрести все большее влияние на управление и администрацию, при чем конечной целью является самоуправление этих стран“.

„Утверждение государственной связи Нидерландской Индии с Нидерландами с конечной целью самоуправления для Индонезии“. Это все та же монотонная старая песня господ „этиков“, верующих в „священное единение“ между христианскими эксплоататорами и темнокожими братьями. Этак маленькое перемещение власти из Европы в Индонезию, где могли бы быстро вершаться дела неотложной важности. В случае необходимости эксплоатируемые темнокожие братья смогут принимать участие в переговорах о сахаре или нефти, чтобы придать некоторый колорит „священному единению“ между Востоком и Западом.

Социал-демократическая партия стоит на той точке зрения, что уже теперь возможно немедленное признание за населением Нидерландской Индии политических прав, которые логически приводят к полной независимости“.

„Немедленное признание политических прав за туземным населением“, — говорит так же туманно и двусмысленно Реформистская партия, как и Христианская партия, но только она прибавляет пару таких терминов, как „немедленно“ и „полная независимость“, чтобы немножко обогнать христианско-этическую партию и не отставать от Голландской коммунистической партии, которая уже теперь требует полного отделения от Голландии.

Какой срок означает это „немедленно“, и что делать, если оно логически не ведет к независимости, а, напротив, ведет к позору и эксплоатации индонезцев — об этом голландские реформисты, само-собой разумеется, умалчивают.

Народный Совет также занимался вопросом об автономии. Некий господин Опперман в собрании 18 ноября 1920 года внес следующую резолюцию: „Народный Совет, полагая, что обсуждение предлагаемого законопроекта вновь доказало, что центр тяжести законодательства и управления индонез-

скими делами должен быть перенесен в Индию, и уверенный, что правительство и высшие власти приступят к этому с энергией, переходит к очередным делам“. Эта резолюция была принята без прений. Отсюда явствует самым отчетливым образом, что о слове „автономия“ господа „этики“ любят только побалагурить.

Прославившийся „движением за автономию“ пастор фан-Лит, занимающийся этим, по его словам, из христианской любви и входящий в комиссию по пересмотру конституции Нидерландской Индии, перечислив выгоды двухпалатной системы для Индонезии, говорит, между прочим: „Главная суть заключается в том, что в представительстве интересов крупные предприятия с их капиталом и умными руководителями, а также прекрасными нравственными убеждениями, выступают как группа“. Таким образом, христианская любовь этого пастора не исключает того, что „автономия Индонезии“ наряду с темнокожими „братьями“ должна неминуемо дать место предприятиям с их деньгами и „умными руководителями“.

Мы могли бы еще привести слова многих этиков, даже профессоров этики в Голландии, и даже этических капиталистов, чтобы доказать, что слово „автономия“ для господ этиков, социал-демократов и капиталистов означает не что иное, как утверждение и поддержку колониальной капиталистической эксплоатации.

Эта бесцветная этическая и демократическая болтовня, разумеется, в скором времени будет поставлена перед реальными фактами: автономия для народа Индонезии, эксплоатируемого и угнетаемого, или же автономия (составление для себя законов) крупного капитала, ведущего дела в Индонезии. Пред лицом этих реальных фактов рабы крупного капитала, члены П. Э. С., безоговорочно высказались против автономии какого бы то ни было рода... Эти господа, как открытые защитники крупного капитала, отлично знают, о чем идет речь: именно, о том — быть или не быть империализму.

Социал-демократы в Индонезии, которые взяли инициативу в создании „Радикальной Концентрации“ (именно, всех трех радикальных политических партий), первоначально и не

ставили себе целью немедленно требовать „независимости“ для Индонезии, каковые требования теперь составляют основу „Радикальной Концентрации“. Правда, они требовали активного выступления против правительства и сами требуют индонезской независимости, но это выступление должно „не выходить из пределов законности“. Коммунисты тотчас же разглядели социал-демократическую половинчатость и двоедущие и предложили „каждой партии, примыкающей к „Радикальной Концентрации“, поставить своей программой: „отделение Индонезии от Голландии“. Формулирование этого требования должно быть представлено Совету Лидеров. Далее, должны запрещаться организации, в правлениях которых и в правительстве в „Радикальной Концентрации“ заседают лица, принадлежащие к партиям, не входящим в „Концентрацию“.

Это предложение было принято, и при свободе в выборе методов борьбы разные революционные союзы проводят теперь революционные выступления. Таким образом, социал-демократическая овца родила волка. Это фактически привело индонезскую социал-демократическую партию к конфликту с социал-демократической программой Голландии, которая, разумеется, не могла признать ничего подобного. Если индонезские социал-демократы, никогда не имевшие влияния в массах, еще остаются в „Радикальной Концентрации“, то это они делают для того, чтобы сабotировать выступления, восстанавливать коммунистов против националистов и таким образом взять в свои руки руководство движением, что им, однако, не так легко удастся. Повсюду руководство местными выступлениями переходит в руки коммунистов. Капиталистическая пресса и правительство уже говорят о работе коммунистов в „Радикальной Концентрации“, а фашисты из П. Э. С. предлагают правительству выслать всех видных коммунистов.

К чему может привести такая борьба за автономию, как деятельность „Радикальной Концентрации“? Это, разумеется, зависит от силы масс, стоящих за нею. Если они действительно представляют реальную ценность, в чем не приходится сомневаться, то ссылки и аресты не смогут сломить ее. Они могут, самое большое, отодвинуть легальную ра-

боту впредь до наступления лучших времен. Существующее правительство не может также помешать расти числу ее членов в составе Народного Совета. Правда, оно может, дразня высокими окладами членов Народного Совета, умерить движение; но индонезский народ, так долго и так усиленно эксплоатируемый и обманываемый, уже не даст себя сбить с толку членам Народного Совета. Народ возненавидит Народный Совет еще больше прежнего и глубже поймет необходимость образования революционного авангарда, который должен сам взять в руки власть, что коммунисты и пропагандируют уже в течение семи лет.

Даже если Народный Совет действительно станет законодательным парламентом Индонезии, то останется еще под сомнением, извлечет ли из этого какую-нибудь материальную выгоду народная масса. Мы говорим „даже“, потому что невозможно создаться чисто-индонезскому парламенту до тех пор, пока в Индонезии не существует туземного капитала, который мог бы взять в свои руки реальную политическую власть,—хотя бы даже в компромиссе с иностранным капиталом. Туземный индонезский капитал в соединении с иностранным должны сформировать реальную власть в виде министерства или первой палаты (голландская верхняя палата). Равным образом, парламент, выбранный и составленный путем всеобщего избирательного права из представителей бедных крестьян, фабричного пролетариата и полу-пролетариев, которые составляют огромное большинство населения, очень скоро пришел бы в резкий конфликт с индонезской верхней палатой или индонезскими министерствами.

Роковая судьба нынешнего голландского империалистического правительства заключается в том, что оно не может уступить без опасности потерять свою привилегированную позицию. Если бы оно было правительством крупной империалистической державы, как, например, Америки, оно могло бы провести важные экономические реформы. Благодаря этому, оно на известный срок укрепило бы свою экономическую и политическую позицию. Подобно американцам на Филиппинах, сильный индонезский капиталистический класс мог бы существовать в течение известного времени наряду с довольными своей судьбой рабочими и крестьянами. Но

об этом покуда не приходится и думать. Голландия со своими 7 миллионами жителей при самых лучших намерениях не может дать индонезцам кредитов на интенсивную индустриализацию, на народное образование, здравоохранение, на превращение 50 миллионов туземцев в специалистов и промышленников. Близорукие голландские капиталистические акулы, спокойно посиживающие в Голландии и не задумывающиеся даже о грозящей им революции, потому что они никогда не слышат голоса индонезских масс, напротив, всегда будут требовать от индонезского правительства, чтобы оно им обеспечивало их высокие барыши. Они всегда будут вопить об „обеспеченности производства в Индонезии“, означающей низкую заработную плату и продолжительный рабочий день индонезских рабочих, подавление среди рабочих малейшей революционной мысли и, наконец, законодательствование и управление Индонезией из Голландии.

Покуда же открытое восстание отчаявшихся индонезских крестьян и рабочих висит, повидимому, дамокловым мечом над головою индонезского правительства. Только, когда голландским капиталистам помогут в финансовом отношении великие державы, в роде Англии и Америки,—что, разумеется, отразится на независимости Голландии—опасность открытого восстания может быть на некоторое время отсрочена глубокими экономическими мероприятиями. В противном случае голландский капитализм должен рассчитывать исключительно на свои собственные силы, и „автономия“, как и другие политические реформы, не сможет смягчить существующих резких экономических и расовых антагонизмов.

Финансы.

Бюджет Индонезии предварительно составляется в Индонезии и пересыпается в Нидерланды. Нидерландское правительство с изменениями или без всяких изменений, вносит его в парламент. Действительные расходы и поступления какого-либо финансового года устанавливаются после того, как их определит голландский законодатель. Затем имущества, доходы и расходы Индонезии отделяются от Нидерландских.

В 1915—1919 гг. были уже выпущены займы непосредственно от имени и за счет Индонезии. Долг ее составил к концу 1919 г. приблизительно 425.000.000 гульд. номинально („Ежегодник Нидерландской Индии“, стр. 37).

Расходы за последние 10 лет колоссально возросли. В 1913 г. общая сумма расходов составила 327.071.000 гульд., в 1915—347.893.000 гульд., в 1917—420.403.000 гульд., в 1919 г.—711.485.000 гульд., а в 1922 г. уже 924.168.000 гульд.

Приблизительно в такой же степени возросли в последние годы и государственные доходы Индонезии: в 1913 г. они составили 311.384.000 гульд., в 1917 г.—360.139.000 гульд., в 1919 г.—537.932.000 гульд. и, наконец, в 1922 г.—734.492.000 гульд.

Чрезвычайные расходы также значительно повысились, а именно, с 39.200.000 гульд. в 1913 г. до 64.500.000 гульд. в 1918 г. За период 1913—1918 гг. на чрезвычайные расходы ушла сумма в 287.000.000 гульд., главным образом на капиталистические цели. Из этой цифры около 52 миллионов пошло на правительственные монополии и продукты. Около 132,5 миллиона пошло на государственные железные дороги и автомобильную службу, а 60 миллионов на улучшение портов и фарватеров (см. „Ежегодник Нидерландской Индии“, стр. 39).

Право в Индонезии.

Если в Индонезии вообще не существует никакого права—это не трудно доказать мнением буржуазных ученых на этот счет,—то в еще меньшей степени оно существует для народных вождей. В такой колонии, как Индонезия, им приходится иметь дело не только с классовой юстицией, но и с законами, серьезно затрудняющими рабочее и народное движение. Народные вожди и революционные рабочие всегда обезвреживались правительственной юстицией. Мы скажем об этом несколько слов, потому что это чрезвычайно важно для народного, в частности рабочего движения. Как разделяется юстиция в отношении различных народных групп, какие имеются виды судебной организации,

каким образом юстиция защищает собственность европейского, китайского и индонезского имущего класса—поскольку последний существует,—это нам в высокой степени безразлично. Действительный же интерес представляют для нас законы, которые прямо или косвенно направлены против народного движения.

Существует целый ряд законов, касающихся собраний и союзов, содержание которых приблизительно сводится к следующему: „тому, кто сеет ненависть к правительству, угрожает тюрьма“.

Немало народных вождей, как националистов, так и коммунистов, стали уже жертвами таких законов. Легко понять, что неопытные писатели или ораторы увлекаются своим чувством и поэтому пускают в ход выражения, которых они не произнесли бы в спокойную минуту. Особенно же, когда дело происходит на каком-нибудь митинге протеста, где возмущение тем или иным насилием правительства легко может прорваться, причем молодые, неподготовленные ораторы увлекаются настроением масс и дают удобный случай подстерегающим их полицейским. Но не всегда вина лежит исключительно на ораторе или писателе. Мы можем указать на бесчисленные донесения полицейских, специально командированных правительством на собрания для того, чтобы составить доклад о том, что на них говорится. Так как собрания часто бывают очень шумными, а эти донесения, кроме того, и бессвязны, при чем они никогда не стenографируются и не контролируются самими ораторами, то даже при наилучших намерениях честной полиции (если такая существует!) нет возможности в точности передать слова оратора и их истинный смысл. Не нужно забывать, что всякая критика правительства может быть истолкована, как „сеяние ненависти“.

Но хуже всего, что дело не расследуется немедленно, чтобы обвиняемый мог вспомнить, что именно он говорил.

При серьезных проступках оратора немедленно бросают в тюрьму без всякого предварительного расследования, так как в Индонезии еще существует так называемое „право превенции“—а именно, право юстиции, опасающейся повторения преступления или бегства преступника, „предвари-

тельно“ сажать людей в тюрьму. Многие стали жертвой этого „предварительного“ правосудия. Нередко случалось как националистам, так и коммунистам по несколько месяцев, вплоть до года, сидеть в тюрьме, после чего их отпускали на свободу „за недоказанностью преступления“. Компенсация за понесенный ущерб никогда не дается превентивно-арестованым. Весьма возможно, что юстиция бывает вынуждена назначить наказание, превышающее на несколько месяцев продолжительность предварительного ареста, дабы показать, что полиция имела достаточные основания задержать человека „превентивно“.

Существует еще другой закон, направленный против рабочего и народного движения,—так называемый закон об „административном усмотрении“, дающий право генерал-губернатору высылать всякого, почитаемого опасным для государственного порядка и спокойствия, в определенное место Индонезии—большей частью на какой-нибудь остров, населенный обезьянами и голыми дикарями.

Доколе юстиция может схватить вождя, тюремное заключение является преимущественной мерой воздействия; но когда она не имеет возможности посягнуть на вождя, пользующегося влиянием в массах, правительство пускает в ход другие меры—именно, сыщиков. Эти последние стерегут днем и ночью опасное для правительства лицо; в определенный момент правительство выступает с обвинениями, собранными сыщиками,—эти обвинения играют роль „правительственных обвинений“. И обвиняемый в этом случае не может защищаться публично, как в обычных судебных делах. Он может защищаться письменно, и эта письменная защита представляется на усмотрение правительства. Однако, никогда еще не удавалось такой письменной защитой изменить решение правительства. В последнее время сделалось модой применять к коммунистам право административного усмотрения за „исполнение московской программы“ и объявлять их опасными для общественного порядка и спокойствия.

Применение упомянутых законов чаще всего происходит в опасные для индонезского капитализма моменты. Эти моменты обычно совпадают со всеобщей забастовкой. В

своих докладах юстиция в этих случаях высчитывает, сколько тот или другой вождь произносил на собрании слов, „сеющих ненависть“, и на свойственный ей лад расследует, имеется ли достаточно оснований подвергнуть его предварительному аресту. Затем правительство рассматривает поступившие от сыщиков доносы: достаточно ли в них содержится поводов для осуществления административного усмотрения. После этого наскоро стряпается своеобразное „письменное обвинение“, вслед за которым тотчас же производится и „экстернирование“—т.-е. высылка.

Если в Индонезии существуют два вида правосудия, один для европейцев, а другой для туземцев, то для осужденных там имеется и два вида тюрем. Европейцев запирают в европейскую тюрьму, а туземцев в местные тюрьмы. Между этими двумя видами тюрем существует такая же разница, как между жилищами европейских буржуа и хижинами индонезских пролетариев. Если европейские заключенные могут еще похвастаться пищей, приближающейся к человеческому питанию, то арестованные туземцы получают еду, которую европейский буржуа постеснялся бы дать своей собаке. Если арестанты-европейцы могут похвастаться тем, что получают камеру, хотя и очень маленькую, но все-таки с постелью, хотя бы и не мягкой, и пологом для защиты от малярийных комаров, то арестованные туземцы ничего этого не получают. В крохотной каморке запирается от десяти до двадцати человек, которых оставляют в жертву малярийным комарам и звериным актам, в роде гомосексуализма.

Для политических арестованных не делают никаких исключений. Правда, европейских арестованных сажают в европейскую тюрьму, но жизнь среди заключенных, посаженных за уголовные проступки, отсутствие умственного труда, утрата контакта с политическим движением на свободе плюс изнурительная тропическая жара превращают политических арестантов, вообще очень активных людей, в людей больных, изнервничавшихся. Туземным же революционерам приходится, кроме того, находиться в среде разращенных капитализмом людей, в которой они проводят и дни и ночи.

Народное образование.

Хотя общая тяга к западному просвещению стала обнаруживаться среди индонезского населения только после японско-русской войны 1905 г., народное образование по западному образцу введено было в Индонезии лет за двадцать до этой войны. Это было вызвано развитием современной промышленности. Индустрия так быстро развилась в последние пятьдесят лет, что метрополия не могла поставлять технических и административных сил и квалифицированных рабочих в числе, достаточном для удовлетворения нужды разнообразных отраслей промышленности. Эта потребность в квалифицированных рабочих силах вызвала на сцену пророков из среды голландской буржуазии и ее ученых, известных под названием „этиков“. Требование „свободного труда“ в противоположность принудительному труду соединяется с известным лозунгом „развития индонезцев при помощи западного просвещения“ и „братания Востока с Западом“. Это был вопль сильной развитой индустрии против монопольной системы правительства, ведущей свое происхождение со времен „Ост-Индской Компании“: дело в том, что эта система не могла уже приносить таких выгод, как в старину, когда техника еще не играла роли.

Индонезские „этики“ — это либеральные буржуа, которые с помощью красивых этико-политических лозунгов желают собрать вокруг себя широкие массы, необходимые для развития современной промышленности.

Эта задача „поднятия культурного уровня индонезцев при помощи западного просвещения“ представляется господам этикам в довольно туманном свете. Если бы они были сами индонезцами, а Индонезия была бы независимым государством, было бы легко последовать примеру Японии и пойти по пути, на который она стала полвека тому назад. Индонезцев посыпали бы в Европу или Америку, а в Индонезию посыпали бы европейских или американских преподавателей и техников, чтобы возможно скорее распространить необходимые познания. Но индонезцы не принадлежат к той же расе, что господа этики и, что еще хуже, уже два

столетия их угнетают, эксплуатируют, а часто и вырезывают. Поэтому возможно, что они используют западное просвещение как оружие, только для того, чтобы рано или поздно сбросить с себя иноземное иго.

Расовые различия, разница в культуре, языке, психологии, и кровавая история Индонезии—все это побудило господ этиков ограничить просвещение индонезского населения гомеопатическими дозами и вообще предоставить его только чиновничьему классу.

Промышленность, особенно после 1900 года, получила колоссальное развитие. Она все более требует квалифицированных рабочих для железных дорог, почты и телеграфа, для сахарной и других отраслей индустрии и для разнообразных торговых и банковских учреждений. Поэтому приходится все больше индонезцев привлекать в школы.

В последнее время усиление индустриальных потребностей сопряжено с ростом сознания необходимости просвещения, наблюдаемым во всех слоях индонезского населения. Успех японцев в войнах против феодального Китая и царской России для каждого восточного жителя явился самым убедительным доказательством ценности европейской науки, техники и организации. Для него ясно, что наука и техника не связаны ни с расой, ни с цветом кожи, ни с религией, в чем до сих пор пытались его убедить европейские империалисты. А вместе с таким сознанием растет и стремление развиваться в современном духе.

Кроме того, индонезцы поняли, что старой системе образования и старой письменности совершенно нет места в современном западном капиталистическом мире. Кто в молодости не учился в правительственные школах, тот осужден навсегда оставаться крестьянином или кулием. Для массы населения современное просвещение стало орудием сносного существования в капитализированном обществе. Вот причины, по которым просвещение сделалось всеобщей потребностью народа.

Этой потребности „этическое“ правительство далеко не в состоянии удовлетворить. Что бы вышло из „братания между Востоком и Западом“, если бы при теперешних классовых и национальных условиях все индонезцы умели читать и пи-

сать, и даже больше: если бы просвещение и разнообразные промышленные предприятия, которые целиком принадлежат теперь иностранным капиталистам, они могли использовать сами? Что было бы, если бы „современное просвещение“ создало больше интеллигентов и квалифицированных рабочих, чем это нужно колониальному капиталу?

Кроме того, если бы даже правительство было безукоризненно „этическим“ в своих действиях, оно не могло бы заставить буржуазию, рассматривающую индонезцев лишь как объект своей неутолимой жажды золота, дать необходимые деньги для его нравственных намерений.

Такова главная причина, по которой образование ограничивается высшим классом индонезцев, при чем самая система преподавания делается неудобоваримой для обыкновенного смертного благодаря языку (голландский) и другим трудностям.

Одно время этическое правительство надеялось найти исход в следующей системе:

I. Для детей высшего класса туземного общества создается голландская туземная школа (Г. Т. Ш.), в которой голландский язык является основным языком преподавания, при чем преподается и туземный язык. Эта Г. Т. Ш. примыкает к индонезским и голландским средним школам.

II. Для детей рабочих и им подобных имеются школы второго разряда, которые, таким образом, можно было бы назвать народными школами. Здесь не преподается голландский язык, и поступление в среднюю школу для дальнейшего обучения, таким образом, почти исключается.

III. Далее следуют школы для широких масс, главным образом, крестьян, которые почти совсем или вовсе не пользуются поддержкой от казны и возникли в последние годы. Здесь преподаются в умеренной дозе чтение и письмо, и курс равен всего трем годам.

Наконец, существуют еще средние школы в качестве подготовительной ступени к университету, технические средние школы и высшие школы и, наконец, высшие школы искусств и правоведения, которые, разумеется, могут посещать лишь очень немногие привилегированные индонезцы.

В какой степени правительство идет навстречу народной школе, видно из следующих цифр.

В 1908 г. еще совсем не было народных школ группы III, а в период с 1908 по 1916 г. их учреждено 5.000.

Школ группы II в 1916 г. существовало 1.750.

Для детей, которые должны посещать школу имеется место:

В Г. Т. Ш.	для 1%
в школах II группы	" 5%
в народных школах	" 8%
Итого:	14%

Около 86% детей совсем не имеют места в школах.

Расход на школы составил в 1914 г. всего 13.000.000 гульд., при чем $6\frac{1}{4}$ миллионов для европейских школ, а $6\frac{3}{4}$ для туземных.

В 1919 г. общий расход составил круглым числом 20 миллионов, при чем около $7\frac{1}{2}$ миллионов на европейскую школу и $12\frac{1}{2}$ миллионов на туземную школу.

Интересно сравнить расходы на детей европейской буржуазии, которых насчитывается около 170.000, и на детей почти 50-миллионного населения Индонезии. Сравним, кроме того, расход в $12\frac{1}{2}$ миллионов на образование индонезийских детей и расход на армию и флот, который в 1919 г. составил приблизительно 95,5 миллиона.

Таким образом, нужно найти еще место для 86% индонезийских детей, которые должны посещать школу. Бывший директор народного просвещения, господин Крейцберг, указал в 1918 г. на заседании Народного Совета, что для правильного устройства туземной школы второго класса (группа II) необходимо расходовать в год 417.000.000 гульд. Разумеется, на это нет денег. Напротив, расход на образование нужно сократить. Комиссия экономии должна была прежде всего съэкономить из 35 миллионов, ассигнованных на 1923 г. для образования европейцев и туземцев, 14,7 миллиона. Он этого не одобрил и предложил съэкономить от $6\frac{1}{2}$ до $5\frac{1}{2}$ миллионов. Против этой позорной меры протестовало все индонезийское население. Таким образом, правительство, оказывается, желает не увеличить число школ, но уменьшить их. Между

тем, уже решено в предстоящие годы тратить на армию и флот приблизительно 400 миллионов. Это, оказывается, необходимо для защиты Индонезии от нападения извне. Это звучит очень "этично", но индонезийские крестьяне и пролетарии теперь уже хорошо понимают, кто дает деньги на подводные лодки и аэропланы, и против кого они будут пущены в ход. Во всяком случае перечисленные факты являются блестящей иллюстрацией лицемерной "этики".

В июне 1921 г. семарангские коммунисты взяли на себя инициативу протesta против позорной экономии центрального правительства в деле народного образования. Они нашли моральную, политическую и экономическую поддержку у семарангских пролетариев, организованных в Сарекат-Исламе. Нужно было убедить народ в необходимости собственной школьной политики. Необходимо было побудить его к тому, чтобы он защищал свои школы со всей энергией от всяких попыток реакции мешать их открытию и работе.

Нам было не трудно убедить шесть тысяч организованных членов Сарекат-Ислама Семаранга в необходимости народных школ. Также не трудно было их убедить, что эти школы не должны служить исключительно для того, чтобы создавать "чернильных кулиев", избегающих контакта с индонезийскими массами. Необходимо, чтобы ученики постоянно находились в контакте с массами, а для этого они должны заниматься не только умственным трудом, но и физическим. Контакт с массами устанавливается скоро, потому что старшие ученики — от 13 до 16 лет — прошедшие правительенную школу 2-го разряда и не имеющие возможности продолжать образование, должны вести пропаганду среди пролетариев и просить у них финансовой помощи. Помощь эта оказывается в достаточной мере, и в короткое время были созданы необходимые школьные здания и учебный материал. В скором времени образовалась комиссия с участием членов Сарекат-Ислама, которой поручено вести пропаганду в других местах Индонезии.

Число учеников в Семарангской народной школе быстро дошло до 200. Революционный пролетариат со всех сторон стекался в Семаранг. Наши органы пропаганды провели необходимую кампанию по возможно более широкому озна-

комлению Индонезии с этой школой. Приблизительно за год к Семарангской народной школе примкнуло девять, других больших и малых местечек с общим числом в тысячу учеников. Преподавание повсюду должно быть одинаковым, и поэтому преподаватели также назначаются из Семаранга.

Школы образуют центральную организацию „Ф. Н. О.“ (Фонд Народного Образования). Каждое местное управление ежемесячно отправляет свой финансовый отчет, ученики вносят плату за учение в „Ф. Н. О.“. Путем энергичной пропаганды „Ф. Н. О.“ надеется получить поддержку от всех революционных пролетариев и националистов.

Преследуемая цель заключалась в том, чтобы непосредственно перейти к открытию средних ремесленных и технических школ, где ученики занимались бы настоящим ремеслом, и где они образовали бы кооперацию, управляемую самостоятельно. Крестьяне Сарекат-Ислама уже обещали нам подарить земельные участки, на которых ученики занимались бы сельским хозяйством. Когда средние школы будут открыты, дальнейшей целью является переход к учреждению высшей школы или университета. Подготовка учеников к их будущей роли организаторов и пропагандистов занимаются разнообразные союзы, связанные с нашей народной школой. Сюда относятся, например, Библиотечный Комитет, Комитет Опрятности (для поддержания в порядке школы), Спортивный Союз и другие союзы, в которых преподаются ораторское искусство и принципы организации. На каждом собрании коммунистической партии или Сарекат-Ислама присутствуют наши ученики, которые делают гимнастические упражнения, военное учение, поют „Интернационал“ или ведут пропаганду в пользу своих союзов среди членов Сарекат-Ислама. Что школы стали популярны, доказывает поддержка, которая нам оказывается со всех сторон, и быстрый рост числа школ. Эта популярность уже вызвала подозрения правительства. Оно ведет слежку за преподавателями школ при помощи бесчисленных сыщиков. Оно запретило пропаганду финансовой помощи, оно запретило Сарекат-Исламу устраивать благотворительные базары, чтобы полученные от них барыши обращать на расширение народной школы. Короче говоря, оно пыталось всеми спосо-

бами парализовать успехи коммунистов в области школьной политики. Покуда оно успело достигнуть лишь обратных результатов. В 1922 г. отовсюду раздался ряд энергичных протестов против правительства и его отношения к нашим народным школам. Это оно могло предвидеть. Кроме того, мы уже говорили, что образование стало общенародной потребностью. Народ теперь видит, что центральное правительство не в состоянии утолить его жажды знания; он видит, как коммунисты без финансовой поддержки правительства в очень короткий срок и в трудных обстоятельствах сумели организовать столько школ. Правительство все больше будет толкать революционный народ в коммунистический лагерь, куда он в Индонезии и идет в действительности. Где угнетают народную школу, там возрождается Сарекат-Ислам, замерший было в последние годы, и там этот возрожденный Сарекат-Ислам примыкает в качестве отдела к семарангскому, т.е. коммунистическому Сарекат-Исламу. Так уже случилось в Бандунге, Сукабуме, Сумеданге, Мадиуне, Нганьюке и т. д., и т. д. Если коммунисты энергично будут продолжать свою школьную политику и одновременно возьмутся за реорганизацию отделений мертвого Сарекат-Ислама, он поймет, что в такой колонии, как Индонезия, где имеется всего 2% грамотных, политическая работа и распространение просвещения являются самой реальной, самой целесообразной и важной революционной работой.

Положение туземного населения.

Прежде чем ознакомиться с политическим движением в Индонезии, небесполезно будет дать общую картину того состояния, в каком находились индонезцы перед возникновением среди них серьезного политического движения.

Чтобы получить хоть некоторое представление о способах и пределах угнетения и эксплуатации, в которой прямо или косвенно живет около 25 миллионов яванского населения, достаточно вспомнить мнение сахарной анкетной комиссии и жалобы индонезских представителей на истощение почвы и населения.

Мы уже видели, как „Ост-Индская Компания“ тотчас по своему выступлению на сцену монополизовала как береговые, так и заморские судоходства и нанесла тем самым смертельный удар индонезскому судоходству и строительной индустрии. Мы знаем также, как затем различные отрасли яванской мелкой и средней промышленности, в особенности же „индустрия батики“, постепенно оказались вытесненными европейскими фабричными изделиями.

Не нужно забывать, что Индонезия прежде всего земельная страна, а яванец раньше всего — крестьянин. Но как обстоит дело с его землей? Послушаем на этот счет господ „этиков“, дающих исход своему этическому негодованию в своих кабинетах и в „культурной форме“, от того не менее правдивой. Один из известных „этиков“ в области права — профессор фан-Фолленгофен, написал бесчисленное множество брошюр, относящихся к Индонезии и проникнутых большим уважением к голландскому интеллигенту.

В брошюрке „Индонезец и его земля“ фан-Фолленгофен говорит: „Не стоит раскапывать старых историй, не стоит говорить о первых шестидесяти годах прошлого века. Каждый хорошо знает, что можно сказать об этих десятилетиях: „Яванца третировали, угнетали“. Но никто не представляет себе, в какую форму вылился и какие безграничные размеры принял этот гнет в землевладении. А чтобы узнать это, совсем не нужно читать революционных сочинений о „нидерландском тиране“ и брошюрок „мятежников“ и „сектарей ненависти“. Достаточно взять в руки отчет самого правительства.

„Вторжение Дандельса, как оно ни было зловредно, явилось исключением. Он „самодержавно распоряжался рисовыми полями, которыми награждал всевозможных туземных чиновников“ (стр. 11—12). Если злодеяния таких чудовищ, как Дандельс, еще можно считать „исключениями“, то как же квалифицировать действия нынешнего христианского правительства, особенно если не быть так „этично“ настроенным, как профессор фан-Фолленгофен?

Далее фан-Фолленгофен, говоря об аграрном произволе пишет следующее:

„Сравните это с системой яванских князей, аграрный произвол которых, — почти такой же вредный, как у нас, — по крайней мере ограничивался основной территорией их владений, нынешними областями Кеду, Дьюкъякарта и Суракарта, тогда как мы распространяем его на все острова!“ (стр. 16).

Чтобы уяснить себе размеры правительственного произвола, следует вспомнить, что яванские князья орудовали только в трех областях, остальные десять областей были постепенно захвачены голландским империализмом. Эти три области должны были доставлять все нужное развращенным сластолюбивым бездельникам, которые называются князьями и царедворцами. (У каждого из князей Суракарты и Дьюкъякарты имеется еще пара тысяч наложниц). И когда фан-Фолленгофен говорит, что произвол этих княжеских нахлебников „почти так же вреден, как наш“, — т.-е. христианско-этического правительства фан-Фолленгофена — то этим самым он говорит, что „этические прихлебатели“ гораздо жаднее „княжеских“.

„... Деревенские заправилы отнимают участок лучшего качества у людей, которым они взамен отдают свой худший“; это уже „грубый произвол“ (стр. 17).

Грубый произвол! — негодующе восклицает фан-Фолленгофен; а между тем, деревенские воротилы — маленькие вампиры по сравнению с этическими и княжескими.

„Чего же теперь можно ожидать?“ восклицает дальше профессор. „Того, чтобы мы постепенно уничтожили плутни с пахотными полями в пользу земельной ренты? — Это сделано. Чтобы постепенно уничтожили распоряжение полями в смысле принудительного навязывания культур? — Это сделано. Чтобы мы смягчили и уничтожили вредное влияние обязательной службы за владение землей? — Сделано. А дальше — перестали бы вмешиваться в земельные отношения. — Это последнее не сделано!“ (стр. 20).

Нет, профессор, ибо крупная индустрия, по отношению к которой правительство является только орудием, нуждается в крупном землевладении! Вы, как ученый правовед, напрасно ищете причин в „превратных толкованиях“ или в превратном установлении индонезского адатного права и в

других ученых терминах, пускается в объяснение древних индонезских прав и законов, которые нисколько не стесняли колониальных угнетателей и теперь не стесняют, и тратите свои силы на формулирование новых регламентов и т. п.

„Когда в 1912 г. яванец, серьезно обиженный в своем землевладении и понесший на нем больше тысячи гульденов убытку, обращается к контролеру за правосудием, его за это одно наказывают восемью днями принудительных работ; когда он обращается к председателю местного совета, тот отклоняет его жалобу, ссылаясь на отсутствие у него времени; когда же он, наконец, обращается к губернатору—от этого вовсе не получает ответа“. (Стр. 26).

Нередко случается, что рядом с обширными участками, которые правительство желает отдать под промышленные культуры, находятся индонезские пахотные поля, так называемые „клини“¹. Согласно закону, существует простой способ поглощения их, применяемый, правда, в редких случаях—отчуждение королевским указом. На практике же такого туземца стараются „убедить“ отказаться от своего участка за плату“. (Стр. 26).

Да, такова практика. „Культурные предприниматели“ совершенно не считаются с существующими законами—ни индонезскими, ни правительственные. Профессор фан-Фолленгофен справедливо говорит, далее:

„Но—и это здесь, повидимому, главное—индонезский землевладелец не может не чувствовать, что его гарантированные на бумаге основные права на каждом шагу нарушаются, искажаются и попираются; что ни на минуту не прекращаются попытки лишить его этих прав или сделать невозможным их осуществление“. (Стр. 28).

Покуда земельный голод капиталистов не будет утолен, покуда промышленность будет расширяться, до тех пор никакие законы и никакие профессора, как бы учены и этичны они ни были, не смогут защитить населения от капиталистического предпринимателя.

Мы могли бы привести еще другие свидетельства фан-Фолленгофена, который дальше говорит о фокусничании с землею при помощи так называемых редакционных исправлений соответствующих статей закона—„приведение в дей-

ствие самочинного закона, т.-е. закона хищения, но только выраженного в прикрытой форме“ (см. на этот счет стр. 81); о восстаниях на Суматре и Борнео, вызванных хищением земли и т. д., и т. п. Но уже и так достаточно ясно, насколько беспрепятственно за время трехсотлетнего господства европейцев совершался грабеж земли, труда и жизни индонезцев.

Мы уже раньше говорили о захвате империалистами важнейших доходов индонезского народа, о соли и лесах. Интересны цифры налогов, которые приходится платить истощенному индонезскому народу. Газета „Трибуна“ (орган Коммунистической Партии Голландии) опубликовала 4 мая 1923 года индонезский бюджет на финансовый 1923 г. Общая сумма расходов составила 806.941.000 гульд. Из них на индонезские долги приходится 88.304.000 гульд., на армию 83.269.000 и на флот 53.939.000 гульд. Всего, таким образом, на армию и флот 137.208.000 гульд., т.-е. 17% бюджета. На народное просвещение и культуры приходится всего 60.854.000 гульд. Из них на обучение (европейских и индонезских детей) 38.834.000 гульд. Только на туземных детей—17.723.000 гульд., а на гражданское медицинское ведомство 17.485.000 гульд. Если мы сопоставим между собой эти цифры, то увидим: армия и флот—137.208.000 гульд., народное образование—38.834.000 гульд. и здравоохранение—17.485.000 гульд. Таким образом, мы получим 17% на армию и флот, 4,8% на просветительные цели (это этичное правительство всегда занято насаждением просвещения среди индонезцев), а на цели здравоохранения, куда входит и подготовка туземных врачей, ровно 2%. Цифра в 17.723.000 гульд., которая экономии ради будет еще сильно понижена,—и выражает, должно быть, любовь этичного и христианского правительства к индонезскому населению. Доход же его таков: монополия опiumа дает 4.650.000 гульд., казенные ломбарды—13.777.000 гульд., вывозные пошлины—60.000.000 гульд., акциз на нефть—10.000.000 гульд., акциз на спички—13.200.000 гульд., с убоя скота—5.200.000 гульд., подушная подать—10.897.000 гульд., оброки—2.342.000 гульд., земельная рента—27.000.000 гульд., земельная аренда в Бали и Ломбоке и с рыбных прудов—

39.000.000 гульд., соляная монополия—20.642.000 гульд., Чистый доход от ломбардов составит 8.100.006 гульд., на ближайшие два года предполагается получить 9.500.000 гульд. и 10.300.000 гульд. Это прямой налог на бедность. Бедное население, стесненное в деньгах, приносит все свое добро в казенный ломбарт, ежегодно дающий, таким образом, кругленький доходец. Далее „Трибуна“ пишет о налоге на соль: „Этот налог на один из предметов первой необходимости, который потребляется одинаково богачами и бедняками—безнравственный налог, особенно в стране, где соль представляет собой товар, который остается брать руками. Интересно, в какой степени на потреблении соли может отразиться этот налог,—другими словами, насколько недостаток ее вредит народному здравию. Потребление соли в Нидерландах составило в 1915 г. 16 кггр. на душу в год. В Индонезии же в 1901 г.—2,58 кггр., в 1902 г.—2,52 кггр., в 1903 г.—2,34 кггр. Если принять содержание соли во ввозимой рыбе в 1,96 кггр. на душу, то в среднем получится около 4 кггр. В результате оказывается, что население Индонезии потребляет $\frac{1}{4}$ количества, потребляемого в Нидерландах. Можно признать несомненным, что такое слабое потребление соли весьма вредно отражается на народном здравии. В свое время министр Спренгер фан-Эйг следующим образом высказался о налоге на соль: „Из потребления соли можно, ведь, сделать только тот вывод, что человек желает поддержать свою жизнь; и находить в этом повод к взиманию платы было бы очень странно, было бы равносильно взиманию подушной подати в обществе с большим разнообразием материальных обстоятельств, подати, которая взимается со всех без различия, даже с наиболее нуждающихся, с детей и т. д.“. Обложение нищеты, обложение предметов первой необходимости и разстрата денег на армию и флот—вот особенности капиталистического колониального режима.

Несмотря на тяжелые налоги, под гнетом которых стонет яванский крестьянин, правительство намерено еще повысить земельную ренту.

Послушаем же, что говорит яванец в либеральной газете „Локомотив“:

„В той земле, где я находился, „тани“ владеет в среднем:

савах в 1 був	40 глад.
тегал $\frac{1}{4}$ "	10 "
карас $\frac{1}{2}$ "	15 "

(Это еще зажиточная земля).

Из урожая саваха свыше необходимого для пропитания ему не остается ничего. Если принять расход на тегал в 2,5 глад., то его чистый доход составляет 22,5 глад. После этого является фиск и заставляет платить.

Земельной ренты: с саваха—3 глад., с тегала—0,50 глад., с караса—0,50, а всего 4 глад.; подушной подати—2,20 глад. итого—6,20 глад. При этом еще барщинная работа в земле (10 дней) и пантъен (12 дней неоплачиваемой работы для луры), от которой он может откупиться одним гульденом. Таким образом, средний хозяин уплачивает налогов 7,20 глад., при чистом годовом доходе в 20,5 глад. Женщины и старики должны также уплачивать подушную подать, если хоть в малейшей степени могут это сделать. Если будет установлено, что на их участке имеется до 7 кокосовых, пизанговых или других плодовых деревьев, они безоговорочно должны платить 2,2 глад. налога“.

Что касается общего годового дохода яванца, то фан-Девентер исчисляет его в своем „Обзоре экономического положения туземного населения Явы и Мадуры“ в 80—100 глад., при чем 20% он еще снимает на всевозможные налоги. Таково было положение дел при возникновении рабочего движения. Едва ли нужно говорить, что указанная сумма далеко ниже прожиточного минимума. И даже на тот доход, который г. Юкес в „Опбай“ („Строительство“) исчисляет в 196 глад. на каждого индонезца в год, при чем 7% снимается на налоги, при существующей дороговизне едва ли можно просуществовать. Как может прожить семейство с доходом в 15 глад., когда один только набор платья стоит 15 глад.!

Правительство считает этот ежегодный доход еще недостаточно низким; не довольствуясь выколачиванием земельной ренты, оно заставляет еще бедного крестьянина платить за воду, необходимую для орошения его рисовых полей,

потому что эту воду он получает из правительственныех ирригационных каналов.

Легко понять, что недоедающие и почти лишенные крова яванцы — целые тысячи их спят под открытым небом—должны страдать от таких эпидемий, как малярия, холера и чума. Тиллема, известный поборник здравоохранения индонезцев, с непреложностью доказал в своих статьях на основании фактов, какие огромные жертвы яванское население приносит благодаря своей полной медицинской беззащитности. Только из 35 миллионов яванского населения — стало быть, не считая яванских провинций—в 1917 г. умерло 20,2 чел. на тысячу, а в 1918 г. 36,5 чел. на тысячу.

Проект Тиллемы о принятии санитарных мер к охране туземного населения был недавно отвергнут правительством. Правительство переходит теперь к экономии даже на санитарном бюджете.

Мы уже говорили о правосудии для туземцев и о проповеди их. Теперь мы дадим понятие о количестве неимущих и о размерах имущества яванского крестьянина.

У нас не имеется статистических данных о точном числе рабочих, занятых в Индонезии на всех предприятиях. По всей вероятности, правительство до сих пор такой статистики не издавало.

В ответной мемории (Отдел 34 А. Первая ординарная сессия Народного Совета 1919 года) уполномоченный правительства говорил: „За отсутствием денежного статистического материала невозможно получить представление о числе индонезцев, являющихся наемными рабочими. Народному Совету приходится опираться на выводы Малой анкетной комиссии по народному благосостоянию, которая показывает, что в 1905 г. из 9.482.712 лиц, занимавшихся промыслами, 6.728.231 (т. е. 71%) были заняты сельским хозяйством. Исключительно сельским хозяйством (т.-е. без побочных промыслов) занимались 5.607.437 душ, или 59%. Число владельцев пахотной земли составило 3.687.564, или 39% из 6.523.814 человек, которые в это время занимались промыслами на Яве и Мадуре (не считая контрольного отде-

ления Бодьонегоро и Рембанг), землевладельцев было 3.397.679, или 52%.

Результаты упомянутой анкеты показывают, что на Яве и Мадуре, за исключением земель, принадлежащих князьям, было 5.333.966 домохозяев, из которых 54% владело землей.

По данным директора департамента сельского хозяйства, этот процент после 1905 г., всего вероятней, уменьшился, так что теперь можно считать, что половина домохозяев принадлежит к сословию землевладельцев, которые, однако, не все обладают правом свободного распоряжения своими землями, взимания налога, сдачи в наем и т. д.

Кроме того, согласно ответной мемории, у индонезца слишком мало земли для того, чтобы она одна могла прокормить его. По приблизительной оценке 40% землевладельцев, за исключением княжеских земель, обладают площадью меньше чем в $\frac{3}{4}$ боува. Между тем, именно мелкие землевладельцы первые сдают в наем свою землю, или берут задаток под урожай. Согласно вычислениям аграрной инспекции около 20% населения Явы живет, при посредстве главы семейства, исключительно от собственной земли (доклад анкетной сахарной комиссии 1921 г., стр. 97); далее: „Таким образом, согласно сказанному, вывод получается тот, что вся эта половина яванских домохозяев принадлежит к сословию землевладельцев, а остальные добывают пропитание от собственной или туземной промышленности и торговли“. (Стр. 99).

При таком колоссальном количестве пролетариев, фабричных рабочих, бедных крестьян и сельских батраков, состояние туземной промышленности представляется в следующем виде: „По всей Нидерландской Индии в 1919 г. функционировало только 577 туземных промышленных предприятий с числом более 5 наемных рабочих“ (доклад сахарной анкетной комиссии, стр. 287).

О современной крупной промышленности, управляемой самими индонезцами, едва ли может идти речь; так что мы можем сказать, что при населении почти в 50 миллионов в Индонезии отсутствует туземный капитал.

Политическое движение.

Хотя при быстром промышленном развитии Индонезии материальные предпосылки движения имелись уже в начале этого века, должно было пройти несколько лет, прежде чем оно могло начаться. Мы имеем в виду националистическое, рабочее и коммунистическое движение. Нужен был только толчок извне, чтобы встряхнуть, как следует, индонезийский народ. Этот толчок был дан Японией. Своей успешной борьбой против царистской России Япония показала Азии и всему остальному миру, что наука и техника не являются монополией белой расы или христианской религии, как это пытались доказать порабощенным миллионам колониальных стран западные империалисты. В пассивных дотоле миллионах населения Востока началось движение, вызванное Японией. Вначале оно было по своему характеру интеллигентским. Масса не читала и не читает, и не могла бы самостоятельно найти прямой путь к национальной свободе. Интеллигенты же в силу своего происхождения и воспитания также не понимали, что они должны пойти в массы, чтобы добиться национальной свободы. Так обстояло дело, например, с Буди-Утомо. Так, в значительной мере, было и с Национальной Индийской Партией. Только Сарекат-Ислам начал настоящее народное движение и продолжал его. Позднее началось движение в собственном смысле, уже более соответствующее экономическим условиям Индонезии; сильное влияние оказала на него русская пролетарская революция — коммунистическое и рабочее движение. От интеллигентского движения Буди-Утомо и до настоящего движения с его сильным коммунистическим характером должен был пройти период в 15 лет. Мы постараемся осветить этот период на примере партий, которые играли в нем более или менее видную роль.

Буди-Утомо.

Этот союз был основан в 1908 г. в Батавии учениками медицинской школы и в настоящее время насчитывает около десяти тысяч членов. Название, означающее: "высокая цель",

уже говорит о смысле этого движения, а именно, о "стремлении к духовному развитию и постепенному освобождению индонезцев, в виду чего необходимо добиться сочувствия правительства к реформам и разумного управления". Это главное, конечно, о чем говорят ораторы Буди-Утомо на своих собраниях и в Народном Совете. Само собой разумеется, что эти слова не отражают мнения давно и тяжко угнетаемого и эксплуатируемого народа. Из рядов Буди-Утомо, правда, выдвинулось несколько политических литераторов, довольно сентиментальных, но это была не та сила, которой суждено было привести массы в движение и руководить ими.

Буди-Утомо был безобидный союз. Вторая палата (парламента) в Голландии следующим образом выразила в 1908 г. свою любовь к "высокой цели": "Этот союз яванцев принесет много добра и станет зародышем, из которого когда-нибудь вырастет самоуправление для этой страны". Относительно того, когда и как это будет, голландский парламент согласен с Буди-Утомо, т.-е., короче говоря: ждать, что сделает правительство.

Уже первый съезд Буди-Утомо в Дьюкье попал в руки консервативных элементов из среды чиновничего мира. В течение ряда лет Буди-Утомо действительно представлял собой чисто чиновничий союз, надежнейшую опору правительства. Народный Совет фан-Лимбург-Стирума уже был для него апогеем доброжелательства властей, и поэтому он поддерживал движение за "обороносспособность Индии" (во время великой мировой войны голландские империалисты хотели привлечь как можно больше индонезцев в армию для защиты Индонезии. Эта вербовочная пропаганда носила название: "Обороносспособность Индии").

Слабость Буди-Утомо была причиной того, что многие из среды радикальной молодежи покинули этот союз и перешли в революционные союзы, как "Национальная Индийская Партия", Сарекат-Ислам и коммунистическая партия. Этот исход будет продолжаться, если правление союза не изменит своего характера. Молодежь, состоящая в рядах Буди-Утомо, постепенно начинает понимать, что необходимо поддерживать массы в их экономической борьбе. В феврале

1922 г. молодые члены этого союза поддерживали всеобщую забастовку рабочих казенных ломбардов. Эта поддержка поставила Буди-Утомо в совершенно новую позицию по отношению к правительству. Как союз чиновников, он пошел против своих работодателей. И хотя, вообще говоря, поддержка, оказываемая Буди-Утомо рабочим, до сих пор почти сводилась к нулю, для индонезского правительства это было достаточной причиной рассматривать Буди-Утомо, как революционную организацию, покинувшую свой прежний флаг лояльности. И так как Буди-Утомо помогает "Радикальной Концентрации", а в марте этого года даже послал представителей на коммунистический съезд в Бандунге—то, конечно, кокетничанье правительства с Буди-Утомо совершенно прекратилось. Вожди, в роде слабого и до мозга костей реформиста Двидьо Севойо, и его приверженцы того же типа с каждым днем теряют почву под ногами. Резкие классовые противоречия с течением времени все более и более будут гнать членов союза Буди-Утомо на революционный путь, если они действительно хотят достигнуть "высокой цели".

Национальная Индийская Партия (Н. И. П.).

Гораздо отчетливее и сильнее выявила себя с самого начала Н. И. П. Она была основана в 1912 г. Даусом Деккером. Первоначально эта организация называлась "Индийской Партией". Целью ее является: "Свободная Индонезия для свободных индонезцев". Тем самым Н. И. П. вступает на революционный путь. Генерал-губернатор Иденбург отказался утвердить представленный ему устав. Позднее этот самый генерал-губернатор заявил, что Нидерланды никогда не потерпят свободной Индонезии.

Н. И. П. выросла из лона индо-европейцев. Эти индо-европейцы составляют особый класс в индонезском обществе. Своим "юридическим статутом" они связаны с европейцами, но чувствуют, что "чистокровные" европейцы пренебрегают ими и презирают их. И хотя с материнской стороны они родственны индонезцам, но им не улыбается находиться в одинаковом положении с индонезскими крестьянами и пролетариями.

Полемика прессы Н. И. П. в ее борьбе с чистокровными европейцами отмечает, главным образом, эту "униженность". Впрочем, выставляется весьма туманное требование, чтобы земля принадлежала не одним только чистокровным туземцам. Таким образом, они желают быть поставленными на одну доску с туземцами в отношении владения землею, но не хотят быть причислены к индонезским крестьянам. Гораздо более смелым представляется требование одинаковых прав по службе и одинаковых окладов с чистокровными европейцами на различных постах индонезской бюрократии. Это голос мелких буржуа, которые составляли и составляют главные кадры Н. И. П. Так как число индо-европейцев по сравнению с чистокровными индонезцами совершенно ничтожно, и едва ли можно говорить об индонезском пролетариате, то Н. И. П. не является партией массового движения. Индонезские крестьяне и пролетарии сдержанно относятся к Н. И. П. Не меняет дела и то обстоятельство, что два известных индонезских деятеля, Суварди и Тьипто, вошли в Н. И. П. Правда, этому примеру последовало немало интеллигентов, но подлинные массы крестьян и рабочих видели и видят в Н. И. П. только союз ловких "туанов" (бар) и равноправных им.

И когда в 1920 г. Даус Деккер, Мисбах и Тьипто подняли в резидентствах Соло и Дьюкье движение недсвольных крестьян против своих феодальных владык и против правительства,—движение, приведшее к аресту и высылке названных вождей, то это с их стороны было не совсем искренним делом. На ряду с забастовками массовое действие столь же мало является популярным приемом нынешних чистокровных членов Н. И. П. Их деятельность ограничивается исключительно Народным Советом и общественными советами и сантиментальной полемикой о "восточной душе и чувствительности" в противовес "высокомерию и грубости" "чистокровных". Пестрый состав Н. И. П.—причина того, что она никогда не могла перейти к решительным действиям. По этой же причине такой человек, как Суварди, фактически уже несколько лет как устранился от политического движения и посвятил себя исключительно народному образованию, пользы которого, разумеется, невозможно отрицать, а

такой человек, как Тьипто, также предался пассивности, а Даус Деккер, этот духовный отец Н. И. П., в настоящее время обивает пороги правительства, чтобы получить место учителя—того самого правительства, которое выслало его десять лет тому назад, и которому он „объявил войну“ своим уставом (при учреждении Н. И. П. в Бандунге).

Многие из этих колеблющихся элементов Н. И. П.—а мелкие буржуа всегда таковы—вошли в контакт с реакционным подручным сахарного капитала „П. Э. С.“ (Политико-Экономический Союз) во время обострившейся рабочей борьбы в Индонезии. Они откололись от Н. И. П. и образовали новый союз—„Индо-Европейский Союз“, который примкнул к П. Э. С.

Но не все стали на путь пассивности или реакции. Упомянутый выше вождь Хаджи-Мисбах, который был осужден на два года за свое известное участие в событиях в Соло, на последнем коммунистическом съезде в Бандунге перешел на сторону коммунистов.

Таким образом, деятельность Н. И. П.—в 1920 г. число ее членов определялось в 72.000—существенно не выходит за пределы невинной парламентской деятельности. Правда, этот союз начинает оживать, принимая участие в движении, вызванном в Индонезии понижением заработной платы, которое поражает многих членов этого союза, как правительственные чиновников. Они примкнули к „Радикальной Концентрации“,—но массовой партии они собой не представляют. Массовой партией этот союз не может сделаться—разве только в том случае, если бы энергия революционной индонезской буржуазии была в состоянии привлечь к себе массы во время борьбы против иностранного капитала. И если Н. И. П. пожелает теперь перейти в массы—т.е. при существующих экономических и расовых различиях организовать эту массу и повести ее против капитала,—она фактически попадет в лоно коммунистов, которые уже в течение восьми лет идут по этому пути. Это единственный путь для истинных революционеров, если они захотят завоевать свою „свободу для Индонезии и индонезцев“, что ставит себе целью Н. И. П. Иначе они обречены на нацио-

налистическое фразерство, бездействие и контр-революцию подобно „Индо-Европейскому Союзу“.

Сарекат-Ислам.

О настоящем массовом движении речь может идти только с момента выступления на сцену Сарекат-Ислама (С. И.) Первоначально он назывался Сарекат-Дагенг-Ислам (Союз исламитских торговцев), его основал в Соло Хаджи-Самангуди. Это название скоро было переделано в Сарекат-Ислам (Союз исламитов). Это преобразование союза было очень бурным, совершилось одновременно с беспорядками, направленными против китайцев (в руках которых находится мелкая, средняя и отчасти крупная торговля на Яве),—вероятно, под влиянием яванских торговцев. Эти беспорядки были причиной того, что правительство запретило Сарекат-Ислам, но после продолжительного расследования дела вновь разрешило ему существовать.

Руководство движением скоро перешло в руки Тьокро-Аминото, интеллигентного яванца, который раньше был членом Буди-Утомо. Он сумел придать слову „Ислам“ волшебную силу, сумел напомнить массам древние обиды Ислама и подчинить их своему руководству. Его несомненный ораторский талант в короткое время собрал всех недовольных Индонезского Архипелага под знамя Сарекат-Ислама. Число членов этого союза во время мартовского съезда в Дьюкье исчислялось в полмиллиона, между тем как от четырех до пяти миллионов исламитов во всей Индонезии бесспорно симпатизировали Сарекат-Исламу. Сарекат-Ислам, без сомнения, был массовым движением.

В марте 1913 г. депутация центрального правительства С. И. была принята генерал-губернатором. Правительство обещало утвердить устав, если он будет удовлетворять заранее поставленным условиям организации и финансового управления. Через три месяца на просьбу об утверждении устава последовал отказ. Правда, правительство утвердило местный союз, но запретило при этом центральное правительство.

С. И. знаменовал собой самопроизвольное пробуждение долго угнетаемого народа. Этот союз не состоял из одно-

родных элементов. В него входили представители индонезского среднего класса и много интеллигентов, мелких торговцев, бедных крестьян, полупролетариев и индустриальных рабочих, в сердцах которых было стремление к национальному и социальному освобождению. Вождь Тьюокро-Аминото не сумел претворить это стремление в сознательную волю.

Он не понимал классовых и расовых условий Индонезии и поддался влиянию различных групп С. И., не сумев привлечь их на сторону индонезской деловой программы и руководиться ею. Он не имел ни малейшего понятия об организации. С самого же начала замечалось отсутствие дисциплины и централизации сил. Не существовало контроля над отделениями, не было единства в пропаганде. Каждый пропагандист действовал так, как находил нужным. В области финансового управления не было никакой системы. Единственной системой была система растраты денег. Почти каждую неделю появлялось известие, что тот или иной из местных лидеров бежал с кассой. С. И. сдался прибывающим продажным и бессовестным элементам, которые злоупотребляли доверием тысяч людей. Таким образом, С. И. столь же мало был партией, как „авангардом“ революционных масс. Он был местом собрания торговцев, которые желали использовать массу для торговых барышей, и авантюристов, желавших использовать массу для личных и материальных выгод. Короче говоря, с самого начала он не имел ни программы, ни организации, ни определенной тактики.

Тем не менее, С. И. принес известную пользу и был необходимым этапом развития революционного движения. В массе нужно было первым делом пробудить революционное сознание посредством опыта. Без опыта теория революционной борьбы остается бесплодной (этим мы не хотим сказать, что опыт всегда должен быть печальным). Движение С. И., как дорого оплаченный урок, является предвестником лучших дней, а опыт—залогом лучшего будущего.

Вначале наибольшим влиянием в С. И. пользовались торговцы. Они объявили бойкот китайским торговцам и при помощи членов С. И. перешли к образованию многочислен-

ных кооперативов. Но все эти кооперативы постыднейшим образом провалились. Китайцы, повидимому, были крепче организованы в финансовом отношении. Кроме того, они обладали гораздо большими знаниями и опытом в торговых дела. Не малую роль сыграли и продажные руководители кооперативов С. И. И если бы они даже были честными, у них не было достаточного опыта, знания и силы, чтобы выдержать конкуренцию китайцев и европейцев.

Одновременно наступил период сопротивления произволу деспотов. Яванский крестьянин теперь знать ничего не желает о „дъонгкоке“ (приседание на корточки, когда мимо проходит правительственный чиновник). Извозчик и рабочий платят европейцу той же монетой, когда тот пытается ударить их, что до последнего времени часто практиковалось. Повсюду в деревнях, на фабриках и в мастерских начинается сопротивление произволу. Таким образом, С. И. стал также выражением повысившейся сознательности индонезского населения.

Под впечатлением частых беспорядков и всеобщего сопротивления произволу и обидам, под руководством С. И., индонезское правительство рекомендовало своим чиновникам „занять благожелательную позицию в отношении туземного населения“. Кроме того, определено требуется, чтобы власти в своих выступлениях больше считались с „переменою во взглядах, обнаружившейся в особенности среди развитой молодежи туземного населения“. При назначении управителя (высшая туземная должность) впредь надлежит сообразоваться, помимо закона о наследовании, также с дарованиями кандидатов.

Между тем, правительство зорко следило за С. И. и не замедлило отнести местные эксцессы на счет С. И. Так было, например, с „делом Кудуса“, когда между японскими и китайскими купцами произошло столкновение, кончившееся убийством; с „делом Толи-Толи“, когда население убило представителя правительства; с „делом о восстании в Дьямбе“, где были расстреляны дьямбские крестьяне за то, что в 1916 г. они воспротивились непомерно тяжелым налогам и барщине; наконец, с „делом об отделении „В“ (тайный союз, обвиненный в заговоре против правительства),

после которого несколько вождей С. И. были приговорены к шести- и семилетнему заключению. Эти эксцессы бесспорно принесли много вреда движению С. И.

С 1916 г. С. И., под влиянием коммунистов, начинает все больше переходить к актуальной политике и к экономическому действию. Во время рисового голода 1917 г. С. И. потребовал от правительства сокращения посевной площади сахарного тростника, чтобы засеять освободившуюся площадь рисом. В сотрудничестве с коммунистами он организовал различные профсоюзы, чтобы с большей энергией вести экономическую борьбу. Главным образом под влиянием С. И. правительство—пускай формально—решило признать право союзов и собраний. В 1917 г. был учрежден Народный Совет, улучшена юстиция и уничтожен последний остаток принудительных засевов. Разумеется, все эти реформочки в сущности ничего не означали, но это был „жест“ индонезского правительства во дни С. И. Эта новая позиция правительства явилась полной противоположностью предшествующей политике насилия.

Влияние коммунистов постепенно сделалось слишком обременительным для С. И. Коммунисты должны были выступить из С. И. Повод к этому был найден в критике финансового управления, которую коммунист Дарсон направил против председателя С. И. Тьюкро-Аминото. Дарсон указал на недочеты в финансовом управлении, которые явились одной из причин бессилия С. И. На эту критику ему впоследствии ответили „партийной дисциплиной“, которая была введена на сентябрьском съезде 1921 г., и благодаря которому коммунисты были изгнаны из С. И.

Тринадцать отделений, между прочим город Семаранг, пошли за коммунистами. Это повело к ослаблению центрального управления С. И., ибо коммунистические отделения образовали наилучшие кадры пропагандистов и были лучшими организаторами.

В течение года слишком коммунисты пытались восстановить единый фронт с С. И., в виду чего они и не приступали к созданию нового центра для исключенных отделений С. И. Но все их усилия оказались тщетными. На последнем съезде в Мадиуне, в феврале 1923 г., опять, был поднят

Прощание высланного Малакки с семарангским пролетариатом в апреле 1922 г.

вопрос об отмене „партийной дисциплины“. С помощью полиции и провокаторов Тьюкро удалось зажать рот коммунистическим ораторам. Путем всевозможных хитростей и низостей ему удалось, таким образом, отстоять „партийную дисциплину“.

Но это была мнимая победа, ибо после того, как „партийная дисциплина“ была утверждена, большая половина членов союза покинула его. Тогда Тьюкро переименовал С. И. в „Партию С. И.“.

Теперь нет и следа революционности. Даже революционных фраз не слышно больше. Всю свою „дисциплину“ Тьюкро употребил на усиление религиозного культа. На февральском съезде он предложил, совместно с „Радикальной Концентрацией“, продолжать „бойкот“ Народного Совета“ за то, что генерал-губернатор не назначил его, Тьюкро Аминото, членом этого собрания на 1924 г. Эта двусмысленная позиция вызвала большое негодование в коммунистической и националистической прессе. Тьюкро даже не погнушался открыто сотрудничать на съезде с табачным капиталистом Отто Ландером. Этот капиталист, обладающий на Восточной Яве крупными предприятиями, будет выступать пионером крестьянской промышленности на специально созываемом Тьюкро крестьянском съезде. Вот до чего дошел Тьюкро в своем оппортунизме! Мы можем сказать, что недалеко то время, когда Тьюкро, подобно многим членам Н. И. П., перейдет либо к „пассивности“, либо в контр-революционный лагерь П. Э. С. (Политико-Экономического Союза).

Из сказанного ясно, в какую сторону будет ориентироваться масса пролетариев и крестьян, и куда она уже в значительной степени ориентировалась.

Коммунистическая Партия Индонезии (К. П. И.)

В тревожные дни 1915 года, когда индонезское правительство было озабочено военными событиями в Европе и бурными собраниями и съездами Сарекат-Ислама, группа голландских социал-демократов образовала союз под названием „Индийский Социал-Демократический Союз“ (И.С.-Д.С.).

Спор шел о том, нужно ли пойти прямо к индонезским массам, или же ограничиться исключительно социалистическими курсами для индонезских интеллигентов. Представителями первого взгляда являлись Снейфлит и Баарс, а представителями второго — Костер и другие. К счастью для индонезского рабочего движения, первое течение одержало верх. Мы видели как И. С.-Д. С. развил свою деятельность непосредственно среди масс в Сарекат-Исламе. И. С.-Д. С.— реформистская социал-демократическая партия Голландии, которая находится под руководством Трульстры, стоит на точке зрения абсолютной и прямой независимости Индонезии и диктатуры пролетариата. В 1920 г., когда на съезде встал вопрос о переименовании в коммунистическую партию и присоединении ее к Москве, то оказалось, что в партии были люди, между прочим Гартох, боявшиеся вступить на коммунистический революционный путь. Но большинство одержало победу, и с той поры индонезская партия называется Коммунистической Партией Индонезии (К. П. И.).

Свою огромную популярность среди индонезских масс эта партия приобрела в 1917 г., когда был учрежден Комитет „За обороноспособность Индии“. Целью этого Комитета было сделать индонезцев обороноспособными, конечно, против иноземного врага. Кроме патриотически настроенных офицеров, в Комитете заседали также индонезские националисты из рядов Буди-Утомо и Сарекат-Ислама. Комитет отправился в Голландию вести пропаганду среди акционеров, которые должны были дать часть денег, необходимых для милитаризма.

Против этого и начала свою деятельность Коммунистическая Партия Индонезии (в то время еще называвшаяся Индонезским Социал-Демократическим Союзом), особенно на собраниях Сарекат-Ислама. Ей удалось повернуть настроение в свою пользу против воли вождей Сарекат-Ислама. В результате большая часть отделов Сарекат-Ислама, под руководством семарангского Сарекат-Ислама, решила послать телеграмму к делегации „Обороноспособность Индии“ в Голландию, в которой указывалось, что Сарекат-Ислам впредь не согласен с планами милитаризации и поэтому отзывает своих представителей из Комитета.

Одновременно началась кампания в рядах Сарекат-Ислама за сокращение посевной площади сахарного тростника в пользу индонезских крестьян, и приблизительно в это же время был учрежден по инициативе коммунистов „Союз Солдат и Матросов“. Вскоре после этого наступили тревожные дни 1917 года, вызванные Октябрьской революцией в России. В Индонезии возникает Совет Солдатских и Матросских депутатов. Когда германские социал-демократы поставили во главе республики Эберта, Трульстра выступил в голландском парламенте со своей знаменитой угрозой „революцией“. Из этой революции, однако, ничего не вышло, и вскоре после этой угрозы Трульстра указал, что он, в сущности, думал совсем напротив. Под впечатлением голландских событий генерал-губернатор фан-Лимбург-Стирум выступил с разными обещаниями — между прочим, насчет учреждения „Народного Совета“, чем он совершенно подкупил националистов в роде Абдул-Муиса (из Сарекат-Ислама) и Теувена (Н. И. П.); а когда этим способом бурю немного удалось унять, правительство схватило пару коммунистических вождей и выслало их из страны, а затем упразднило Солдатский и Матросский Совет.

Молодая партия, разумеется, понесла некоторый урон благодаря тому, что первые из европейских организаторов были высланы из края. Но в скором времени из рядов индонезских рабочих и интеллигентов явились новые силы.

В 1919 году коммунисты вступили в сотрудничество с националистами для учреждения Центрального Совета Профсоюзов. Присоединились железнодорожные рабочие, портовые рабочие, нефтяные рабочие, союз портняжного производства, союз шофферов и много других. Все эти профсоюзы находились под руководством коммунистов и вместе насчитывали в то время около 60.000 членов. Затем присоединился союз сахарных рабочих, союз ломбардных рабочих, союз работников просвещения, союз металлистов, крестьянский союз и др., которые находились под руководством националистов и насчитывали около 80.000 членов. В главном правлении Центрального Совета заседали два коммуниста, — именно, председатель и секретарь. Кроме союза

железнодорожников, в настоящее время от всех этих профсоюзов мало что осталось. Этому способствовали различные причины, между прочим недостаток дисциплины, плохая организация и управление финансами, а также — чего не следует забывать — и сильная реакция. Она в особенности дала себя почувствовать союзу сахарных рабочих. Среди причин можно также указать раскол 1921 года, произошедший в Сарекат-Исламе между коммунистами и националистами. Раскол не ограничился Сарекат-Исламом, но продолжался и в Центральном Совете Профсоюзов. Образовалось два таких Совета. К счастью, в конце 1922 г. в Центральном Совете Профсоюзов был восстановлен единый фронт между коммунистами и националистами. Был учрежден новый Центральный Совет (Пасуранский Профсоюз Гиндия), так что оба прежних профессиональных центра были объявлены распущенными. Этим мы обязаны тому факту, что наиболее важные профсоюзы, как союз рабочих сахарных предприятий и почтово-телеграфный, официально сместили свои старые правления, присоединились к коммунистическому профсоюзу. Очень важным представляется также присоединение союза государственных служащих, так что теперь мы можем сказать, что все значительные профсоюзы находятся под руководством коммунистов.

Следует, однако, заметить, что число членов в новой Центральной Организации Профсоюзов не так велико, как в 1919 г. Но энергичной работой с течением времени удастся создать организацию, которая внутренне будет много крепче прежней.

Среди женщин коммунистическая пропаганда также делает большие успехи. В Семаранге женщины Сарекат-Ислама пришлось объединить в особую организацию из-за трудности устройства собраний. Число членов этой организации составляет от двух до трех тысяч. Во время всех забастовок и демонстраций женщины из Сарекат-Ислама оказывают мужчинам энергичную поддержку. После арестов коммунистов Семауна и Снейфлита женщины выразили протест, при чем жены крестьян под влиянием организованных женщин, членов Сарекат-Ислама, перестали выносить свои товары на рынок, так что европейские буржуа не могли покупать продуктов.

О работе коммунистов в области просвещения молодежи мы уже говорили раньше. Успех коммунистов так велик, что „этическое“ правительство находит теперь необходимым выступить против них с насилиями. Издан новый закон, сильно затрудняющий нашу просветительную работу.

Европейские капиталистические газеты вынуждены были с сожалением констатировать, что у коммунистической партии Индонезии „гораздо больше газет, чем у всех националистических партий, вместе взятых“, и что эти газеты „редактируются не без вкуса и по твердой системе, пускай и коммунистической“. В одном только Семаранге выходят: „Синар-Гиндия“ („Свет Индонезии“)—коммунистическая газета; „Суара-Райят“ („Глас Народа“)—еженедельник. Дальше идут редактируемые коммунистами газеты профсоюзов, как например, „Си-Тетап“ („Терпение“) и два ежемесячника союза железнодорожников, которые рассыпаются членам бесплатно; „Суара-Постель“ („Голос Почтово-Телеграфных работников“); „Суара-Каум-Бурух“ („Голос Пролетариев“), издаваемый для рабочих сахарных предприятий. В Бандунге выходит коммунистическая газета „Матахари“ („Солнце“), а в Дьюкье — „Суара-Дуния“ („Голос Этого Света“); не нужно забывать что Дьюкья является яванской Меккой, где, таким образом, почти исключительно происходит ориентация на „этот свет“. Как в Бандунге, так и в Семаранге, и в Дьюкье коммунисты располагают собственными зданиями и типографиями. Приблизительно в десяти местах—также и школьными зданиями, которые могут служить для собраний, что чрезвычайно важно при трудности устраивать собрания в Индонезии.

Со времени исключения коммунистов из Центрального Правления Сарекат-Ислама в сентябре 1921 г., Коммунистической Партии Индонезии все чаще приходится выступать самостоятельно. Никакой партии правительство не уделяет столько внимания, как нашей. И никакая партия не понесла столько жертв, как наша.

Тотчас же после того, как коммунисты в сентябре 1921 г. были исключены из правления Сарекат-Ислама, мы созвали в декабре того же года в сотрудничестве с коммунистическими отделениями Сарекат-Ислама наш собственный съезд

в Семаранге. Нам удалось там привлечь на свою сторону революционных вождей центрального правления Сарекат-Ислама (как, например, влиятельного Хаджи-Хадикусоо из Дьюкьи). Благодаря его давлению на Абдул-Муиса (вице-председателя правления Сарекат-Ислама; Тьюкро-Аминото тогда сидел в тюрьме) был достигнут компромисс между исламитами и коммунистами. И когда произошла всеобщая забастовка „ломбардников“ (государственных рабочих), находившихся под влиянием исламитов, то единый фронт фактически был восстановлен. Коммунисты обещали реально поддержать стачку, тем более, что заработной плате железнодорожников грозило понижение. Исламитские вожди, даже Абдул-Муис, обещали коммунистам отменить „партийную дисциплину“ на специально для того созванном съезде, так что коммунисты опять могли войти в правление Сарекат-Ислама. До сих пор этого не могло быть. Правительство страшилось „единого фронта“ и всеобщей забастовки железнодорожников. После этого тотчас же были арестованы коммунистические вожди Берхсма (секретарь союза железнодорожников и член центрального правления Коммунистической Партии Индонезии) и Малакка (председатель Коммунистической Партии Индонезии), которые были затем высланы из страны.

Приблизительно в то же время в Тернате были арестованы и посажены в сырье тюрьмы 63 коммуниста. Здесь их подвергли всевозможным угрозам и пыткам. Они обвинялись в том, что будто бы хотели поднять восстание. Значительная часть армии была отправлена в Тернат, и остров долго находился на осадном положении. Часть арестованных приблизительно через месяц была отпущена на свободу. Но ведомство юстиции требовало, чтобы лидера Гондо-Юона приговорили к пяти годам, Денга к четырем с половиной годам, а Гамида-Ассоро—к двум с половиной годам заключения, что, по всей вероятности, и будет сделано.

Значительная часть группы исламитов постоянно оказывала давление на выпущенного тем временем из тюрьмы Тьюкро-Аминото, чтобы созвать съезд, на котором опять будет обсуждаться вопрос о „партийной дисциплине“. Мы уже раньше говорили о результате этого. Тьюкро-Аминото

окончательно порвал с коммунистами на Мадиунском съезде и начал искать связи с табачным капиталистом Отто Ландером.

Когда была проведена „партийная дисциплина“, 600 членов съезда из 1.000 покинули съезд Сарекат-Ислама. Своей победой Тьюкро-Аминото обязан тому обстоятельству, что за него голосовало много мелких и мертвых отделов, между тем как почти все крупные отделы пошли с коммунистами. Лучшим доказательством банкротства правления Сарекат-Ислама является, конечно, то, что он больше не в состоянии издавать своего собственного органа.

После Мадиунского съезда к коммунистам присоединилось семь новых отделов, в том числе отделы больших городов Мадиуна, Нганьока и гораздо более важной Дьюкьи, важной потому, что эта яванская Мекка приблизительно за год до того вела непримиримую борьбу с „безбожными коммунистами“ Семаранга. Позиция Дьюкского отдела была одобрена Соорю-Праното (вице-председатель правления Сарекат-Ислама), который тем временем вышел из тюрьмы. Этот известный националистический вождь, участвовавший также в индонезском рабочем движении—он раньше был председателем союза сахарников—осудил политическую позицию Тьюкро-Аминото и высказал недоверие к его финансовому управлению. Он, однако, еще не примкнул к коммунистам, но временно устранился от политического движения. Позиция Соорю-Праното всего отчетливее показывает, что влияние Тьюкро-Аминото и его организации ослабевает.

Не менее важным представляется завоевание нами рядов Национальной Индийской Партии. Известный революционный вождь этой партии Хаджи-Мисбах, пользующийся колossalным влиянием среди молодых революционных исламитов и бедных крестьян, которого правительство приговорило к двум годам заключения за его выступление в Соло (он поднял население страны против его феодальных владык и против правительства), резко нападает на Тьюкро во время Мадиунского съезда и с той поры неизменно стоит в рядах коммунистов. Благодаря своему крупному авторитету и основательному знанию ислама, ему всюду удается разобла-

чать реформизм, половинчатость и лицемерный характер „исламизма Тьюкро-Аминото“.

Мартовский съезд в Бандунге прошел целиком под знаменем III Интернационала—там были даже советские эмблемы и фотографии Маркса, Ленина и Троцкого. Перед открытием состоялась демонстрация коммунистической молодежи. На съезде были представлены 15 коммунистических и 20 Сарекат-Исламских отделений и Центральное Правление. Прислали своих представителей даже Буди-Утомо и Национальная Индийская Партия. Было много представителей европейских и националистических газет Индонезии. Всего собралось 3.000 участников, которые охранялись вооруженной силой.

Первая практическая работа съезда заключалась в реорганизации 20 исключенных отделов Сарекат-Ислама, которые в лучшие годы насчитывали около 100.000 членов. Эти отделы, которые теперь называются „Красным Сарекат-Исламом“, имеют приблизительно такую же программу, как К. П. И., и тот же центральный комитет, что и отделы К. П. И. Семарангское отделение после бандунгского съезда в полном составе присоединилось в К. П. И.

Таким образом, в настоящее время К. П. И. имеет около 13.000 членов, а отделения Сарекат-Ислама от 30.000 до 40.000.

Второй практической задачей была выработка „крестьянской программы“—она встала еще до того, как в Москве „Расширенный пленум Исполнительного Комитета“ совещался о „рабочем и крестьянском правительстве“. Так К. П. И. доказала, что она понимает дух коммунизма. Она сознала тот факт, что в действительности все националистическое рабочее движение находится в ее руках, и что фактически она сделалась вождем всех угнетенных в стране.

В то время, как мы пишем эту брошюру, Коммунистическая Партия и рабочее движение в Индонезии находятся в великой опасности. 10-го мая 1923 г. вспыхнула всеобщая забастовка железнодорожников. Эта забастовка, насколько позволили обстоятельства, была довольно хорошо подготовлена. Но момент для начала забастовки сложился не в пользу железнодорожных рабочих. Правительство знало, что если бы

забастовка разразилась во время сахарной кампании—июль, август и сентябрь,—то это означало бы катастрофу для всей экономической жизни Индонезии. Тем более, что союз сахарных рабочих находился под прямым руководством коммунистов. Оно знало также, что железнодорожники при аресте кого-либо из своих вождей тотчас же объявили забастовку, хотя бы для протеста. Опыт показал, что правительство хотело предупредить или сломить забастовку путем заговоренного ареста лидеров организации по искусственно созданному поводам. Такой повод был найден в речи, которую председатель Семаун произнес за месяц до того на собрании Сарекат-Ислама. Железнодорожники сдержали слово и немедленно начали забастовку. С одной стороны, было неблагоразумно поддаваться провокации, но с другой стороны железнодорожники показали блестящий пример солидарности. Это подает надежды на лучшее будущее.

Союз железнодорожников, Коммунистическая Партия Индонезии и Сарекат-Ислам поспешили организовать в Семаранге многолюдные митинги. Их примеру немедленно последовали и другие города. Забастовали шофера и прислуга больших семарангских европейских отелей. Женщины Сарекат-Ислама вели в дезах (деревнях) энергичную пропаганду за поддержку забастовки. Базары опустели, потому что крестьянки под влиянием организованных женщин из Сарекат-Ислама оставались дома, так что европейские буржуа остались без провизии. В Семаранге дело дошло до стычки между полицией и рабочими. В Сурабайе были перерезаны все телеграфные и телефонные провода. Имелись налицо все признаки, что забастовка распространится на рабочих почты и телеграфа, на портовых рабочих, на электрические станции и на рабочих сахарных предприятий.

Но дело не пошло так далеко. Через несколько дней индонезская бюрократия издала новый закон. Каждый, кто поддерживает забастовку, или подстрекает к забастовке, арестовывается без всякой судебной процедуры. Собрания были фактически запрещены. Наши партийные товарищи из Индонезии писали нам, что число арестованных исчисляется сотнями. Среди них находятся почти все видные коммуни-

стические вожди, как Сукирно, Абдул-Рахман, Судибо, Гунавин, Сануси, четыре женщины и многократно упоминавшийся Хаджи-Мисбах. Несмотря на эти массовые аресты и запрещения собраний, число бастующих дошло до 10.000, в том числе свыше 500 машинистов и столько же кочегаров. В сахарном районе Восточной Явы, особенно в Сурабайе, забастовка сделалась всеобщей, так что перевозка сахара почти совершенно прекратилась.

Руководители и персонал организации железнодорожников в Семаранге.

Бастующие рабочие, оставшись без руководителей, перешли к саботажу и к единоличным выступлениям. Они стреляли в штрейкбрехеров-машинистов. В Херибоне был убит машинист. В мирном Преангере были убиты и брошены на рельсы два полицейских агента. Бандунгские арестанты бросились на агента, посланного правительством уговаривать арестованных забастовщиков.

Из страха перед революцией были приняты строгие военные меры. В шести важнейших провинциях фактически было введено осадное положение (в Семаранге, Пекалонгане, Преангере, Кедири, Мадиуне и Сурабайе).

Конечно, представляется несомненным, что железнодорожники проиграют эту забастовку,—хотя мы еще не по-

лучили полного отчета. Наши молодые организации еще не могут померяться силами с врагом, который пускает в ход весь аппарат своей монополии. Кроме того, они значительно ослаблены систематическими высылками и арестами, и больше всего расколом в Сарекат-Исламе. Мне думается, что не может быть и речи о том, чтобы правительство исполнило все четыре требования железнодорожников: 1) немедленное освобождение Семауна; 2) введение ставок заработной платы 1921 г.; 3) введение третейского суда и 4) восьмичасовой рабочий день.

С другой стороны, любопытно было бы знать, будет ли применять, и как будет применять правительство „закон о стачке“. И останется ли оно при решении „уволить всех забастовщиков“—ибо, по мнению правительства, это была политическая коммунистическая забастовка. Сахарные капиталисты не особенно довольны этой последней мерой. По их мнению, нельзя в два счета уволить сотни квалифицированных рабочих, ибо трудно заполнить места, освобожденные уволенными. Теперь время сахарной кампании, и сахарный капитал, который уже потерпел миллионы убытку по милости забастовки, не может больше ждать ни одного дня.

Мы не знаем также, что будет с нашими товарищами, которые сидят в тюрьме, и с нашей организацией, и возможно ли еще будет легальная коммунистическая работа.

Но мы знаем, что до тех пор, покуда европейский капитал нуждается в индонезийских рабочих, они всегда будут избирать своими вождями коммунистов, потому что коммунисты первые организовали индонезийских рабочих и научили их пользоваться самым сильным оружием против капитализма; потому что только у коммунистов имеется отчетливый идеал будущего; наконец, потому что они показали, что способны отдать все за этот идеал. Роста морального и духовного влияния коммунистов среди угнетенных масс Индонезии не сломит ни „закон о стачке“ и никакой другой реакционный закон, как статьи о „сезании ненависти“ и другие в этом роде не могли этого сделать до сих пор.

Заключение. Международное положение Индонезии и прочих азиатских стран.

Так как западный пролетариат и восточные нации не в состоянии были в 1919 и 1920 годах нанести капитализму последний удар, и для мирового капитализма критический момент временно миновал, то он начинает восстанавливаться; он быстро меняет свою роль обороняющегося на роль нападающего. Почти повсюду поход на заработную плату и рабочий день увенчался успехом. Во многих странах, в том числе в Италии, Венгрии, Польше, Испании и т. д., и т. д. свирепствует реакция в форме фашизма. В этих странах рабочие организации наполовину или совершенно уничтожены, и легальная революционная работа временно стала невозможной. Националистическое движение в Британской Индии не имеет уже такой силы и размаха, как в 1920 и 1921 гг. Свыше 25.000 борцов все еще сидят в тюрьме, а реакция готовится к нападению на сильнейшую революционную пролетарскую организацию в Западной Европе, на Германию. Германия в настоящее время превратилась в „боевую пролетарскую линию“. Если борьба здесь сложится в пользу пролетариата, то победа коммунизма будет очень близка. Но если она сложится в пользу капитализма, то мировому пролетариату не останется ничего другого, как отступить в последнюю крепость, в Советскую Россию. Почти несомненно, что мировая реакция, в конце концов, как один человек ринется на эту последнюю крепость. Исход этого нападения едва ли может сложиться в нашу пользу. Эта всеобщая атака на Россию будет уже не такая как прежние, под предводительством Колчака или Деникина. Тогда Советская Россия боролась с капиталистическими державами, которые сами шатались, потому что повсюду пролетариат вел наступление на свою собственную буржуазию.

Как противопоставлены теперь эти силы друг другу?

Прежде всего мы имеем Советскую Россию, богатую революционным опытом во всех областях, и которая, кроме того, заметно восстанавливается после ударов, нанесенных

ей великой войной и контр-революцией. Она сделалась экономическим, политическим и военным фактором, с которым мировой капитализм должен серьезно считаться. Рядом с Советской Россией стоит мировой пролетариат с германским на переднем плане, потому что он наиболее сознательен, наиболее организован, наиболее развит и дисциплинирован и наиболее многочислен. Наконец, мы имеем бесчисленные миллионы Востока, которые прямо или косвенно стоят на стороне Советской России и во всяком случае прямо против мирового империализма. Советская Россия, революционный пролетариат Германии и революционные националисты Востока—вот солдаты для мировой армии пролетариата против мирового капитала.

Против пролетарского лагеря стоит лагерь капитализма, правда, разделенный внутри себя, но объединенный против мирового пролетариата. Прежде всего мы видим французский империализм, который стремится к гегемонии сначала в Европе, а затем и над всем миром. Затем Британская империя, уже старая, уже достигшая апогея своей мощи, но все еще являющаяся державой величайшего значения. После великой войны на сцене появились новые империалистические великаны: Япония и Америка. Правда, четыре названных державы оспаривают друг у друга добычу, но они стали осторожнее и не так легко пойдут на новую войну; все они сосредоточивают свое внимание на России и на ее революционном пролетариате.

Какие же события и факторы могут изменить мировую ситуацию и равновесие сил и в заключение привести к поражению или победе мирового пролетариата?

Факторы многоразличны: мусульманские и национальные стремления к свободе на Востоке, конкуренция между империалистами на Дальнем Востоке и оккупация Рура. Не отрицая значения первого и второго факторов, полагаем, что вопрос оккупации Рура в настоящий момент является наиболее важным.

Из этого вопроса может родиться новая мировая война или „Франко-Германский Железный и Угольный Трест“. Для пролетариата и то и другое представляет и выгоды, и вред.

Никто не станет спорить, что от мировой войны пролетариат теряет все и ничего не приобретает. Истощенная Европа может быть вновь превращена в военный лагерь и завод амуниции. Яд „национализма“ еще раз может бытьпущен в ход буржуазией всех стран при помощи социал-демократов, чтобы заставить рабочих убивать друг друга и тем самым предотвратить пролетарскую революцию. Многие признаки—Гаагская конференция, например,—указывают, что социал-демократы будут защищать свое отечество с такой же готовностью, как в 1914 году. Колossalное число безработных, особенно в Англии, фашисты и социал-патриоты составляют человеческий резервуар, из которого капиталисты будут черпать свою армию. Пролетариату, бесспорно, очень трудно будет быстро превратить возможную империалистическую войну в гражданскую войну. Особенно теперь, когда вне России и Германии почти повсюду взяла верх реакция. Продолжительная война экономически так истощила Европу, что у пролетариата ничего не останется для возведения „рабоче-крестьянской республики“.

Столь же мало выгодным для мировой революции может оказаться и „Франко-Германский Стальной и Угольный Трест“. На этот счет мы тоже все согласны. Но все признаки указывают, что дело может окончиться этим; вопрос только в том, 60% или 40% получат Лушер или Стиннес при этом слиянии. Стиннес поддерживает германских фашистов против французского империализма, чтобы оказать на него давление и получить больше 40% прибыли. Этот фашизм он впоследствии пустит в ход против германского пролетариата, чтобы впредь безмятежно эксплоатировать его. Никто не может сказать, чем это все кончится. Удастся ли германскому пролетариату завоевать себе сторонников из фашистских рядов (мелкие буржуа и интеллигенты) и обратить их к коммунизму, или же германскому пролетариату удастся в ближайшем будущем бороться и против фашизма, и против французского империализма—на этот вопрос могут ответить только факты. Немало не поддающихся учету факторов действуют за или против, но никто не станет отрицать, что борьба германского пролетариата против сильной, молодой и необыкновенно хорошо организованной собственной бур-

жуазии, которая в надлежащее время получит поддержку от французской и прочей буржуазии мира, будет очень и очень трудна.

Чувство бессилия германской буржуазии против вооруженных до зубов французских империалистов и сознание невозможности опять заключить „гражданский мир“ с собственным пролетариатом, как это было во время последней великой войны, толкает более благоразумную германскую буржуазию, со Стиннесом во главе, в сторону франко-германского треста.

Что это будет означать, если сделается действительностью?

Присоединение Лотарингии и Саарской области повысит производительную емкость с 5.000.000 тонн железа до 11.000.000 тонн. Поддержанная германским углем Франция сделается первой страной стали. Нет никакого сомнения, что она найдет рынок сбыта в Европе, которая в большей части уже находится под ее прямым или косвенным влиянием (Австрия, Чехо-Словакия, Польша, Бельгия, Бавария, Югославия, Румыния и Греция) и в своих сильно расширившихся после войны колониях. Кроме того, Франция, благодаря 40.000.000 негров своих колоний, обладает величайшей армией в мире. Благодаря же рейнским и в особенности баденским анилиновым фабрикам, она располагает лучшими фабриками амуниции, бомб и удущливых газов. Если мы к этому присоединим число самолетов, которым она уже сейчас в три или четыре раза превосходит Англию (140 эскадрилий в настоящее время и 225 в будущем году — против 54 у Англии), то мы поймем, что будет означать франко-германский стальной и угольный трест. Он будет означать французскую гегемонию, первым делом в Европе. Нам не приходится объяснять последствий этого для западного пролетариата и для социалистической революции. Нечто подобное мы замечаем в последние несколько лет на Востоке. Англия во время войны испытывала необходимость в самой Индии вызвать к жизни разнообразные отрасли промышленности. Недостаток тоннажа был этому причиной. В течение двух лет в Индию были транспортированы огромные капиталы. В сотрудничестве с индийской буржуазией, или без нее, были открыты новые предприятия. Такое же явление было наблюдаемо в

Индонезии, с той только разницей, что в Индонезии эксплуатация происходит за счет международного капитала и без помощи туземного. Развитие туземного капитала Британской Индии достигло уже довольно высокой ступени. Это прежде всего приходится сказать о текстильной промышленности, которая уже теперь господствует на мировом рынке. И в другой области туземная промышленность начинает сильно развиваться; банковое дело в Бомбее почти целиком находится в туземных руках, между тем как по части машин и других необходимых для индусской промышленности предметов она все более освобождается от зависимости от Англии.

Перемещением капиталов в свои колонии Англия достигает двоякой цели.

Во-первых, прибыль предприятий в колониях выше, чем в метрополии. Сырье находится рядом, заработка плата ниже, а рабочий день значительно длиннее. Тем или иным способом, а прибыль должна вернуться в метрополию.

Во-вторых, тысячи пролетариев в колониях получают новый заработок, а экономическое сотрудничество с туземной буржуазией ведет к политическому сотрудничеству, к усилению британской империи и к ослаблению революционного националистического движения.

Для укрепления британско-индийского могущества все больше индусов привлекается не только в правительственные учреждения, но и в армию. Теперь говорят об „инданизации“ армии. К высоким постам в армии должно привлекаться все больше индусов. По мере того, как экономическое сотрудничество между английской и туземной буржуазией будет развиваться, государственный аппарат все более будет строиться из англичан и индусов.

Америка, которая до сих пор одна вела торговлю в Азии, давно уже привыкла к таким мерам. Она уже с начала этого века непосредственно приступила к американизации Филиппин. Филиппинская молодежь воспитывается в Америке для занятия постов в промышленности и руководящих постов в государственном управлении. На Филиппинах было открыто большое число школ. Туземная индустрия получает поддержку и покровительство. Теперь на Филиппинах имеется крепкая национальная промышленность. В согласии с этим

государственный аппарат все более заполняется филиппинцами. В результате всего этого от столь сильного прежде революционного националистического движения почти ничего не осталось. Наилучшее применение своим силам бывший революционер находит теперь в сотрудничестве с американским капиталом для того, чтобы лучше защищать страну от иноземных врагов, особенно Японии.

Появление Америки на колониальной арене означает, что „мирное проникновение“ она умеет практиковать во всякой стране. Япония, например, не умеет этого делать. Ей недостает железа и угля, так что в Корее, Формозе и в Китае она должна прибегать к прямому грабежу и насилию; благодаря этому она утратила свою роль „освободителя Азии“ и сделалась наиболее ненавистным империалистом Азии. В Америке азиат еще не видит своего прямого врага, потому что она является в Азию исключительно „для торговли“.

Так как Америка располагает колоссальными запасами сырья, машин и человеческого материала и поэтому может предлагать свои товары по более дешевой цене, она действительно повсюду в состоянии бороться с конкуренцией. Особенно же с той поры, как она сделалась „кредитором“ Европы, и в ее торговле и промышленности царит высокая „конъюнктура“, экспорт американского капитала и товаров колоссально возрос. Южная Америка, Канада и Мексика буквально наводнены американскими фабричными изделиями и американским капиталом. Об Индонезии мы уже говорили. Остаются еще колоссальные пространства в Азии, где американский капитал может развиться до небывалой высоты: именно, в Китае.

Вильгельм II, бывший германский император, мечтавший о мировой державе под германским господством, видел в Китайской империи будущую угрозу для белой расы. Китайский призрак он называл „желтой опасностью“. И действительно, современный и объединенный Китай будет угрозой для капиталистического и империалистического Запада. (Точка зрения Вильгельма была точкой зрения капиталиста, нам же, коммунистам, отнюдь не приходится бояться желтой опасности как таковой).

Основываясь на заявлениях послов и ученых в роде Рихтгофена, которые должны были расчистить дорогу Вильгельму, он видел эту желтую опасность в трех различных формах.

Во-первых, как конкуренцию белым рабочим—когда Китай научится пользоваться современными изобретениями. Численность населения Китая в короткий срок так сильно возрастет, что китайцы вынуждены будут эмигрировать, и это уже наблюдается. Никакими средствами нельзя будет заставить белых отказаться от найма этой дешевой рабочей силы. И поэтому первой задачей вильгельмовских инженеров будет построить европейскую стену против китайцев.

Во-вторых, как торговый конкурент, китаец со своими естественными богатствами, прекрасным климатом, плодородной почвой, со своим трудолюбием, низким уровнем жизни, бережливостью, восприимчивостью, с необычайной, настойчивостью и мастерством в торговле и промышленности в состоянии будет производить товары по гораздо более дешевой цене, чем европеец, и, таким образом, европейские продукты будут вытеснены со всех мировых рынков. Ни эмиграция, ни тарифные законы не могут спасти западную промышленность от гибели. Это приведет к завоеванию западной индустрии восточною.

И, наконец, остается китайская империалистическая угроза. В своем воображении Вильгельм уже видел, как поднимается новый Чингиз-Хан или Тамерлан, ведущий миллионы китайцев на Запад, чтобы подчинить и царство Вильгельма монгольскому игу. Так исполнится пророчество Ницше! Но Вильгельму неприятно было думать, что мировая культура будет монгольской, а не германской, и „сверхчеловек“ выйдет из лона Тимура, а не Гогенцоллернов.

Все это нужно предотвратить. Меч капитала, христианства и германской культуры должен поставить этому препятствия. Кяо-Чао был оккупирован, и германский купец замыслил вытеснить в Китае товары других европейцев. Германские капиталисты вкладывали свои капиталы в различные китайские предприятия. Миссионеры повсюду старались подорвать влияние Конфуция и внедрить „prusское христианство“. Сотни китайских юношей принимались в

германские университеты. Подобно Японии, Китай должен был научиться понимать германскую культуру и владеть германским мечом.

Между тем, опыт показал Вильгельму, что выросший ученик, японский империалист, не остановится перед тем, чтобы пустить в ход крупповскую пушку против германских купцов в Кiao-Чао. И прежде чем пойти на Багдад, германскому орлу пришлось провести последние дни в голландской деревне. Но это не меняет того факта, что Вильгельм признал в Китае чрезвычайно важный фактор силы.

В Китае его дело продолжают другие империалистические державы—Япония, Англия и Америка. Мы сейчас ограничимся только Америкой, ибо она действительно стоит на пути к тому, чтобы превратить Китай в мощный фактор будущей политики и экономики мира. И меры, которые она применяет, не похожи на прусские.

Америка также обратила свое внимание на наличие четырехсотмиллионного населения в Китае, составляющего, таким образом, четверть всего человечества, и сумевшего еще в древности создать замечательную культуру. Как practicalnyy делец, американец очень хорошо понимает, какое значение имеет Китай для его избыточного капитала.

Профессор Фернальд из пенсильванского университета оценивает запасы каменного угля в Китае в 1.200 миллиардов тонн; согласно В. К. Тонгу, директору китайского геологического института, это запас, которого хватит на тысячу лет при годичном мировом потреблении в 1 миллиард тонн. Кроме того, Китай весьма богат другим атрибутом современной промышленности—железом. Согласно германскому геологу Рихтгофену провинции Хан-Си и Кан-Су принадлежат к богатейшим в мире угольным и железным бассейнам, и в каждой из восемнадцати больших провинций Китая констатирована наличие больших запасов угля. Кроме того, в Китае имеется в большом количестве олово, свинец, медь, антимоний и золото. В „Тихоокеанском Журнале“ за ноябрь 1919 год Путман сообщал: „Китай является резервом минералов для четверти земного шара; от его запасов зависит прочное благосостояние одной трети населения всего мира“. Часто указывается, что китайская территория может

дать пропитание миллиарду людей, и при этом еще вывозить.

Американцы характеризуют свою политику и отношение к Китаю, как „коммерческую сердечность и дипломатическое доброжелательство“. Разумеется, мы также мало верим этим фразам, как и лозунгу: „Америка для американцев“. Если бы даже сейчас американской политикой в Китае руководили „торговая сердечность и дипломатическое доброжелательство“, то рано или поздно наступит время, когда Америка будет защищать свою торговую дипломатию подводными лодками и эдиссоновскими удешливыми газами. Через двадцать лет должны, ведь, истощиться нефтяные источники Америки! Но покуда, благодаря дешевым американским товарам, американская политика выгодно отличается от германской, японской и английской.

Благодаря своим 21 пункту, завоеванию Кореи и Формозы, Япония, несмотря на личину „братьской нации“ и лозунг „Азия для азиатов“, является в глазах китайцев самым хищным и кровожадным разбойником. Далее, китаец еще не забыл тонн опиума, которым Англия в течение долгих лет отравляла китайский народ. Америка же, напротив, всегда играла роль искреннего друга, который явился только ради торговли и просвещения.

Американцы, в особенности американские миссионеры, давно уже учреждают в Китае бесчисленные школы и больницы. Из этих школ вышло немало китайцев, отличившихся в области промышленности и политики. При помощи этих школ американские ученые сумели в значительной степени популяризовать американскую технику и науку. Не нужно забывать, что американская фильма также не мало способствовала популяризации американских товаров и вытеснению китайской изолированности и целомудрия американской демократической свободой и просвещением.

Мало этого: сотни китайских студентов принимаются в американские университеты с распластанными объятиями. Они изучают американские науки, учатся обращаться с американскими машинами, вступают в дружественные отношения с американской буржуазией и, вероятно, женятся на американских девушках. Возвращаясь в Китай, они сохра-

няют естественную связь с Америкой. Инженеры и директора китайских заводов будут рекомендовать американские машины, с которыми они хорошо умеют обращаться. Торговцы будут заказывать американские товары. Дипломаты и политические деятели будут предпочитать американцев всем другим иностранцам в Китае.

Эта политика уже и теперь принесла свои плоды. Мы уже говорили, что многие китайцы из высших сфер индустрии и политики получили американское образование. Америка как будто радуется возникновению чисто-китайских индустрий. И их уже довольно много. „Железнодорожные заводы Хан-Иех-Пинг“, владеющие многими угольными копями (стало быть, настоящий китайский стальной трест), затем „Судостроительные и Машиностроительные заводы Кьянгнана“ в Шанхае и многие банки работают при помощи китайского капитала, инженеров и рабочих. Американцы покуда довольствуются тем, что эти заводы борются с японским влиянием и заказывают в Америке очень многие машины, которых Китай покуда еще не может строить. Кроме того, Америка заручилась дружбой и поддержкой китайских руководящих кругов для того, чтобы построить в Китае собственные колоссальные заводы по всевозможным отраслям промышленности. Таким образом, Америка со своими университетами, миссиями и биоскопами, со своим капиталом и „торговой сердечностью и дипломатическим доброжелательством“ может беспрепятственно работать еще десять или двенадцать лет среди просыпающихся сотен миллионов китайцев, а перспективы Японии и Англии, а также мировой революции, представляются в Китае не особенно розовыми. Если миру суждено оставаться на старой основе, т.-е. на торговле и конкуренции, то Западная Европа действительно найдет в Востоке страшного конкурента. Первым делом сталелитейные заводы Востока по возможности будут освобождаться от дорогих европейских стальных изделий. Затем восточные текстильные товары начнут вытеснять западноевропейские. И, наконец, рынок колониальных товаров все более и более будет перемещаться из Западной Европы в колонии или в Америку. Это приведет к тому, что европейские капиталисты скоро начнут помещать свои капиталы на

Востоке и получать оттуда ежегодную ренту, а собственным рабочим и многим отраслям индустрии предоставят умирать естественной смертью. И невольно вспомнишь о римских патрициях в последние дни Римской Империи, которые вели хозяйство в своих колониальных поместьях при помощи рабов, а сами проживали деньги в выродившемся и изнеженном Риме.

Но это только предположение, которое может сделаться действительностью. Восточный капитализм не может, конечно, существовать вечно, ибо, подобно западному капиталу, и восточный в конце концов будет уничтожен своим естественным врагом,—восточным пролетариатом. Во всяком случае зарождение и развитие восточной индустрии может нас вовлечь в новый капиталистический период.

С этим мы должны считаться. Необходимо, чтобы европейский пролетариат уделял свое внимание не исключительно своим странам и помнил о национальном движении на Востоке, между прочим, и в особенности,—о капитализации Востока. Ибо она может означать возрождение капитала и в ближайшем будущем оказать большую поддержку контрреволюции,—а затем создать новый экономический, политический и военный фактор.

Может—ибо, с другой стороны, имеются факторы, которые в состоянии избавить нас от этого, если мы сумеем своевременно использовать их. Мы имеем, например, рабочее движение в Европе, поддерживаемое Советской Россией. Мы имеем национальное движение на Востоке. Там происходит ожесточенная конкуренция между мировыми империалистическими группами, в результате которой все усиливаются вооружения. Налицо ожесточенная конкуренция между Японией и Америкой, свидетельствующая о приближении последней решительной войны за свое существование между этими империалистическими государствами на Дальнем Востоке.

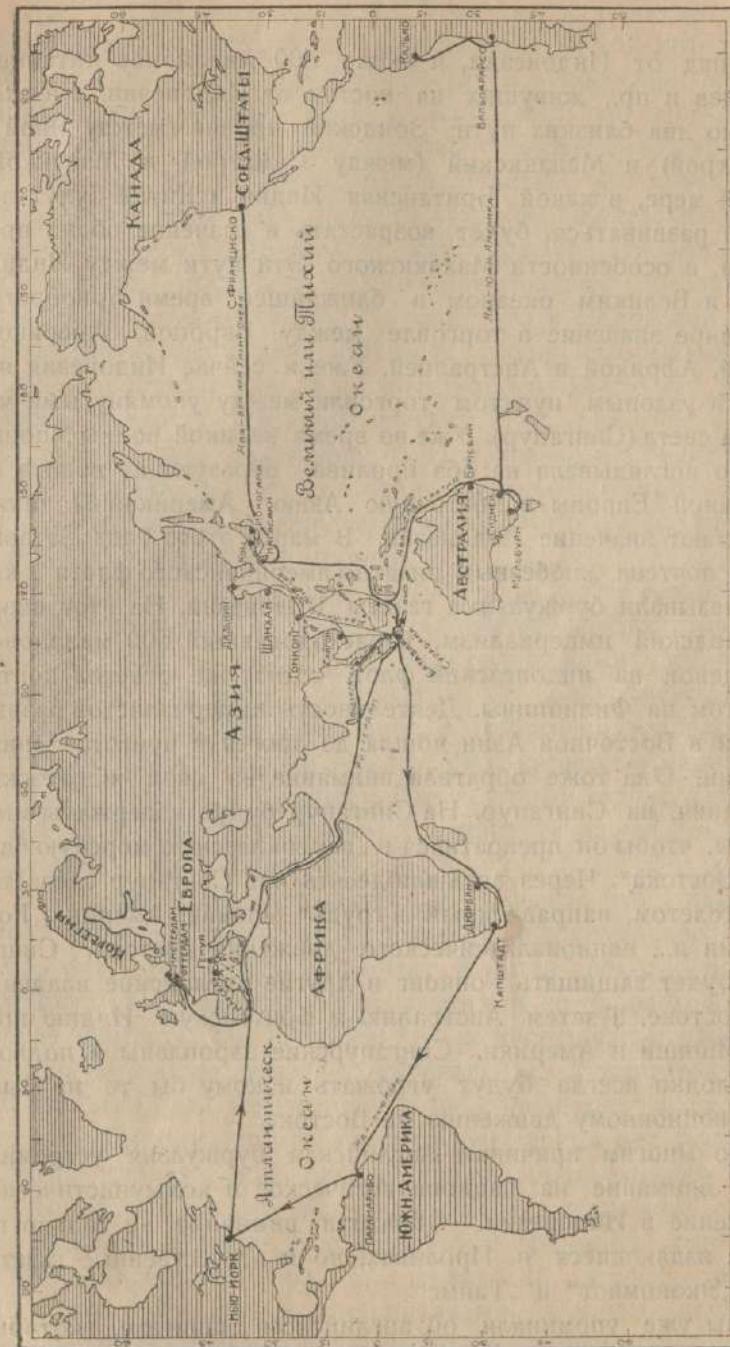
Если в Европе в ближайшем будущем вспыхнет революция или новая мировая война, то об отступлении западного капитализма на восточный фронт уже не может быть речи. Восток тотчас же займется собственным освобождением от империализма. Индустриализация колоний, как Бри-

танская Индия, и компромиссы между английской и туземной буржуазией не зашли еще столь далеко, и пропасть между угнетателями и угнетаемыми временно еще не засыпана настолько, чтобы этим могло быть задушено националистическое движение. Еще существуют свыше 40 миллионов недовольных, бедных и неимущих крестьян и около 9 миллионов промышленных рабочих Индии и целые миллионы недовольных мелких буржуа и интеллигентов всех сословий, которые еще готовы начать борьбу. Существуют миллионы Индонезии, Египта и Китая, одушевляемые тем же духом, что и крестьяне и рабочие Британской Индии. И мы знаем также, что капитализация Востока означает пролетаризацию, т.-е. насаждение врага самим капитализмом. Но мы не можем слишком долго ждать. Мы не можем позволить капиталистам обосноваться на Востоке в течение десяти или двенадцати лет. И возможно, что компромисс между европейской и восточной буржуазией, как на Филиппинах, будет означать ослабление революционных националистических движений и усиление капитализма на некоторое время. С этим мы тоже должны считаться. И тем более, что в то же время мы не должны забывать возможной большой войны на Востоке или освободительной войны в колониях. Вкратце мы можем следующим образом формулировать лежащие на нас задачи:

1. Координация и централизация всех революционных сил в колониальных и полуколониальных странах, чтобы мобилизовать их против западного империализма.

2. Координирование движения западного пролетариата и всего революционного движения в колониальных и полуколониальных странах против мирового капитала.

Проведение в жизнь этих двух формул будет, однако,最难的工作。 Для этого нам необходимо внимание и сотрудничество международного пролетариата, необходимы места, где эта работа может вестись с наибольшей быстрой и успехом. В связи с этим мы указываем на значение Индонезии. Не нужно быть большим стратегом, чтобы это понять. Бросив взгляд на карту мира, мы тотчас же увидим, какое значение имеет Индонезия для мировых сношений. Для торговли между 325 миллионами индузов, обитающих

Океанские мировые пути, скрещивающиеся в Индонезии.

на запад от Индонезии, и около 500 миллионов китайцев, японцев и пр., живущих на восток от Индонезии, имеются только два близких пути: Зондский пролив (между Явой и Суматрой) и Малаккский (между Суматрой и Малаккой). В той мере, в какой Британская Индия и Китай будут все более развиваться, будет возрастать и значение обоих проливов, в особенности Малаккского. Эти пути между Индийским и Великим океаном в ближайшее время приобретут огромное значение в торговле между Европой, Америкой, Азией, Африкой и Австралией. Уже и сейчас Индонезия является узловым пунктом торговли между упомянутыми частями света (Сингапур). Уже во время великой войны Япония жадно поглядывала на оба пролива, образующие ворота из Западной Европы в Восточную Азию. Американцы также понимают значение Индонезии. В марте этого года Батавия была почтена „любезным визитом американского флота“, как это называли буржуазные газеты Индонезии. На этот визит голландский империализм, израсходовавший 500 миллионов гульденов на индонезийский флот, тотчас же ответил контрвизитом на Филиппины. Деятельность империалистов разных наций в Восточной Азии дошла до апогея в приготовлениях Англии. Она тоже обратила внимание на свои индонезийские владения, на Сингапур. На Сингапур будут издержаны миллионы, чтобы он превратился в „первоклассную морскую базу для Востока“. Через пять или десять лет Сингапур сделается „пистолетом, направленным в грудь“ Японии, Америки, Голландии и... националистического движения Востока. Сингапур будет защищать Гонконг и другие английские владения на Востоке, а затем Австралию и Британскую Индию против Японии и Америки. Сингапурские аэропланы и подводные лодки всегда будут угрожать какому бы то ни было революционному движению на Востоке.

По многим причинам английская буржуазия устремила свое внимание на националистическое и коммунистическое движение в Индонезии. Обратили внимание не только газеты, издающиеся в Проливах, но и отечественные газеты, как „Экономист“ и „Таймс“.

Мы уже упоминали об английском капитале, который укрепился в Индонезии, в особенности в области нефти

(Royal-Dutch—Shell). Это представляет прямой интерес, но не менее важно это обстоятельство и в косвенном смысле. Британская империя очень хорошо знает, что означала бы коммунистическая Индонезия, расположенная в сердце ее восточного царства. Она хорошо понимает, что может означать знамя коммунизма для миллионов индонезийских пролетариев и бедных крестьян, и как примут эти миллионы образование Восточной рабоче-крестьянской республики. Она знает также очень хорошо, что в Индонезии живет около двух миллионов китайцев, среди которых имеются тысячи пролетариев и фабричных рабочих, и что эти тысячи далеко разносят коммунистический дух. Поэтому Англия устремляет свое внимание на Индонезию, и Сингапурские пушки предназначаются не исключительно против ее соперников—японцев и американцев, но и против ее собственных мятеежных подданных—индусов.

Вот почему Англия при первой вести о революции озвевело кинется на Индонезию. И Япония не будет медлить ни одной минуты, чтобы раздавить голову коммунистической Индонезии. На карту поставлены не только ее сахарные заводы и каучуковые плантации. Ее собственный пролетарий заговорит совсем другим языком. Что касается Америки, то ее флот нанесет еще один визит, который, однако, уже не будет „любезным“. Дело идет о защите ее каучука и нефти „Стандарт-Ойль Компании“.

Мы можем без преувеличения сказать, что Индонезия стоит непосредственно перед угрозой международного капитала. Но этот печальный факт имеет и свою оборотную сторону. Он укрепляет нашу партию в ее пропаганде. Не будем забывать, что Индонезия — колониальная страна, где восточную нацию угнетает европейская. Народ видит не капитал, который угнетает его, но „голландцев“ и „христианство“. Так как этот гнет длится уже триста лет, то можно себе представить, как сильна должна быть расовая ненависть. Против этого и была направлена в последние восемь лет наша пропаганда. Националистам мы всегда говорили: „Не голландец ваш враг, но голландский капитал, поддерживаемый англичанами, американцами, японцами и китайцами, которые также азиаты. Если вы выгоните голландцев,

то здесь останется достаточно белых и цветных угнетателей и эксплоататоров. Поэтому вы должны работать солидарно с врагами этих угнетателей в их собственной стране,— с английским, голландским, американским и японским пролетариатом. Поэтому вы должны образовать „единый международный фронт“.

Легко понять, как трудно вести пропаганду против трехсотлетних предрассудков и ненависти; но что такая пропаганда не невозможна, доказывается фактом, что голландские коммунисты, как Берхсма, Снейфлит, Брандстедер и многие другие голландцы, приобрели большую популярность и влияние среди индонезийских рабочих, так что индонезийское правительство сажало их в тюрьмы наравне с туземцами коммунистами и высылало из страны. В Индонезии имеются еще голландские коммунисты, которые участвуют в рабочем движении и, по мере возможности, оказывают ему свою поддержку. Вкратце мы можем сказать, что идеологический союз между западным и восточным пролетариатом стал в Индонезии уже фактом.

Чего нехватает, так это организационной связи. Это самая трудная но и самая необходимая работа, прежде чем можно будет думать об окончательной победе мирового пролетариата. Она требует не только работы отдельных коммунистов, как индивидуумов,—как это было в Индонезии, но, кроме того, постоянного внимания и труда коммунистических партий соответственных стран. Как ни трудна эта работа, но путь к ней легко найти. Если необходимость этого будет понята, и налицо будет добрая воля, то цель в конце концов будет достигнута. Ибо не так уж трудно установить связь там, где она уже создана капиталом и его бесчисленными пароходными линиями.

Не будем очень вдаваться во взвешивание шансов войны за национальное освобождение или империалистической войны на Востоке. Не будем довольствоваться платоническим использованием симпатий к националистической освободительной войне в колониях, но прежде всего создадим организационную связь Европы и Америки с Индонезией, в которой сходятся все соединительные линии Азии, где живут 50 миллионов людей, и где уже восемь лет коммунизм

открыто проповедуется всюду, вплоть до самой маленькой деревушки. Кроме того, мы указываем, что Индонезия является стратегическим центром и узлом сношений не только для капитала. Только тогда нами будет сделан великий шаг на пути к международной освободительной борьбе. И мы можем с коммунистическим терпением дождаться возможных событий, которые в ближайшем будущем должны разыграться на Востоке.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
Предисловие	3
Поверхность, климат, растительность Индонезии	5
О населении Индонезии	7
Ява до появления европейцев	12
Общие замечания по истории Индонезии в эпоху европейского империализма	22
Культура сахара на Яве	34
Прочие культуры Индонезии	49
Промышленность Индонезии	55
Государственные монополии	63
Индонезийские пути и средства сообщения	67
Порты Индонезии	81
Банковое дело в Индонезии	85
Ввоз и вывоз Индонезии	88
Влияние иностранного (не-голландского) капитала	90
Управление Индонезией	95
Финансы	106
Право в Индонезии	107
Народное образование	111
Положение туземного населения	117
Политическое движение.	
Буди-Утомо	126
Национальная Индийская Партия	128
Сарекат-Ислам	131
Коммунистическая Партия Индонезии	136
Заключение. Международное положение Индонезии	147

Цена 1 руб.

